

Sdvig / Shift

Transnational
Russian
Studies

UniorPress

Sdvig / Shift
Transnational Russian Studies

Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati
Università di Napoli L'Orientale

Direttrice / Editor-in-chief

Michela VENDITTI

Comitato di redazione / Editorial board

Rodolphe BAUDIN, Anastasia BELOUSOVA, Andrea F. DE CARLO, Maria Candida GHIDINI, Igor' PIL'ŠČIKOV, Giorgia RIMONDI, Andreas SCHÖNLE, Manfred SCHRUBA, Michela VENDITTI

Comitato scientifico / Scientific committee

Guido CARPI (UNIOR), Vladimir CHAZAN (Gerusalemme), Catherine DEPRETTO (Parigi), Patrick FLACK (Friburgo, CH), Lazar FLEISHMAN (Stanford), Donatella IZZO (UNIOR), Oleg LEKMANOV (Taškent/Princeton), Muireann MAGUIRE (Exeter), Viktor MARCHENKOV (Ohio), Giampiero MORETTI (UNIOR), Nikolaj PLOTNIKOV (Bochum), Fedor POLJAKOV (Vienna), Maxim D. SHRAYER (Boston College)

Segreteria di redazione / Editorial assistant

Laura BUONO, Sabrina GALLO, Ksenija FILIMONOVA
e-mail: redazione_sdvig@unior.it

Sdvig / Shift. Transnational Russian Studies, c/o Michela Venditti,
Università di Napoli L'Orientale, Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e
Comparati, Palazzo Santa Maria Porta Coeli, Via Duomo, 219, 80138 Napoli –
mwenditti@unior.it

Università di Napoli L'Orientale
Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati

Sdvig / Shift

Transnational Russian Studies

1 / 2023

UniorPress

Sdvig / Shift. Transnational Russian Studies
Rivista annuale
n. 1/2023

Università di Napoli L'Orientale
Via Chiatamone 61/62 – 80121 Napoli

Data di pubblicazione
dicembre 2023

ISSN 2975-1705

UniorPress

Via Nuova Marina, 59 - 80133, Napoli
uniorpress@unior.it

This work is licensed under
a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Tutti i diritti riservati
Prodotto nel mese di dicembre 2023
IL TORCOLIERE – Officine Grafico-Editoriali d'Ateneo

Tutti gli articoli pubblicati in questo volume sono stati sottoposti al vaglio
di due revisori anonimi.

INDICE / TABLE OF CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

<i>Presentazione della rivista / Presentation of the journal</i> / О журнале / Présentation de la revue.....	7
---	---

I

Articoli e saggi / Articles and Essays / Статьи

ХАЗАН В. Европеец высокой пробы (о писателе Юлии Марголине).....	15
ШРАЕР М. О направлениях русского поэтического авангарда в Израиле	75

II

Publicazioni / Publication of unpublished material / Публикация неизданных материалов

DEPRETTO С. André Mazon et la philologie russe des années 1920 (à propos de quelques lettres conservées dans les archives de l'Institut d'études slaves).....	117
ПОЛЯКОВ Ф. Материалы к изучению биографии и творчества Михаила Горлина из архива Institut d'études slaves (Париж). Часть первая (№ 1–5)	147

СПРОГЕ Л. «Время шло...» архивные материалы Татьяны Даниловны Клименко-Ратгауз	161
--	-----

III

Recensioni / Reviews / Рецензии

MARCUCCI G. <i>Čechov in Italia. La Duchessa d'Andria e altre traduzioni (1905–1936)</i> . Macerata: Quodlibet, 2022. 192 p. [G. RIMONDI]	197
<i>Transnational Russian Studies</i> / Ed. Andy Byford, Connor Doak, Stephen Hutchings. Liverpool: Liverpool University Press, 2020. 358 p. [S. GALLO, L. BUONO]	201
VETTER M. <i>“Wir bringen den Tyrannen den Tod”: Die russische Exilorganisation NTS im Kampf mit der Sowjetunion</i> . Berlin: Metropol Verlag, 2023. 328 S. [M. SCHRUBA]	207
Autori / Authors / Авторы	213

Presentazione della rivista

Sebbene la slavistica italiana vanti numerose riviste prestigiose, di alto valore scientifico e con una lunga tradizione, *Sdvig/Shift. Transnational Russian Studies* nasce dall'esigenza di colmare una lacuna, ossia l'assenza di una pubblicazione dedicata esclusivamente alla letteratura e cultura russa e russofona in una prospettiva transnazionale.

Proprio oggi, quando gli studi sulla letteratura e cultura russa e russofona hanno bisogno di liberarsi dall'identificazione con uno stato aggressore, è determinante preservare una tradizione che ha sempre svolto un ruolo cruciale nello sviluppo artistico, estetico e teorico globale.

Il titolo della rivista rimanda al termine di origine futurista, e poi dei formalisti, "sdvig", slittamento. Nella definizione di A. Hansen-Löve si tratta della "incommensurabilità universale, della contraddizione posta nella costruzione del mondo, che non solo 'viene rappresentata' in modo passivo nell'opera d'arte, ma che organizza in modo dinamico l'opera stessa". Lo slittamento assume diverse connotazioni a seconda della direzione di indagine: lo slittamento semantico, che deriva dallo *straniamento*, nel testo letterario e poetico è alla base della creazione del senso; dal punto di vista diacronico lo slittamento segna il mutamento del paradigma interpretativo e creativo.

Rigore metodologico e filologico, coniugato ad un approccio semiotico, che include anche le nuove direzioni delle *Digital Humanities*, caratterizzano la rivista e il gruppo internazionale di studiosi, che è stato invitato a fondarla. La gamma di tematiche che si intende esplorare riguarda la cultura russa (e russofona) in ambito transnazionale, nel suo nesso con le altre culture del mondo, il loro pluralismo e la loro varietà intrinseca, le questioni di world literature, i metodi esatti nello studio della letteratura, l'eredità del formalismo e

Presentazione della rivista

dello strutturalismo, le relazioni tra la letteratura e le altre discipline artistiche, solo per citarne alcune.

Ci auspichiamo che questa nuova rivista possa diventare uno spazio privilegiato di incontro e di discussione tra i russisti, specialmente nel contesto attuale, in cui l'invasione russa dell'Ucraina ha disgregato la nostra comunità internazionale.

Presentation of the journal

The journal aims to fill a void in Italian Slavistics, the absence of any journal devoted to Russian and Russophone literatures and cultures from transnational perspective, although there are numerous other prestigious journals with high scientific value and a long tradition.

Today, Russian literary and cultural studies need to free themselves from the identification with an aggressor state, therefore it is fundamental to highlight Russian and Russophone culture's entanglement with global artistic, aesthetic, and theoretical developments.

The title of the journal refers to a term of Futurist origin, and later used by the Formalists, "sdivig", shift. According to A. Hansen-Löve's definition, the term refers to the "principle of universal incommensurability, of the contradiction at the heart of the constitution of the world, which is not only 'represented' passively in the work of art, but which dynamically organizes the work itself". "Shift" has different connotations depending on the direction of research: a semantic shift, which results from the *ostranenie* effect, underlies the creation of meaning in the literary and poetic text; from a diachronic point of view, a shift marks a change of interpretative and creative paradigms.

What characterizes the journal and the international group of scholars who were invited to found it, is methodological and philological rigor, combined with a semiotic approach, which also includes the new directions of Digital Humanities. The variety of topics which will be explored concerns Russian (and Russian-speaking) culture in a transnational context, its connection with other cultures of the world, its internal diversity and pluralism, issues of world literature, the statistical

methods in the study of literature, the legacy of formalism and structuralism, and the relationships between literature and other artistic disciplines, just to name a few.

We hope that this new journal may become a privileged forum for encounters and discussions among Russianists, especially in the current context, in which Russia's war against Ukraine has led to the dispersal of our international community.

О журнале

Журнал создан с целью восполнить пробел в итальянской славистике, а именно отсутствие специализированного научного издания, посвященного русской и русскоязычной литературе и культуре в транснациональном контексте, несмотря на существование целого ряда авторитетных журналов высокого научного уровня с долгой традицией.

Именно сегодня, когда исследованиям русской и русскоязычной культуры нужно освободиться от отождествления с государством-агрессором, принципиально важно подчеркнуть ее глубокую связь с мировыми художественными, эстетическими и теоретическими достижениями.

Название журнала отсылает к термину «сдвиг», изначально футуристическому, а позже использованному формалистами. По определению О. Хансен-Лёве, этот термин описывает «принцип универсальной несоизмеримости, заложенного в устройстве мира противоречия, которое не просто пассивно “репрезентируется” в произведении искусства, но и динамически организует само произведение». «Сдвиг» принимает разные коннотации в зависимости от направления исследования: синхронически это – смысловой сдвиг, возникающий в результате *отстранения*, лежащий в основе создания смысла в художественно-поэтическом тексте; диахронически сдвиг знаменует собой смену интерпретационных и творческих парадигм.

Presentazione della rivista

Журнал и международная группа ученых, его основавших, придерживаются принципов методологической и филологической строгости в сочетании с семиотическим подходом, который также включает в себя новые направления Digital Humanities. Темы, которые будет освещать журнал, касаются русской и русскоязычной культуры в транснациональном контексте, ее связей с другими мировыми культурами, ее внутреннего разнообразия и плюрализма, проблем мировой литературы, статистических методов в изучении литературы, наследия формализма и структурализма и отношений между литературой и другими видами искусства. Мы надеемся, что новый журнал станет площадкой встречи и диалога русистов, что особенно важно в современных условиях, когда российское вторжение в Украину привело к расколу международного научного сообщества.

Présentation de la revue

Bien que la slavistique italienne ait donné naissance à de nombreuses autres revues d'une grande valeur scientifique, *Sdvig* vise à combler une lacune, à savoir l'absence d'une publication périodique consacrée spécifiquement à la littérature et à la culture russes et russophones envisagées dans une perspective non nationale, mais transnationale.

De fait, les études sur la littérature et la culture russes (et russophones) doivent aujourd'hui se libérer de l'identification avec un État agresseur, de sorte à préserver une tradition qui a joué un rôle crucial dans le développement artistique, esthétique et théorique de l'humanité.

Le titre du magazine fait référence au terme d'origine futuriste, utilisé plus tard par les formalistes, de « *sdvig* », c'est-à-dire de « glissement ». Selon la définition d'A. Hansen-Löve, il s'agit de « l'incommensurabilité universelle, la contradiction posée à la base même de la construction du monde, qui n'est pas seulement "représentée" passivement dans l'œuvre d'art, mais qui l'organise dynamiquement ». Ce « glissement » prend des aspects différents selon la direction choisie par la recherche : le glissement sémantique, qui dérive de la *défamiliarisation* dans le texte littéraire et poétique, est à la base de la création

du sens ; du point de vue diachronique, le « glissement » marque un changement de paradigmes interprétatif et créatif.

La rigueur méthodologique et philologique, combinée à l'apport de la sémiotique, sans oublier les nouvelles orientations offertes par les Humanities numériques, définissent l'orientation de la revue et du groupe international de chercheurs ayant présidé à sa fondation. La revue se consacrera à l'étude de la culture russe (et russophone) dans un contexte transnational, à ses liens avec les autres cultures du monde, à son pluralisme et sa variété inhérente, aux questions posées par le concept de littérature mondiale, au développement de méthodes statistiques dans l'étude de la littérature, à l'approfondissement de l'héritage du formalisme et du structuralisme et à l'étude des relations entre la littérature et les autres disciplines artistiques, pour ne citer que quelques orientations.

Nous souhaitons que cette nouvelle revue puisse devenir un espace privilégié de rencontres et de débats pour les russisants, notamment en ces heures où la guerre menée par la Russie à l'Ukraine a provoqué l'éclatement de notre communauté internationale.

Articoli e saggi / Articles and Essays / Статѝ

ВЛАДИМИР ХАЗАН
The Hebrew University of Jerusalem
vladimirkhazan6@gmail.com

**ЕВРОПЕЕЦ ВЫСОКОЙ ПРОБЫ
(О ПИСАТЕЛЕ ЮЛИИ МАРГОЛИНЕ)¹**

Abstract

“A European of High Grad: The Writer Iulii Margolin”. This article is an essay on the life and work of the Israeli writer and publicist, poet and political philosopher, public figure and well-known fighter against communist ideology Julius Margolin (1900–1971), whose spiritual and intellectual heritage is becoming more and more widespread and recognized today around the world. This is evidenced by the increasing number of translations of Margolin’s main book – *Journey to the Land of Zeka* (1949; the first edition in the original language – 1952) into different languages: English, French, German, Polish, and Hebrew, as well as the quantitative expansion of the international team of scholars who have devoted their research studies to Margolin, and – most importantly – the qualitative increase in the level of the latter. All these trends are traced in this article which summarizes the results of the current state of Margolin studies.

Keywords

Julius Margolin; totalitarian Soviet regime; *Soviet forced labour camp* system in literature; world anti-communist movement; Zionism; Israel;

¹ Выражаем сердечную признательность всем тем, кто оказал нам неоценимую помощь в работе: Ларисе Жуховицкой и Павлу Трибунскому (Россия), Мише Шаули (Израиль) и Любе Юргенсон (Франция).

publication history of the book *Journey to the Land of Zeka*; Margolin and Russian émigré writers' diaspora.

Аннотация

Статья представляет собой очерк жизни и творчества израильского писателя и публициста, поэта и политического философа, общественного деятеля и известного борца с коммунистической идеологией Юлия Марголина (1900–1971), чье духовно-интеллектуальное наследие получает сегодня все большее и большее распространение и признание во всем мире. Об этом свидетельствует возрастающее количество переводов главной книги его жизни – *Путешествие в страну Зека* (1949; издание на языке оригинала – 1952) на языки: английский, французский, немецкий, польский, иврит, а также количественное расширение международного коллектива ученых, посвящающих ему свои исследования, и – главное – качественное повышение уровня последних. Все эти тенденции прослежены в настоящей статье, которая служит своего рода выражением итогов современного состояния марголиноведения.

Ключевые слова

Юлий Марголин; тоталитарный советский режим; советская лагерная система в литературе; мировое антикоммунистическое движение; сионизм; Израиль; история публикации книги *Путешествие в страну Зека*; Марголин и русская эмигрантская писательская диаспора.

Несмотря на свою известность, публицист и политический писатель, поэт и философ, видный еврейский общественный деятель и узник советского ГУЛАГа, положивший жизнь на борьбу с тоталитарным режимом и помощь его жертвам, Ю.Б. Марголин нуждается в известном представлении.

Юлий (Иехуда) Борисович Марголин родился 14 октября 1900 г. в ассимилированной еврейской семье провинциального врача Бориса Ильича (1860–1941) и Ольги (Зельды) Авдеевны (урожд. Гальперина;

1873–1942²), в которой, как он заметит годы спустя, «говорили по-русски», и ни в его воспитании, ни в его окружении не было «ни крупницы сионизма» (МАРГОЛИН 1964). Пинск, город, «где Запад глядит на Восток»³, в котором родились и мать Юлия, и спустя более четверти века он сам, через много лет, когда он там случайно окажется, предстал его взору ушедшим «на дно истории, как легендарный град Китеж».

Вот улица на окраине, ветхая калитка, незнакомый запущенный двор и сад, заросший лопухами, – обозревал повзрослевший Марголин город своего детства. – Солнце играет на старой истлевшей скамье. Я здесь оказался случайно – гость с седеющими висками – и как странно! – старые обитатели дома, которых я в первый раз вижу, знают меня отлично, знают, кто я и чей. «В этом саду, – говорят они мне приветливо, – часто бывала ваша мать, еще девушкой». Неужели в этом самом саду? Старые люди, коренные пинские старожилы, смотря на меня особенным знающим взглядом, сдержанным и отдаленно дружеским, где отражено, как в потускневшем от времени зеркале то, чего я сам уже не помню и не знаю, что было до моего рождения в этом древнем городе, когда моя мать была молода, и сад был молод, и деревянные дома еще не обветшали (МАРГОЛИН 1965: 50).

Но тогда, в далекую пору детства и юности, «город начала века и начала жизни» предстал как место, заключавшее в себе древнюю тайну поколений, «из года в год, столетиями, создававших заколдованный замкнутый мир еврейской жизни, как крепость в тройной ограде – географической дали, исторического отчуждения и культурной изоляции» (МАРГОЛИН 1965: 56–57).

Родившийся на окраине – географической и культурной – Российской империи, Марголин со всем своим с детства усвоенным еврейским и европейским багажом погрузился со временем в русскую культуру. Как писала израильский журналист и литературный критик Наталья Рубинштейн,

² Погибла от рук нацистов при ликвидации Пинского гетто.

³ Из стихотворения Марголина *Радио*.

азбуке он выучился по Гоголю, а любви к поэзии – по Блоку и Пастернаку. [...] он не только Манделштама, он и Тувима читал в подлиннике, и Рильке, и Верлена. Русскую культуру любил не по скудости образования, связавшего его одноязычием: он был европеец высокой пробы, для которого любая национальная культура была лишь частью культуры универсальной. И еврей он был не со вчера, не вычислил, не надумал себе «еврейское самосознание», а был знаток литературы на идиш, ценитель новой поэзии на иврите, участник горячих сионистских дискуссий (РУБИНШТЕЙН 1980: 7).

Марголин-отец, по-видимому, из-за своего неуживчивого характера не удерживался ни на каком месте, и семья – жена и двое детей, Юлий и его младшая сестра Ада – была вынуждена кочевать вслед за ним по белорусско-польско-литовским градам и всеям Западного края: Столин под Пинском, Костополь на Волини, Варкляны неподалеку от Витебска, Костюковичи Климовичского уезда Могилевской губернии, литовское местечко Меречь вблизи Вильно, Соколы Ломжинской губернии, в 40 км от Белостока, Екатеринослав...⁴ Перечисляя их в своей мемуарной *Книге о жизни*, Марголин заключает:

Этим исчерпано все первое десятилетие. Чтоб рассказать о нем, довольно десяти минут и не хватит десяти лет. Слова обладают двойным свойством: зеркальности и разложения. Простое в переживании они дробят на тысячу осколков. Будем пользоваться ими осторожно и в меру (МАРГОЛИН 1965: 68).

Пейзажи, окружавшие его в ранней юности, запечатлены в стихотворении *Меречь*, инкрустированном внутри мемуарной *Книги о жизни* (МАРГОЛИН 1966: 64–65):

⁴ В Екатеринослав (ныне Днепр), где Юлий окончил реальное училище, а затем учился в Высшем институте народного образования, семья бежала из Западного края в 1915 г. от невзгод Первой мировой войны. Польский исследователь Анна Мария Jackowska Екатеринослав почему-то называет Екатеринбург и Днепропавловском (JACKOWSKA 2011: 101).

...И средь печалей возникая,
Цветет родимая страна –
Леса от края и до края,
Где льется Немана волна,
И колокольный звон тяжелый
Плывет над тихим городком,
И башни старые костела
Обсели ласточки кругом.
Шоссе неровное уводит
На берег тот, где я бродил,
И мнится, там никто не бродит
С тех пор, как я ребенком был.
На те песчаные откосы,
На те заглохшие поля
Не упадут живые росы –
Живи во мне, моя земля⁵.

В 1923 г. Марголин отправился изучать философию в Берлин. Здесь он слушал лекции немецких философов, посещал семинар Ю. Айхенвальда по русской литературе, прямым отголоском которого, нужно думать, стали его *Заметки о Пушкине*, напечатанные в 1928 г. в двух книжках русского эмигрантского журнала *Воля России* (МАРГОЛИН 1928). В 1929 г. он защитил в Берлинском университете докторскую диссертацию (MARGOLIN 1929). Много лет спустя, в статье о Еврейском университете в Иерусалиме, он вспомнил собственное студенческое прошлое в четверостишии (МАРГОЛИН 1968):

Не приведет мой путь к Берлину.
Германский университет
Почтим вставаньем, как кончину
Товарища минувших лет...

⁵ Автор дает к стихам следующее пояснение: «Тихий городок, над которым плывет колокольный звон, – Меречь над Неманом. Стихи же были написаны над Днепром [т.е. в Екатеринославе], где я кончил реальное училище в 1919 году. Они потеряны, как большинство моих поэтических упражнений тех лет, манускриптов и книг позднейшего периода, оставленных в лодзинской квартире в сентябре 1939 года и уничтоженных гитлеровцами. Эти строки – всё, что я могу вспомнить из стихотворения, посвященного детству» (МАРГОЛИН 1966: 65).

Там, в Берлине, он встретил Еву (Хаву) Ефимовну Спектор (1898–1977), Вусю, как называли ее родные и близкие друзья, и которую, по словам очевидца событий Романа Гуля, все любили

за ее на редкость отзывчивый, добрый характер, за всегдашнее старанье кому-то помогать, кого-то опекать, не только уж друзей, но даже просто всяких встречных-поперечных (ГУЛЬ 1971: 256; см. также: Гуль 1973: 209).

Тот же Гуль вспоминает о «скромной квартире», где жили «две закадычные подруги Вуся и Тася», у которых

была тогда вечно нетолченная труба друзей, очень молодых начинающих литераторов – поэты Георгий Венус, Анна Присманова, Вадим Андреев и мн. др. У них я и встретил впервые этого рыжего экспансивного, порывистого студента-философа – Юлия Марголина, который тоже тут вечно пил чай, обедал, ужинал и, конечно, утопал в разговорах о литературе, поэзии, политике и о многом другом (ГУЛЬ 1971: 256; Гуль 1973: 209).

Гуль называет имена эмигрантской творческой молодежи, членов литературной группы $4 + 1$ (четыре поэта + прозаик), в которую, кроме названных Венуса, Присмановой и Андреева (сына известного русского писателя Леонида Андреева), входили Семен Либерман и Владимир Сосинский (СОСИНСКИЙ 2002: 51–65).

По-разному сложились их судьбы. Георгий Венус, вместе со своей женой, переводчицей Мирой Борисовной (урожд. Кагорлицкая; 1899–1964), той самой Тасей, Вусиной подругой, вернулся в советскую Россию и в годы «большого террора» был репрессирован (см. о нем: ЛИТВИН 1990; ВЕНУС 1991). Семен Либерман, тоже вернувшийся на родину⁶, по счастью, трагического конца избежал и,

⁶ См. письмо Л.О. Пастернака сыну Борису из Берлина в Москву (25 февраля 1928 г.): «Кстати – в Москве ли уже твой Либерманчик? Плут – он взял у меня разный матерьял и последний мой номер *Жар-Птицы* – “только до вторника – я его Вам верну...”, просил для статьи его в *Известия* и... поминай, как звали: ни его, ни адреса его не знаю, ни журнала!» (ПАСТЕРНАК 2013: 662).

уйдя в переводческую и педагогическую работу, прожил до 1975 г. (см. о нем: ФРЕЗИНСКИЙ 2008: 312–367; ХАЗАН 2015, по указ.)⁷.

Связь Таши и Вуси продолжалась несмотря на «железный занавес» и на то, что одна жила в Ленинграде, а другая – сначала в польской Лодзи, а затем в Тель-Авиве. После смерти Кагорлицкой в 1964 г. Ева Ефимовна вступила в регулярную переписку с ее и Георгия Венуса сыном Борисом, которого проводила из Берлина в Ленинград полутора-годовалым карапузом, ставшим ныне солидным ученым-геологом, отцом семейства. С давних берлинских времен у нее осталась привычка называть его ласково, по-домашнему Зая, Заинька. Узнав о смерти подруги в Советском Союзе, Ева Ефимовна писала Р. Гулю 29 августа 1964 г.:

Большое Вам спасибо, дорогой «Ромочка» за письмо-сочувствие в связи со смертью моей самой любимой Тасеньки. В[аше] письмо пришло «в самый подходящий момент»... – спасибо! Пишу сейчас потому, что хочу Вам сказать: 1) От Заиньки *получила* письмо (огромное). В нем много сдержанной боли, любви, благодарности. (О том, что Заинька успел еще *при жизни Тасеньки защитить* – блестяще – свою дис-сертацию, мне писала Тасенька. И что работу получил он не по его специальности: геолог Дальнего Востока, а по озероведению – *область чужая*... И что пошлют его на Онежское озеро. Обо всем подробно, с го-речью, писала мне Т[асенька]. И о том, что Иру (жену Зай) – в экспедицию в совсем ином конце страны – до октября малыш же на даче с матерью Иры.) Так вот, Зая в глуши: без телефона, телеграфа узнал о (нашем с ним) горе *случайно*, когда 9-го 7⁸ поехал в ближайший город за бензином и едой (лодкой). Он, отрезанный от света, от всех, позвонил из города на дачу в Зеленогорск узнать о сынишке и пр. и узнал 9-го 7, что мать умерла 26.6. В тот же день (вечер) он вылетел почтовым самолетом... к

⁷ См. путаницу разных Либерманов – того, о котором здесь идет речь, и Семена Исаевича, предпринимателя, пошедшего на службу к большевикам, а затем уехавшего на Запад и ставшего невозвращенцем, в: СЕРКОВ 2001: 479, где утверждается, будто бы он «в 1925 г. работал в издательстве И.П. Ладыжникова в Берлине», в котором работал именно марголинский знакомец, член литературной группы 4 + 1 Семен Петрович (Соломон Пинхасович) Либерман.

⁸ Т.е. 9 июля.

Рюрику Ивневу... под Москву. Рюрик всегда очень любил Т[асеньку]. Она ездила уже пару лет тому к нему в «Тбилиси» по моему настоянию: 1) *5-ый этаж* без лифта летом не для сердечницы, 2) климат Ленинграда, 3) он *очень*, бесконечно внимателен, заботлив, 4) одинок, к[а]к и она... Звал ее настойчиво. Она была тогда *очень* рада перемене ужасной домашней напряжен[ной] обстановки + красотам прогулок с Рюриком и его благородством [sic]. Писала мне подробно и много о чудесных впечатлениях и отдыхе. Этим летом Рюрик – верный друг – снял *2 комнаты* в Голицыно под Москвой. В цветущем саду у замечат[ельных] хозяев-друзей. Тасенька была *счастлива 2* недели. Описывала подробно всякую мелочь. И цветы на вокзале в Москве, где встречал ее Р[юрик] с 2 товарищами (и все с цветами), и поездку в такси на дачу, ужин всех вместе в Доме творчества, где познакомилась с б[ывшей] женой Ходасевича, у котор[ой] есть его стихи: присылал из-за границы... Все было «волшебно»... Все мои школьные подружки были у Тасеньки: расспросить, повидать...⁹

Появляющийся в этом письме русский поэт и прозаик, переводчик и мемуарист Михаил Александрович Ковалев (1891–1981), известный под псевдонимом Рюрик Ивнев, сумел в разные времена переменить множество одежд и переиграть разные роли: в молодости входил в круг эго-футуристов, а затем имажинистов, был завсегда там петербургского кабаре *Бродячая собака* и посетителем салона Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской, был в числе близких приятелей С. Есенина и М. Кузмина¹⁰, а сразу после Октябрьской революции исполнял должность секретаря Наркома просвещения А.В. Луначарского.

Комментируя многие годы спустя свои дневниковые записи, сделанные в июне 1919 г., Ивнев рассказывал о знакомстве и первых

⁹ The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen MSS 90, box 9, folder 205.

¹⁰ Последний, по мемуарному свидетельству современника, «считает его за самого талантливого из молодых поэтов. [...] в его стихах все неожиданно. Не всегда удачно, но всегда «остро»»; при этом мемуарист особо подчеркивает, что «слово «острый» было в устах Кузмина большой похвалой» (ПАСТУХОВ 1955: 81). Пианист, музыкальный педагог и критик Всеволод Леонидович Пастухов (1894–1967) был в юности близко знаком с Ивневым (см. далее).

встречах с Кагорлицкой и, судя по всему, с Евой Марголиной (тогда еще Спектор):

Не помню, еще в Симферополе или в самой Евпатории я познакомился с Марией Кагарлицкой [sic], сыгравшей некоторую роль в моей жизни. Близкие ее называли Миррой. Это была очень милостивая девушка с необыкновенно отзывчивой душой. Она окружила меня такой теплотой и таким вниманием, что я скоро почувствовал, что встретил настоящего друга. Она жила вместе со своими харьковскими друзьями, братьями Спектор¹¹ и их семьями, на даче в конце Евпатории и предложила мне переехать к ним. Я согласился и переехал из гостиницы к ним на дачу (ИВНЕВ 2007: 229).

В берлинскую компанию Марголина, Гуля и пр. Ивнев вошел через Вусю и Тасю, когда в октябре 1926 г. посетил германскую столицу по линии ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей). Как свидетельствует его дневник, с Тасей-Миррой он встречался в Ле-нинграде и после того, как семья Венусов вернулась из эмиграции на родину (см. дневниковую запись Ивнева от 1930 г., в которой она фигурирует под ласковым именем «Куничка», а ее сын Борис, в дополнение к вышеупомянутому «Зайныка» – «Бобочка»):

Куничка (Венус) говорила: «Я сплю так крепко, что если будут над моей головой плясать, я не проснусь, но стоит Бобочке (сыну Куни 6 лет) вздохнуть или перевернуться на другой бок, как я просыпаюсь» (ИВНЕВ 2012: 477; ср. с имеющимся в другом издании дневника разночтением в имени, по-видимому, ошибочным – Бабочка: ИВНЕВ 2007: 376–377).

Никаких романтических отношений с Кагорлицкой – ни до ее замужества, ни тем более в годы ее семейной жизни – у гомосексуала Ивнева не было. Тем больший интерес представляет приведенный выше фрагмент из письма Евы Марголиной Роману Гулю, раскрывающий любопытные стороны жизненных обстоятельств в семейной биографии Марголина. Из письма Евы Ефимовны Роману

¹¹ Т.е. братьями жены Марголина, Александром и Яковом.

Гулю от 7 февраля 1966 г. мы узнаем, что она переписывалась с Ивневым и после смерти своей ближайшей подруги:

С Рюриком переписка моя продолжается. Получила от него книжечку его стихов, изданную теперь. Рюрику 74 года – «больше всего в жизни люблю стихи», а сказать ему что-либо радующее в связи с его творчеством – не могу. Увы! Он узнал, что о нем писал когда-то Пастухов (в № 5 *Опытов*, которые у нас «зачитали», – мы писали Гринбергу¹², а он ответил, что *Опыты* № 5, и у него нет, но «сам Пастухов ему говорил, что Ивневу посылать этой статьи не следует, ибо там мало лестного о нем сказано»).

Вернемся, однако, в связи с Марголиным к другим членам берлинской литературной группы 4 + 1. Анна Присманова, Вадим Андреев и Владимир Сосинский со временем переберутся из Берлина в Париж. Когда в 1960 г. Присмановой не станет, друживший с ней и ее мужем, поэтом Александром Гингером, Марголин посвятит ей пространную статью в парижской *Русской мысли* (МАРГОЛИН 1961). Среди присмановско-гингеровских бумаг имеется рукописный текст одного из лагерных стихотворений Марголина, *Добавка*¹³, который он в 1950-е гг. отправил супругам с краткой припиской-расшифровкой используемого в тексте ивритского выражения «Эйзе пелле» (Какое чудо):

«Эйзе пелле...» – популярная палестинская «горра» (танец).

«Эйзе пелле, эйзе пелле,

Им йешнам лелот ка-элле...»

(«Что за чудо, что за чудо, если такие ночи возможны...»)

Это одно из стихотв[орений], написанных в лагере, – вообще я стихов не пишу... Опубликовать его нельзя из-за «жида», который в этом

¹² Роман Николаевич Гринберг (1893–1969) в 1953–1954 гг. редактировал первые три номера журнала *Опыты* (Нью-Йорк, 1953–1958; всего вышло 9 номеров).

¹³ Опубликовано в кн.: МАРГОЛИН 2023: 665–666.

сионистском стихотворении, конечно, кульминационный пункт, и звучит еще 4 раза, как эхо...¹⁴

Жизненные пути Марголина и семей Андреева и Сосинского с годами все больше расходились. Перед Второй мировой войной он еще получал о них какие-то известия: так, в 1937 г. сообщал своей сестре Аде (в замуж. Финкель), которая с 1923 г. жила в далекой Мексике:

Соня нам привезла фотографии Ады Черновой и второй девочки Вадима Андреева и письмо от Наташи Черновой...¹⁵

На этой фотографии Марголин принял младенца-мальчика Сашу, второго ребенка Вадима Андреева, за девочку. Упоминаемая им Ада Чернова, дочь одного из руководителей партии эсеров В.М. Чернова, – это жена Сосинского, а Наташа Чернова – жена поэта и типографского работника Даниила Резникова, принадлежавшего в Париже к неразлучной троице друзей Андреев – Сосинский – Резников, женившихся на трех сестрах Черновых. В 1969 г., в отзыве на мемуарную книгу Андреева *Возвращение в жизнь*, напечатанную в двух книжках, майской и июньской, ленинградского журнала *Звезда*, Марголин писал:

Сквозь дымку 45 лет вспоминается и мне этот период, когда неискушенным провинциалом, впервые озирающим Европу и ждущим от нее «светлых чудес», прибыл в Берлин и я из затерянного в белорусских пространствах Пинска. Для меня это было «вступление в жизнь». Для Андреева, которого тогда называли «Димой», это было начало возвращения – в двойном смысле, которое заставило себя долго ждать, но в конце концов привело его не только на родину, но и в литературу, советскую литературу. Далеко

¹⁴ University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll., box 2.

¹⁵ Central Zionist Archives (Jerusalem). A 536/50 (далее: CZA).

разошлись наши пути... (МАРГОЛИН 1969; перепеч.: МАРГОЛИН 1969А)¹⁶.

В той же рецензии Марголин сообщает, в частности, что в берлинские времена присутствовал на одном из публичных выступлений Маяковского:

(на Ляйпцигерштрассе, в здании прусской Палаты господ¹⁷), [...] где впервые услышали мы *Соль* Бабеля, будущей жертвы Сталина, в мастерском исполнении Маяковского, будущего самоубийцы¹⁸.

В 1960-е гг. Андреев в письме к Т.А. Осоргиной следующим образом описывал случайную встречу с Марголиным в Париже:

Я встретился с Ю. Марголиным, автором книги о лагерях, человеком, которого я мало знаю, но с которым были у нас общие, очень большие друзья. Просидели мы целый вечер (а ведь он, кроме всего прочего, еще ярый еврейский националист), говорили друг с другом самым дружеским образом, несмотря на наши совершенно различные политические убеждения. И если будет случай (М[арголин] был в Париже проездом), опять встретимся и опять будем говорить, потому что я терпим, потому что я очень терпим, милая Таня¹⁹.

¹⁶ Хотя эмигрант Андреев и взял советский паспорт и служил в переводческо-стенографическом отделе ООН, а затем перебрался в Женеву, где работал в ЮНЕСКО, и публиковался в Советском Союзе, однако советским гражданином в прямом смысле не стал и на бывшей родине не поселился, жил и умер в Женеве.

¹⁷ Имеется в виду здание Preußischer Landtag (Прусского земельного собрания) на Leipziger Straße – двухпалатного представительного органа законодательной власти Королевства Пруссия, состоявшего из верхней Палаты господ (Herrenhaus) и нижней Палаты представителей (Abgeordnetenhaus). Речь идет о выступлении Маяковского там 29 апреля 1924 г. (SCHLÖGEL 1999: 223. № 3491).

¹⁸ Заметим попутно, что в главе *Письмо Эренбургу*, вошедшей в книгу *Путешествие в страну Зека*, Марголин пишет, что в берлинском Доме культуры и Prager Diale он встречался с Эренбургом (МАРГОЛИН 2023: 367).

¹⁹ La Contemporaine (панее: Bibliothèque de documentation internationale contemporaine), Nanterre. F Delta res 841 (1) (3).

Единственным из молодой творческой берлинской компании, с кем Марголин сохранил дружеские отношения до конца жизни, был Роман Гуль. После четвертьвековой паузы их отношения возродились, как будто не было тех «страшных лет России», которые разбросали по свету многих прежних друзей, приятелей и знакомых. В своих мемуарах Гуль рассказывал, в частности, что привлек Марголина

к сотрудничеству в приложении *Литературная неделя* к газете *Накануне* (Гуль 1979: 73; Гуль 2001, I: 248). То же он утверждал и раньше – в упомянутом выше некрологическом очерке, посвященном смерти Марголина:

Мы оба с ним сотрудничали тогда в сменовеховской газете *Накануне*, оба впад в заблуждение, что НЭП приведет Сов. Россию к какому-то нормальному строю «трудовой демократии», о которой искренне писали публицисты сменовеховства – Устрялов, Ключников, Лукьянов (Гуль 1971: 257; включено в: Гуль 1973: 210)²⁰.

Память мемуариста не подвела, однако за подписью Марголина в *Накануне* ничего не появлялось. В этой газете он зарабатывал на жизнь работой анонимного переводчика, о чем сам вспоминал впоследствии:

В студенческие годы в Берлине 20-ых годов я переводил с немецкого на русский для литературного приложения сменовеховской газеты *Накануне* (каюсь) таких писателей, как Генрих Манн, Керстен, Альфред Керр (МАРГОЛИН 1958В: 2).

Странную ошибку допускает И. Добрускина (псевдоним С.Н. Чижик), предпринявшая разбор и описание хранящегося в СЗА марголинского архива. Отметив, что «Роман Гуль в некрологе Марголину пишет об их совместной работе в сменовеховской газете *Накануне* в Берлине в начале 20-х годов», она добавляет: «Марголин

²⁰ Гулю же, по всей вероятности, принадлежит анонимный некролог Марголину в парижской *Русской мысли* (СМЕРТЬ ЖУРНАЛИСТА 1971), где содержится сходное упоминание.

в письме 1927 г. упоминает о своем сотрудничестве в *Народной Воле*» (ЧИЖИК 2002: 22)²¹. Во-первых, марголинские письма к Гулю от 1927 г. (если Гуль, в самом деле, был их адресатом) вообще не известны. Под *Народной волей*, скорее всего, подразумевается парижский журнал *Народная правда*, который в послевоенные годы редактировал Гуль, и тогда, вероятно, имеется в виду 1947, а не 1927 год. Но в этом случае возникает законный вопрос, зачем уведомлять Гуля о том, что редактор и без того не мог не знать?

Марголин, всю жизнь писавший стихи, отдавался им и в берлинский период. Отдавая себе отчет в том, что ему не удалось подняться над любительским уровнем, он их в печать не направлял. Некоторые из них стали известны много лет спустя, когда небольшую подборку, под заголовком *Этапы*, сам автор поместил в *Новом русском слове* (МАРГОЛИН 1970В: 2), а какие-то были оглашены после его смерти (см., напр., ГАТОВА 1973). Одно из них, *Берлин, Люстгартен – Паризерпляц* (1923), дает представление о тогдашней его поэтической манере:

В тумане выгнутой панели
Горит орлиное крыло,
И вьется облако метели
Над домом, строенным Валло.

Снежинки пляшут, шепчут тени,
Здесь Гейне шел, где я брожу, –
Но я в походе привидений
Союзников не нахожу.

Здесь императорская слава
Глядит, угрюмо присмирив,

²¹ Укажем на другую ошибку того же автора: с ее легкой руки в научный оборот была запущена некая марголинская «парижская приятельница и помощница Сарана Гурион» (см.: <https://itexts.net/avtor-yuliy-borisovich-margolin/259688-puteshestvie-v-stranu-ze-ka-polnyu-avtorskiy-variant-yuliy-margolin/read/page-53.html>). На самом деле это была румынская и французская писательница и переводчица Сорана Гуриан (Sorana Gurian; подл. имя: С.И. Гурфинкель; 1913–1956).

*Европеец высокой пробы (о писателе Юлии Марголине)
A European of High Grade: The Writer Iulii Margolin*

Здесь обступают слева, справа
Угроза, бешенство и гнев.

По свежевывавшему снегу
Летя в ночи во весь опор,
Куда обрушится с разбегу
Квадрига с Бранденбургер Тор?

И кто на приступ Кранцлер-Эке,
На штурм пустующих дворцов
Подымет завтра в человеке
Всегда бунтующую кровь?

Гранитный Бисмарк не уступит,
Дозором едет старый Фриц,
С фронтонов, чуя кровь и трупы,
Грозятся стаи хищных птиц.

Прохожий, площадью безлюдной,
Не остановишься ли ты –
На миг коснется бесприютной
И кочевой твоей мечты

Монументальный сон Берлина,
Многоколонные гроба
И статуи площади пустынной
Пророчественная судьба.
(МАРГОЛИН 1970В: 2)²²

²² Между прочим, в подборку *Этапы* включено марголинское стихотворение *Гитлер – 1935*, в последнюю строфу которого («Сон о свободе, сон о блеске, / Как молодость, мелькнул – и нет, / А нам остался ветер резкий / И резвый холод зрелых лет») вкралась типографская ошибка. Получив газету и прочитав свои давние вирши, автор писал 6 июля 1970 г. главному редактору *Нового русского слова* М.Е. Вейнбауму: «Прочел свои стихи *Этапы* и подумал с любопытством – много ли читателей догадаются, что странный эпитет “резвый холод” надо читать “трезвый холод” – выпала буква “т”» (The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Mark E. Weinbaum Papers. GEN MSS 106, Box 5, folder 229).

В той же мере, как русской, Марголин сохранял верность еврейской ментальности и в германской столице остро чувствовал свою причастность не только русской, но и еврейской культуре. Дважды в году он навещал родителей, оставшихся в Пинске. Стихи Марголин писал не только по-русски, но и на идиш: в 1925 г. в Гомеле вышла отдельным изданием небольшая книжка – фрагменты из его поэмы *Erd* (Земля) (MARGOLIN 1925).

4 января 1926 г. Марголин и Ева Спектор обвенчались, а 16 октября того же года у них родился сын Эфраим. В 1929 г. семья поселилась в Лодзи.

С середины 20-х гг. кристаллизуются сионистские убеждения Марголина. В 1936 г. он с женой и десятилетним сыном решили репатрироваться в Палестину. Они поселились в Тель-Авиве, на улице Шенкин, 16. Но вскоре он вновь вернулся в Лодзь. В 1937 г. в Варшаве на польском языке вышла его книга *Idea sjonizmu* (MARGOLIN 1937)²³, содержащая пророчество о грядущей трагедии еврейского народа, вскоре сбывшееся. В 1939 г., перед самой Второй мировой войной, увидела свет написанная на идише сугубо литературоведческая его работа – о том, как строится художественное произведение (MARGOLIN 1939).

Незадолго перед началом Второй мировой войны Марголин встретился в Лодзи с одним из лидеров мирового сионистского движения Владимиром Жаботинским, которого и раньше хорошо знал и чью политическую линию с воодушевлением разделял²⁴. Первая его встреча с вождем сионистов-ревизионистов и Бетара²⁵ состоялась, как он сам поведал в очерке, посвященном Жаботинскому, гораздо раньше, в родном Пинске. Подростку попала тогда в руки книга *Фельетоны* (1911) Жаботинского, сразу захватив его, хотя осознание того, что от нее он заразился «сионистским микробом», пришло позднее. В том же очерке

²³ Ошибочно датирована 1926 г. в кн.: SHRAYER 2007, I: 484.

²⁴ В. Жаботинский находился в Лодзи с 5 по 25 июня 1939 г.

²⁵ Бетар или Бейтар (*иврит*) – аббревиатура от Brit Josef Trumpeldor (Союз им. Иосифа Трумпельдора), молодежная сионистская организация, созданная в Риге в 1923 г.

Марголин рассказывает, как, будучи в Лодзи приглашен на обед в один дом, он встретил там Жаботинского. Во время беседы, вспоминает Марголин,

я вынул письмо, только что полученное из Тель-Авива, и показал Жаботинскому последнюю фотографию моего сына – в бетаровской форме. Ему не было еще 12 лет²⁶. Я рассказал Жаботинскому, что в классе моего сына был политический спор, и, как случается между школьниками (и между взрослыми), спор принял кулачные формы. Эфраим пришел домой с подбитым глазом. «Вздули меня здорово, – сказал он матери, – но я защитил честь Рош-Бетара!»²⁷. (МАРГОЛИН 1964)²⁸

Следует подчеркнуть, что, являясь горячим сторонником Жаботинского, Марголин в условиях политического противостояния ревизионистов и сторонников социалистического, вейцмановско-бен-гурионовского, сионизма, не примыкал к какой-то определенной партии. В книге *Повесть тысячелетий* он писал:

В 30-е годы наступил раскол в сионистском движении. Крыло крайних «активистов» Вл. Жаботинского было представлено на 18 базельском конгрессе 1931 г. 52 депутатами из 250-ти. Конфликт с сионистским большинством, в особенности с его левосоциалистическим крылом, едва не привел к гражданской войне в Ишуве²⁹. Обе стороны обвиняли одна другую во всевозможных преступлениях и грехах. Противники называли Жаботинского фашистом и милитаристом, а сторонники – обновителем герцлианского сионизма. В действительности этот блестящий и динамичский лидер сионизма был убежденным либералом и противником фашизма (чего нельзя сказать о многих его [Жаботинского] последователях). От Герцля же он отличался не

²⁶ Эфраиму в это время шел 13-й год.

²⁷ Т.е. главы Бетара (*иврит*).

²⁸ В дальнейшем Эфраим Марголин как активный бетаровец проявил себя в качестве редактора ревизионистских периодических изданий – газеты *Hadegel* (Знамя, 1940) и квартальника *Yodfat be-matzor* (Йодфат в осаде, 1946).

²⁹ Собираательное название еврейского населения в Эрец-Исраэль.

только своим боевым и полемическим темпераментом, но и всей концепцией своего нео-сионизма. В то время, как сионизм Герцля был мирным, гармоническим и объединяющим все партии (в известной мере он продолжался в оптимистической вере Вейцмана в спокойный прогресс и торжество умеренности), концепция Жаботинского в 30-ые годы была трагической и отпугивающей своим жестоким предвидением катастрофы (МАРГОЛИН 1973А: 407–408).

После вторжения Германии в Польшу Марголин, спасаясь от наступающих фашистских войск, бежал в родной Пинск и попал из огня в полымя, очутившись в ловушке, между двух ненавистных ему режимов – нацистским и коммунистическим. В июне 1940 г. он был арестован органами НКВД, приговорен к пяти годам заключения и отправлен в зону «лагерей ББК» – Беломорско-Балтийского канала. Его близкий приятель, израильский поэт и переводчик Хананья Райхман позднее писал в поэме *Памяти друга*:

В согласии с пактом Кремля-Риббентропа,
По польскому шву затрещала Европа,
Был быстрый дележ – и советская власть
Взыскала свою «договорную» часть.

Евреи в той части не ждали напасти –
И вдруг оказались в драконовой пасти.
Попал и Марголин в сибирскую клетку –
И там он проделал свою «пятилетку».

Огромные массы в тисках своих скорчив,
На расы и классы террор неразборчив.
Неважно, кто жертва: Иван ли Денисович –
Или птица залетная, Юлий Борисович...

(РАЙХМАН 1971: 5)

Литературным памятником пяти лет, проведенных в советских лагерях, стала книга Марголина *Путешествие в страну Зека*.

* * *

Освободившись из лагеря в июне 1945 г. и проведя девять месяцев на поселении в алтайском городе Славгороде, Марголин, по договору от 6 июля 1945 г. о репатриации польских граждан, смог покинуть СССР и осенью 1946 г. вернулся через Францию в Палестину³⁰. В Париже жили брат Евы Ефимовны Александр Спектор с женой Ниной Митрофановной. По-видимому, через них был установлен контакт с органами западной печати, сыгравший важную роль после освобождения Марголина из «каторжных нор». После долгих лет полного незнания его судьбы весть о чудесном «возвращении в жизнь» человека, канувшего в темную лагерную бездну, пришла в конце 1946 г., когда нью-йоркский журнал *Социалистический вестник* перепечатал из газеты *Forverts* его статью *Дело Бергера* – первую после исчезновения (МАРГОЛИН 1946). В открывающем ее редакционном анонсе говорилось:

Открытое письмо д-ра Юлиа Марголина, переданное нам в русском оригинале общим знакомым, было на еврейском языке напечатано полностью в нью-йоркском *Форвертсе*. Мы помещаем этот глубоко волнующий человеческий документ, принадлежащий перу безукоризненного и прогрессивного общественного деятеля, известного широким кругам польского еврейства довоенной эпохи, не только ввиду информации, которую д-р Марголин дает и которая, исходя из совершенно независимого от нас источника, полностью подтверждает нашу собственную информацию, но и ввиду политического значения этого смелого обращения к совести мира (МАРГОЛИН 1946: 275).

В статье, жанр которой автор определил как «открытое письмо», шла речь о докторе Веньямине Бергере, главе сионистской организации Литвы до того, как туда вошла Красная армия. В результате советского вторжения Бергер был арестован за принадлежность, как не без иронической издевки пишет Марголин,

³⁰ А не в 1947 г., как сказано в *Encyclopedia Judaica* (GOTTGETREU 2007: 526).

«к такой грозной контрреволюционной организации, как сионисты» (МАРГОЛИН 1946: 278):

Я склоняю свою голову перед этим человеком, который спас мне жизнь, вырвал из когтей самой подлой и унижительной смерти – от голодного истощения. В котласском лагере, где мы встретились, он медленно и терпеливо поставил меня на ноги – в буквальном смысле этого слова (МАРГОЛИН 1946: 277).

Отправляя Марголину номер *Социалистического вестника* с материалом о Бергере, редактор журнала Р. Абрамович писал ему 22 января 1947 г.:

Многоуважаемый д-р Марголин, из прилагаемого номера *Соц[иалистического] Вестника* Вы увидите, что, с разрешения г. Спектора³¹, мы перепечатали В[аше] письмо из евр[ейского] *Форвертса*. Без комплиментов должен сказать, что В[аше] письмо, по общему признанию, произвело огромное впечатление и, несомненно, оказало большую пользу делу разоблачения сущности советской системы. К сожалению, пока еще не удалось провести его через английскую прессу, может быть, потому, что по неопытности инициаторов с самого начала совершили несколько технических промахов³².

Это появление имени Марголина на страницах *Социалистического вестника* позволило многим его друзьям и знакомым узнать о трагической одиссее, которую он пережил в ГУЛАГе. Р. Гуль писал ему 15 декабря 1948 г.:

Когда я прочел Ваше замечательное письмо в *Соц[иалистическом] вест[нике]*, я «мельком» подумал, не тот ли самый Марголин? Но – зная, что Вы в Палестине, отогнал эту неприятную мысль. Но вот оказывается, это все-таки Вы³³!

³¹ Упомянутого выше брата Евы Ефимовны.

³² CZA. A 536/30.

³³ The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen 90, box 9, folder 205.

То же случилось с другими его друзьями в Нью-Йорке супругами Тумаркиными – Идой и Романом, братом Марии Самойловны Цетлиной. О том, что Марголину удалось вырваться из лап смерти, и они узнали из его статьи *Дело Бергера*. 30 января 1947 г. Ида Тумаркина писала ему в Палестину:

Дорогой Юлий Борисович,
сегодня открыла *Социалистический Вестник* и с волнением прочла Вашу статью. Сознаюсь, мое волнение относится не столько к потрясающему тексту, сколько к факту Вашего спасения. Я радуюсь тому, что Вы живы, радуюсь, что Вы, наконец, вместе с Вусей, Лютиком³⁴, у себя дома – в Палестине. Если в чем-либо смогу Вам быть полезной, буду рада. Мой покойный шурин, Михаил Осипович Цетлин, вместе с М.А. Алдановым основали в N[ew] Y[ork'e] единственный толстый журнал, издающийся за границей (продолжение парижских *Современных записок*), *Новый журнал*. Тема, затронутая Вами в Вашей статье, их тоже глубоко интересует. С удовольствием пошлю Вам последнюю книжку.

Еще раз примите мои и Романа Самойловича искренние поздравления и пожелания всего наилучшего.

Ваша Ида Тумаркина

Передайте самые сердечные приветы Вусе, Лютику и всей Вашей семье³⁵.

В нью-йоркском *Новом журнале* Марголин станет постоянным автором. Первый текст – о советизации Западной Беларуси – напечатан уже в 1948 г. (см.: МАРГОЛИН 1948). Он согласился заняться пропагандой в Израиле *Нового журнала*, в целях мобилизации в стране подписки на это издание. Первоначально он скептически смотрел на такое задание. 1 ноября 1951 г. он писал Н.В. Вороновичу, ведавшему в редакции *Нового журнала* вопросами технического порядка:

³⁴ Т.е. сыном Эфраимом.

³⁵ CZA. A 536/30.

Многоу[ажаемый] г. Воронович,
Вернувшись из-за границы, нашел В[аше] письмо от 10/9, которое мне было послано в Париж, но разминулось со мной. Распространять *Н[овый] Ж[урнал]* на коммерческих началах здесь невозможно, ибо надо за номер выручить нетто 75–80 центов, а это при обесценении нашего фунта равняется чуть ли не фунту (израильскому) с лишним. Опыт показал, что за *Н[овый] Ж[урнал]* можно выручить полфунта или вроде. И даже если бы вы на это согласились, то перевести денег отсюда – невозможно. *Н[овый] Ж[урнал]* надо распространять (и можно было бы!) на началах некоммерческих. Пример: советская пропаганда, которая наводняет Израиль сказочно-дешевыми книгами и оставляет деньги в стране (ввоз бездевидный). Надо добиваться у соответств[ующих] американских учреждений, чтобы они вам пришли в помощь, финансируя вывоз книг за границу с целью нейтрализовать советскую пропаганду³⁶.

Предложение Марголина о поиске источников финансирования для *бесплатного* распространения *Нового журнала* в Израиле оказалось неосуществимым. И все же Марголин стал важным медиатором между журналом, с одной стороны, и израильской читательской аудиторией – с другой и посредником между журналом и книготор-говыми точками в стране (см.: ХАЗАН 2022).

Марголин стал участником международных акций, направленных на разоблачение советского режима в послевоенные годы. В феврале 1950 г. на заседании Economic and Social Council ООН были заслушаны его свидетельские показания (Марголин говорил по-немецки) о при-нудительном труде в советских лагерях (опубликовано отдельной брошюрой: MARGOLIN 1950). В ноябре 1950 – январе 1951 г. он при-нимал участие в проходившем в Париже судебном процессе Давида Руссэ³⁷.

Французский писатель, публицист и общественный деятель, примыкавший к левому лагерю, участник французского Сопротивления и узник нацистских лагерей (включая Бухенвальд), Давид

³⁶ Amherst College, Center for Russian Culture. Roman B. Gul' Papers, box 6, folder 37.

³⁷ А не Виктора Кравченко, как утверждает автор статьи в российском реферативном журнале (см.: КАМЫШНИКОВА-ПЕРВУХИНА 2003: 161).

Руссэ (David Rousset; 1912–1997) написал две книги о лагерном аде, вышедшие в 1946 г. и в 1947 г.: *L'Univers concentrationnaire* («Концентрационный мир») и *Les Jours de notre mort* («Дни нашей смерти»). В 1948 г. Руссэ опубликовал сборник документов *Le pitre ne rit pas* («Шут не смеется»), обнаруженных в парижском CDJC (Centre de documentation juive contemporaine – Центре документации современного еврейства) и представляющих собой переписку министерств и ведомств в годы нацистской оккупации Франции, России и Украины. См. также книгу П. Бартона *L'Institution concentrationnaire en Russie 1930–1957*, предисловие к которой (*Les sens de notre combat*) написал Д. Руссэ (BARTON 1959). Руссэ принадлежит инициатива создания международной комиссии для инспекции советских и других мировых лагерей. За эту деятельность на него обрушилась французская коммунистическая пресса: газета *Les Lettres françaises* обвинила его во лжи. Судебный процесс, на котором разбирался иск, поданный Руссэ против газеты (редакторы: Claude Morgan и Pierre Daix), завершился его полной победой. В этом процессе Марголин выступал одним из свидетелей; его показания, наряду с другими участниками процесса, вошли в книгу под названием *Vérité sur les camps* («Правда о лагерях»), см.: ROUSSET, BERNARD, ROSENTHAL 1951 (показания Марголина: 108–118).

Вернувшись в Тель-Авив, Марголин написал отчет о процессе, который должной огласки в Израиле не получил, а официальные круги даже испытывали раздражение, так как он осложнял усилия правительства Израиля по улучшению дипломатических отношений с СССР. Опубликован *Парижский отчет* Марголина был лишь спустя почти два десятилетия и напечатан был на ротаторе и ничтожным тиражом (см.: МАРГОЛИН 1970А; включено в кн.: МАРГОЛИН 1975: 275–302)³⁸. Об оклеветанном французскими коммунистами Руссэ Марголин вспоминал также в статье *О негодях* (МАРГОЛИН 1956А;

³⁸ Заметка Марголина о процессе была напечатана в редактировавшемся Гулем парижском журнале *Народная правда* (МАРГОЛИН 1951).

включена в кн.: МАРГОЛИН 1975: 268–274; перепечатана в: МАРГОЛИН 1976; см. также: ЧИЖИК 2002: 65–71)³⁹.

Марголин принял участие и в Международном конгрессе в защиту свободы культуры, проходившем в Бомбее с 28 по 30 марта 1951 г. На лицевой стороне открытки, отправленной оттуда Еве Ефимовне, с изображением Taj Hotel, он надписал: «Моя резиденция», а далее, как бы от ее имени в собственный адрес, продолжал на обратной стороне:

Сиди, старый хрен, дома и не шатайся без дела. Ну и что тебе с того, что ты обедаешь в тронном зале, с 12 мраморными колоннами под музыку? Все суета – сует. Довольно уже, как нищему с писаной торбой, обносить свои «5 лет в лагере». Пусть бы лучше тебя чествовали за книгу новую, а не за синяк на лбу. Вот приедешь домой «с трофеями», прочти эти слова и скажи сам, неужели я не права? – Твоя Евка, которая старую гулящую няньку ждет домой поскорее, и уж тогда ни-ни. Никуда не пушу. Здесь сиди, при детях.
30/3, в полночь. БОМБЕЙ!⁴⁰

Сохранилось марголинское письмо Ремизову от 21 сентября 1951 г., в котором он просит разрешения нанести ему визит:

Дорогой Алексей Михайлович,
Пишет Вам один из массы Ваших читателей, Юлий Марголин, палестинец, житель г. Тель-Авива, проездом в Париже. Адрес Ваш сообщил мне Н.Д. Набоков. Очень хочу Вас повидать и, если можно, приобрести последние Ваши книги. Сообщите мне открыткой или по телефону (Ttu-daine 70–29), когда можно Вас навестить. Это визит не «от нечего делать» или праздного любопытства: в семье Марголиных любят писателя Ремизова.

Ю. Марголин⁴¹

³⁹ Из современных исследований о «процессе Руссэ» см.: КУВУ 2014; об участии в нем Марголина см.: JASKOWSKA 2011.

⁴⁰ СЗА. А 536/50.

⁴¹ ОР Государственного литературного музея (Москва). Ф. 156, оп. 3, ед. хр. 105.

Такой визит состоялся, о чем свидетельствует запись Марголиных в ремизовском Альбоме, датированная 25 сентября 1951 г.

В Париже Марголин оказался по дороге в Израиль, возвращаясь с проходившего в сентябре 1951 г. в Андлау (Эльзас) международного коллоквиума, посвященного психологии интеллектуала-коммуниста. На этот коллоквиум собрались известные представители западной мысли: французы – писатель, философ, социолог Роже Кайуа и журналист Жюль Моннеро, итальянский писатель Никола Кьяромонте, американский философ Сидней Хук, русский эмигрант литературовед Владимир Вейдле, польский поэт Чеслав Милош, швейцарский писатель, философ и общественный деятель Дени де Ружмон и др.

Тема, заслуживающая отдельного исследования, – место Марголина в социально-культурной жизни русскоговорящей интеллигенции Израиля. И. Рабиновичу, создававшему Комитет Русских евреев в Израиле, Марголин писал в сентябре 1953 г.:

Многоуважаемый г. И. Рабинович,
Несколько дней тому назад я вернулся из 4-х месячного путешествия по Америке, и мне передали, что Вы предпринимаете шаги по организации Комитета Русских евреев, *йоцей руссия*⁴². Этот вопрос живо интересует меня, так же, как и создание органа Русских Евреев в Израиле. Это ведь моя старая мысль. В Нью-Йорке (22 июня) я читал доклад в Союзе Русских Евреев о «Трагедии Русского Еврейства». Статья на эту тему мною передана в нью-йоркский *Commentary*⁴³. Я выступал также и в Париже, в тамошнем Союзе Русских Евреев. Есть у меня контакты и связи за границей. Вы знаете меня, как автора книги *Путешествие в страну Зека*. Короче, я прошу Вас держать меня в курсе предпринимаемых Вами шагов и привлечь меня к участию в организационной группе, если есть такая. Я думаю, что смогу помочь. Напишите мне или протелефонируйте по № 6-2398 в Тель-Авиве.

С уважением

Ю. Марголин⁴⁴

⁴² Выходцев из России (в оригинале написано на иврите).

⁴³ Марголин ссылается на свою статью *Do We Leave the Russian Jews to Their Fate?* в американско-еврейском журнале *Commentary* (MARGOLIN 1953).

⁴⁴ CZA. A 386/9.

В 1958 г. Марголин, под псевдонимом А. Галин, издал книгу *Израиль – еврейское государство* (МАРГОЛИН 1958А), некоторые главы которой появились в периодической печати до ее выхода в свет (см., напр.: МАРГОЛИН 1958). Критика определила эту книгу как «первое произведение на русском языке, посвященное молодому государству» (ТРОЦКИЙ 1958).

Марголину предлагали работу на американской радиостанции Liberty и постоянную службу в *Новом русском слове*. Г. Свет писал М. Вишняку 30 июля 1963 г.:

Марголин уже уехал⁴⁵. Его тут чествовали у Бергов, у [Владимира Иосифовича] Гессена, я ужинал с ним у [Ильи Марковича] Троцкого, он был у меня. Ему в радио Либерти предложили постоянное место в десять тысяч жалованья, но он решил прежде всего вернуться в Израиль для «ликвидации» своих дел. Я его отговаривал от этого, ибо знаю, что ему там мало, что надо «ликвидировать». Мое впечатление, что он боится, что жена его не захочет оставить Израиль для Нью-Йорка. И вот Марк Ефимович [Вейнбаум] предложил ему, если переселится в Нью-Йорк, постоянную работу в газете. Я думаю, что в конечном итоге он сюда переедет. Там его мало кто вообще знает, а тут можно сказать, знаменит в русской колонии⁴⁶.

Предположение, что Марголин, в конце концов, переберется в США, не оправдалось – он до конца своих дней остался в Израиле. При этом ему нелегко было там пробивать дорогу к печатному станку. Его *Повесть тысячелетий* – история еврейского народа от древности до возникновения Государства Израиль, написанная в конце 1950-х гг., увидела свет только после смерти автора (см.: МАРГОЛИН 1973А)⁴⁷.

⁴⁵ Т.е. отправился из США, куда он приезжал по делам, обратно в Израиль.

⁴⁶ Hoover Institution Archives on War, Revolution, and Peace (Stanford University). Mark V. Vishniak Coll., box 11, folder 37.

⁴⁷ 19 февраля 1964 г. Марголин писал Р.Б. Гулю: «Начинаю думать, что этот залежавшийся манускрипт все же, в конце концов, выйдет» (The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen MSS 90, box 9, folder 207). Книга была включена в издательский план возглавляемой

Поражает обилие и разнообразие знакомств, приятельств и дружеского общения Марголина в мире политики и культуры, философии и искусства, журналистики и книжного дела, в том числе в среде российской эмиграции. Так, например, он был хорошо знаком с поэтом Иваном Елагиным, эмигрантом второй волны, который в 1950 г. переехал из лагеря DP в США⁴⁸. Среди бумаг Елагина сохранилось отпечатанное на машинке письмо из Тель-Авива следующего содержания:

ПОЭТУ ИВАНУ ЕЛАГИНУ

Мы, нижеподписавшиеся, собравшись 4 января 1964 года к Юлию Борисовичу и Еве Ефимовне МАРГОЛИНЫМ

в 38-ую годовщину их свадьбы, в городе Тель-Авиве,

забравшись в кабинет хозяина, по особому приглашению, пока в остальных комнатах шло обычное столпотворение, прослушали ряд Ваших прекрасных стихотворений из книги *Отсветы ночные* в исполнении Ю.Б. Марголина,

после чего решили – единогласно! – послать Вам наш привет, благодарность, признание и выражение глубочайшей симпатии. Не употребляем более сильных выражений, час поздний, и это приветствие пишется экспромтом.

Ваши

Далее следуют многочисленные подписи, среди которых имелась и приписка, сделанная известным в Израиле общественным деятелем, казалось бы, совершенно далеким от мира русской эмигрантской поэзии, И. Паамони⁴⁹:

Б.А. Филипповым Inter-Language Literary Associates на 1966–1967 г., но так и не вышла там.

⁴⁸ Иван (Зангвильд, Зангвиль) Венедиктович Елагин (наст. фамилия Матвеев; 1918–1987), сын поэта-футуриста Венедикта Марта (Матвеева; 1896–1937, расстрелян) и Симы Лесохиной; двоюродный брат советской поэтессы Новеллы Матвеевой.

⁴⁹ Иосиф Паамони (Осип Глокман, 1902–1966), врач-бактериолог, был среди основателей больничной кассы Leumit; один из активных деятелей Бетара и

Посетите нас, найдете тут внимательных слушателей и почитателей.
Мы слушали с восторгом ваши стихи в великолепной передаче Юлия
Борисовича.

У. Паамони⁵⁰

Марголину принадлежит рецензия на поэму Елагина *Льдина*
(МАРГОЛИН 1962).

21 января 1971 г. Марголина не стало. 14 марта 1971 г. Ева
Ефимовна писала супругам Гуль:

Говорила ли я Вам, что в последний вечер (кто мог знать?) Юленька
мне тихо сказал в больнице: «Прости, что я так малословен сегодня,
но я очень хочу спать...» Так он и заснул...⁵¹

* * *

Вернувшись из заключения и окончательно поселившись в Тель-
Авиве, Марголин за десять месяцев написал свою книгу *Путешествие
в страну Зека*, в которой с большой силой раскрылся талант
писателя. Его близкий друг, израильский журналист и писатель, один
из лидеров сионистов-ревизионистов, Абба Ахимеир (наст. фам. Абба
Шойл [Шауль] Гайсинович; 1897–1962), писал о Марголине как
о представителе исключительного круга «духовных людей» (*anshei-
giah*), которых Голему истребить до конца так и не удалось (АНИМЕИР
2003: 187)⁵². Эта «книга великого гнева», разоблачившая советскую
государственно-репрессивную машину, не потеряла своей
актуальности до сегодняшнего дня. Книгу Марголина сравнивали
с *Записками из мертвого дома* Достоевского (ВИШНЯК 1952: 320;
название 2-й главы – *Повесть «мертвого дома»* – в посвященной

ревизионистского движения в целом; первый директор Machon (Institute) Jabotinsky
в Тель-Авиве.

⁵⁰ University of Pittsburgh Archives. Papers of Ivan Elagin. RG/F-85, box 2.

⁵¹ Amherst College, Center for Russian Culture. Roman B. Gul' Papers, box 6, folder
37.

⁵² См. марголинские статьи, посвященные в свою очередь А. Ахимеиру:
MARGOLIN 1958; МАРГОЛИН 1962А (некролог); MARGOLIN 1968.

Марголину поэме Х. Райхмана *Памяти друга*), или – по линии травелога – с *Путешествием Гулливера* Дж. Свифта, «фантастичным, ироничным и горьким» (JOLLUCK 2020: xix).

Марголинское *Путешествие* остается текстом, не отменяемым никакими другими последующими свидетельствами об ужасах коммунистической тирании. Написанное задолго до того, как появились свидетельства А. Солженицына или В. Шаламова, марголинское *Путешествие* встало в ряд книг, изданных на Западе и поведавших свободному миру о советских лагерях, тюрьмах и ссылках – на русском языке: *Россия в концлагере* (1935) И. Солоневича, *Денис Бушуев* (1949–1956), сборники рассказов *Тайга* (1952) и *Голубое молчание* (1953) С. Максимова, *Тюрьмы и ссылки* (1953) Р. Иванов-Разумника, *Трудные дороги* (1959) Г. Андреева, *Нарым* (1965) Е. Иштугиной, *Крутой маршрут* (1967) Е. Гинзбург, *Мои воспоминания* Е. Олицкой (1971) и др.; или на английском: *Between Two Dictators* (1948) М. Бубер-Нойман, *Eleven Years in Soviet Prison Camps* (1950) Э. Липпер, *The Accused: A Personal Story of Imprisonment in Russia* (1951) А. Вайсберга-Цыбульского, *White Nights: The Story of a Prisoner in Russia* (1957) М. Бегина и др. В международную библиотеку о сталинских репрессиях входит ряд книг о кровавом преследовании, которому подверглось в Советском Союзе сионистское движение, – написанных на иврите и изданных в Эрец-Исраэль/Израиле: *Eser shnot redifot* (Десять лет преследований, 1930) Арье (Лейба) Ценципера (Рафаэли) или *Lishmor le-netsakh: Prakei asir be-Brit HaMuatsot* (Хранить вечно: Записки узника в Советском Союзе, 1970) Иехошуа А. Гильбоа⁵³ и др.

Главную книгу своей жизни Марголин писал довольно быстро: к октябрю 1947 г. она была фактически готова. Правда, еще предстояло написать ее продолжение – *Дорогу на Запад*, 2-ю часть *Путешествия*, сложившуюся из глав-фрагментов, часть из которых публиковалась в

⁵³ Марголина сближает с Гильбоа (1918–1981) ряд биографических фактов: оба родились в Пинске, оба были арестованы в 1940 г. вторгшимися на территорию Польши советскими войсками и совершили «путешествие в страну Зека», обоим по освобождении было позволено вернуться в Польшу, откуда оба репатриировались в Палестину/Израиль (параллели эти подсказал нам Г. Вайсблай).

периодической печати первой половины 50-х гг. (см.: MARGOLIN 1951⁵⁴; МАРГОЛИН 1953; МАРГОЛИН 1953А) и позднее (МАРГОЛИН 1956; МАРГОЛИН 1969В).

Первые отрывок из *Путешествия* был напечатан в журнале Р. Гуля *Народная правда* (№ 2 за 1949 г.) (начавшем выходить в 1948 г. в Париже и прекратившем свое существование в 1952 г. в Нью-Йорке; всего было издано 20 номеров). «Я не знаю ни одной книги о концлагерях, равной по силе этой рукописи» – писал Гуль в краткой редакторской преамбуле; далее шли четыре фрагмента из книги: *Бе-бе-ка* [sic]⁵⁵, *Лагерный невроз*, *Пятый корпус* и *Заключение* (МАРГОЛИН 1949).

В том же году книга Марголина увидела свет во французском переводе (MARGOLIN 1949). Его осуществили Н.Н. Берберова и ее подруга-француженка Мина Журно (Mina Journot)⁵⁶, с которой она до этого сделала несколько совместных переводов (DOSTOÏEVSKI 1947; BERBEROVA 1948), помимо этого Журно принадлежал перевод книги самой Берберовой о Блоке (BERBEROVA 1947). Параллельно переведенные ими отрывки из *Путешествия* печатались в *Figaro* – пристроить эту публикацию взялся известный французский политический деятель русско-еврейского происхождения Борис Суварин (Boris Souvarine; наст. фам. Лифшиц; 1895–1984), один из основателей французской коммунистической партии,

⁵⁴ Первая глава, под заголовком *Поезд шел на Запад*, опубликована в тель-авивской газете *Herut* и отличается от книжной версии: первые две с половиной колонки «подвала» (из восьми) были посвящены размышлениям автора о «западной ориентации».

⁵⁵ Впоследствии название главы печаталось как *ББК*, что расшифровывалось как лагерь, находящийся в зоне Беломорско-Балтийского канала.

⁵⁶ М. Журно работала в художественной галерее Н.В. Макеева, второго мужа Берберовой, когда тот в годы Второй мировой войны промышлял как арт-дилер в Лувре, и, по всей видимости, состояла с ним в любовной связи. После того как брак Берберовой и Макеева дал трещину, и они стали отдаляться друг от друга, Журно оказалась в центре этой баталии, из которой Берберова вышла «победительницей». В 1947 г., когда произошел окончательный супружеский разрыв, Журно осталась с ней (более подробно об их отношениях см.: ВИНОКУРОВА 2021: 159–164).

превратившийся в яркого антисталиниста⁵⁷. Заочное знакомство Марголина с Сувариным произошло, вероятно, через Гуля. В одном из писем к Суварину, относящемся предположительно к концу 1948 – началу 1949 г., Гуль сообщает адрес Марголина: 16, Shenkin Str. Tel Aviv, Etat d'Israel, и далее пишет:

Подробной его карьеры я не знаю. Я запрошу у его родственника, который живет в Париже⁵⁸. Но лучше всего – написать ему самому, что я и сделаю. [...] Марголин – европеец, думаю, что говорит и по-английски, и по-французски⁵⁹.

«Европеец» Марголин, помимо этих двух языков, говорил, читал и писал по-немецки и по-польски. Обращаясь к Суварину по-английски, он писал ему 18 апреля 1949 г.:

Наш общий приятель Роман Гуль сообщил мне, что рукопись *Путешествия в страну Зека*⁶⁰ находится у Вас. Я Вам крайне признателен за Ваше участие в судьбе этой книги. Весьма сожалею, что Вам придется читать большую рукопись, не совсем свободную от ошибок⁶¹.

Далее он продолжал:

Мое собственное мнение об этой книге таково, что несмотря на ее многочисленные недостатки, о которых мне хорошо известно, и даже частично из-за них самих, она более правдива и более убедительна и имеет гораздо больше шансов на успех, чем другие публикации на

⁵⁷ О том, что марголинский текст приобрел во Франции широкое распространение благодаря, в частности, усилиям Суварина, пишет биограф последнего Jean-Louis Panné, см.: PANNÉ 1993: 376.

⁵⁸ Имеется в виду упоминавшийся выше Александр Ефимович Спектор, брат жены Марголина.

⁵⁹ Houghton Library (Harvard University, USA). Boris Souvarine Papers. MS Fr 375-375.1 (840), box 17.

⁶⁰ Марголин переводит название своей книги в письме как *Travel to Prisonia*.

⁶¹ Houghton Library (Harvard University, USA). Boris Souvarine Papers. MS Fr 375-375.1 (840), box 17.

сходную тему. Что, собственно, я подразумеваю под «успехом»? Вы не должны рассматривать книгу как исключительно антисталинскую пропаганду. Я абсолютно уверен в том, что если книга будет должным образом издана и распространена, это заставит советское правительство больше интересоваться происходящим в лагерях и тем самым приведет к улучшению нынешнего положения⁶².

Усилия Суварина увенчались успехом. В октябре 1949 г. отдельные главы из *La condition inhumaine*⁶³ опубликовала *Figaro*, а затем текст вышел из печати в книжном формате. Поначалу планировалось, что предисловие к книге напишет Артур Кестлер, но тот сделать этого не успел или не смог, и она вышла без него.

19 октября 1949 г. Берберова сообщала в Нью-Йорк Р.Н. Гринбергу:

книга Марголина взята в издательство Кальман-Леви, а кроме того, третьего дня она начала печататься в отрывках в *Фигаро*. Счастью нашему нет предела! Они дали портрет, биографию и пр. – словом, подали гениально (цит. по: ВИНУКUROVA 2021: 162).

Гуль был активно вовлечен в поиски переводчиков марголинской рукописи (первоначально на эту роль намечался художник и журналист Сергей Осипович Карский (наст. фам. Карфункель; 1902–1950), в годы войны участвовавший вместе с А. Камю в издании подпольной газеты *Combat*) и в переговоры с издательством Calmann

⁶² Ibid.

⁶³ Под общей рубрикой – *Cinq ans dans les camps de concentration soviétiques* – в *Figaro* было опубликовано 10 глав будущей книги: I. Au “48e carré”: hommes et bêtes de somme (№ 1588, octobre 17, p. 5); II. Comment on “déshumanise” les condamnés (№ 1589, octobre 18, p. 5); III. Le repos: lutter contre les loups et les hyènes (№ 1590, octobre 19, p. 5); IV. L’U.R.S.S. est envahie: on évacue, vers l’Est, le “bétail humain” (№ 1591, octobre 20, p. 5); V. En dépit de l’amnistie, mon calvaire se poursuit (№ 1592, octobre 21, p. 5); VI. Mon appel à Ilya Ehrenbourg ne fut jamais envoyé (№ 1593, octobre 22–23, p. 5); VII. En route pour les mines de charbon du Grand-Nord (№ 1594, octobre 24, p. 5); VIII. Quatre-vingt-dix jours à vivre (№ 1595, octobre 25, p. 5); IX. J’échappe à la mort et je suis libéré (№ 1596, octobre 26, p. 5); X. Conclusion: Appel à l’opinion publique mondiale (№ 1597, octobre 27, p. 5).

Lévy. Между тем, Марголину перевод Берберовой и Журно не понравился. Он писал Гулю 5 января 1950 г.:

Франц[узский] текст моей книги меня не очень радует. Это, в общем, топор, поджаренный вместо говядины. И я считаю возмутительным, что сокращения были не согласованы со мной, и я не имел понятия о переводе, пока он был в работе. Теперь, *post factum*, поздно поправлять и бесполезно огорчаться. Литературно книга убита, но еще остается информативная ценность – для французов. Однако, и эта последняя, понятно, будет ослаблена многими нелепостями и неточностями перевода⁶⁴.

В посланном вдогонку на следующий день письме он далее раскрывал свое негативное впечатление от перевода:

Я не ждал от Б[ерберовой] перевода *мастерского*, т.е. передающего все оттенки. Она бы могла сделать перевод *корректный*, когда оттенки и тонкости смазаны, но всё же читается гладко, без шероховатостей. Но не хотела моей помощи, справедливо полагая, что это усложнит и затянет работу. А ведь это для меня не просто перевод, а «Uraufführung»⁶⁵ [...] Меня просто отстранили от просмотра текста, а что вышло?

Вот 2 примера из *сцен*:

1) В одном месте речь идет о соре с приятелем. Он у меня украл хлеб; я требую, чтобы вернул хлеб, но не сразу (трудно ведь отдать целую пайку), а по 100 грамм в день – «в рассрочку». В переводе: я требую, чтоб вернул пайку и сто грамм *дополнительно*. Как это меня характеризует? От этой шейлокской черточки меня по сердцу резануло.

2) У меня сказано: «страна, которая построила десять тысяч лагерей». Это ясно и сильно. В переводе: «десятки тысяч лагерей». Прибавлено «с» на конце. Получается фразеология, несерьезное швыряние словами. «Десятки тысяч» – это «так себе» сказано, метафора. И глупость.

⁶⁴ The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen 90, box 9, folder 205.

⁶⁵ Uraufführung (*нем.*) – премьера, дебют.

Имена собственные перевраны безбожно. Некоторые сокращения дико бестолковы. И Н. Берберова – женщина с характером. Когда я – при случае – обратил ее внимание на неточность перевода в одном месте (в *Figaro*) и просил поправить, она со мной просто не согласилась. И оставила чепуху⁶⁶.

Недавно перевод был подвергнут пересмотру, и книга выпущена в улучшенном издании, подготовленном французским исследователем и переводчиком Л. Юргенсон (MARGOLIN 2010)⁶⁷. До этого фрагменты из книги Марголина печатались во французском журнале *Amif* (переводчик Daniel Fontenay; см.: MARGOLINE 1975).

В 1952 г. *Путешествие в страну Зека* вышло в оригинале в нью-йоркском издательстве им. Чехова. Краткое анонимное предисловие принадлежит перу известного общественно-политического деятеля С.М. Шварца, мужа Веры Александрович, главного редактора издательства. Это вытекает из сохранившейся в архиве Шварца машинописной копии его письма сыну Марголиных Эфраиму, жившему в то время в Нью-Йорке:

22-го августа 1952 года

4 Вест 105 Стрит
Нью-Йорк 25, Н.Й.
[тел.:] Монюмент 2-3177

Многоуважаемый г. Марголин,
издательство им. Чехова просило меня написать предисловие к книге Вашего отца, небольшое, страницы на 4; еще не знаю, будет ли оно подписано моим именем или просто «издательство им. Чехова», как это было сделано во многих других случаях. Это не имеет значения. Но и в том, и в другом случае мне необходимо иметь более подробные

⁶⁶ The Beinecke Rare Book & Manuscript *Library* (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen 90, box 9, folder 205.

⁶⁷ Авторы недавней публикации переписки Н. Берберовой и Г. Кузнецовой, упоминая уточненно-реформированный, а в некотором смысле и новый перевод книги Марголина, осуществленный Л. Юргенсон, имя последней не называют и представляют дело так, будто бы это всего лишь переиздание старого; см.: БЕЛОБРОВЦЕВА, ДЕМИДОВА 2022: 102.

данные о Вашем отце, чем я мог почерпнуть из книги. Моя просьба к Вам: позвонить мне завтра, в субботу, вечером, после 7 часов (или, если Вы завтра не успеете, то в воскресенье вечером, после семи часов) (скажите, что за телефон будет уплачено мною). Еще до того, как Вы мне позвоните, прошу Вас вспомнить:

где и когда Ваш отец родился и провел детские и юношеские годы? (в Екатеринославе, позже в Пинске?)

где он учился в средней и высшей школе? (в Пинске и позже в Париже?)

что делал после окончания образования? (учитель? писатель? что писал? на каких языках?)

как попал обратно в Польшу весной 1939 г. и надолго ли?

как попал обратно из Советского Союза в Палестину?

что делает сейчас в Израиле?

и всё, что Вам кажется полезным сообщить в этом предисловии.

С совершенным уважением

Ваш [С. Шварц]⁶⁸

Оригинальная марголинская рукопись оказалась сокращена «чеховцами» более, чем на треть⁶⁹. Досадуя на этот произвол, Марголин жаловался в письме Марку Вишняку от 30 ноября 1953 г.:

Ваш непосредственный отклик по прочтении книги очень обрадовал меня⁷⁰. Я гораздо больше доволен русским изданием, чем франц[узским] переводом⁷¹, но все-таки: из 650 стр[аниц] было напечатано 400, и у меня были серьезные сомнения насчет эффекта этой урезанной, кургузой версии.

⁶⁸ The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). P322-41. То, что автором предисловия к *Путешествию* явился Шварц, подтверждается также письмом зам. главного редактора издательства Т.Г. Герентьевой, сообщившей об этом Марголину 25 августа 1952 г. (CZA. A 536/30).

⁶⁹ Книга после этого несколько раз переиздавалась по данному издательскому образцу; см., напр.: МАРГОЛИН 1976а.

⁷⁰ Вероятно, в недошедшем до нас письме М. Вишняк сообщал свой «непосредственный отклик» на *Путешествие*, который он позднее изложил в рецензии (ВИШНЯК 1952).

⁷¹ Т.е. MARGOLIN 1949.

Я себя чувствовал художником, которому соскребли с картины 40% красок или отрезали часть полотна под предлогом, что «не умещается в раму» (ХАЗАН 2021, № 1 (6): 36).

«Чеховцы», по существу, отказались от второй части *Путешествия* – книги *Дорога на Запад*, которую автор стал печатать отдельными главами уже после того, как нью-йоркское издательство прекратило свое существование. Посылая редактору *Нового русского слова* М.Е. Вейнбауму финальную главу *Дороги на Запад*, названную *Гелиополис* – по имени парохода, доставившего его в 1946 г. из Франции к берегам Палестины, Марголин замечал в сопроводительном письме от 24 мая 1956 г.:

Эту книгу я собирался издать в Изд[ательств]е им. Чехова, а теперь, с его ликвидацией, уж не знаю, когда она увидит свет. Может быть, Вы знаете в Нью-Йорке чудака, который бы согласился вложить 1500 дол[ларов] в издание этой книги по-русски[?] За эти деньги можно напечатать *здесь*, в Тель-Авиве, 3000 экз[емпляров], из которых около тысячи продалось бы на месте, остальное за границей. Я чувствую, что это коммерчески здоровая идея, но абсолютно не в состоянии сам улаживать подобные дела⁷².

Гелиополис, опубликованный в двух номерах *Нового русского слова* (МАРГОЛИН 1956), вызвал сочувственный отклик критики. Эмигрант второй волны В.Д. Самарин (наст. фам. Соколов) писал на страницах *Нового русского слова*:

В очерке *Гелиополис* Ю. Марголин поднял одну из трагических проблем нашего времени – проблему равнодушия к человеческому страданию, к существованию и торжеству на земле зла, нашедшего свое наиболее отвратительное и страшное выражение в коммунизме (САМАРИН 1956).

⁷² The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Mark Y. Weinbaum Papers, GEN MSS 106, box 5, folder 228.

Еще до выхода в свет книжного издания *Путешествия* Гуль, который к этому времени перебрался из Парижа в Нью-Йорк и занял место ответственного секретаря *Нового журнала*, уже был готов, по согласованию с главным редактором М.М. Карповичем, предоставить для книги Марголина журнальные страницы. Невозможно сказать, в каком объеме была бы она напечатана – потребовались ли те сокращения, которым рукопись подверглась в Чеховском издательстве или текст был бы помещен в полном объеме. Вопрос этот не является праздным, поскольку выхода неурезанного текста пришлось дожидаться 65 лет: только в 2017 г. книга была издана в Израиле в том виде, в каком ее хотел видеть автор (МАРГОЛИН 2017). Некоторые главы, не попавшие в чеховское издание, появлялись в периодической печати, как бы задним числом дополняя его (см., напр., МАРГОЛИН 1954).

Курьезно, что в трехтомном биографическом словаре *Российское Зарубежье во Франции*, в который странным образом попал и Марголин, который никогда во Франции не жил, а бывал там то ли проездом, то ли останавливался на весьма короткое время, о *La condition inhumaine: Cinq ans dans les camps de concentration soviétiques* и о *Путешествии в страну Зека* говорится как о двух разных книгах (МНУХИН, АВРИЛЬ, ЛОССКАЯ 2008–2010, II: 138). Это с ясностью указывает на то, что составители не держали их в руках и едва ли догадываются, что в первом случае речь следует вести о переводе рукописи на французский язык.

Хлопоты о переводе *Путешествия* на немецкий язык Марголин предпринял сразу по выходе книги в издательстве им. Чехова. Одним из тех, кого он попросил «навести справки», был живший в Германии эмигрант второй волны Юрий Трубецкой (наст. фам. Меньшиков; 1898–1974) (см. о нем: ХАЗАН 2006). В ответном письме от 13 ноября 1953 г. Трубецкой писал:

Охотно – когда буду в Мюнхене, – а я там изредка бываю – наведу справки относительно издания Вашей книги на немецком языке. Переводчики там тоже найдутся, если Вы сами не можете или не хотите переводить⁷³.

⁷³ CZA. A 536/29.

Мы не располагаем сведениями, насколько Трубецкой оказался полезен в этом деле, но, как видно по результату, книга была переведена на немецкий язык и издана в Германии (MARGOLIN 1965). Переводчицей стала Вера Александровна Пирожкова (1921–2013), которая в годы Второй мировой войны сотрудничала в газете *За родину*, издававшейся в оккупированном немцами Пскове; после войны жила в Мюнхене, в 1951 г. защитила в Мюнхенском университете диссертацию по творчеству Александра Герцена, многие годы проработала там как профессор политологии; редактировала и издавала журнал *Голос зарубежья*; в 1992 г. вернулась в Россию (см.: ПИРОЖКОВА 1998; о ее поездках в Израиль и личном знакомстве с Марголиным: С. 363–374)⁷⁴. Об этом немецком издании книги Марголина Н. Отрадин (Г. Андреев) вспомнил в связи с появлением солженицынского *Архипелага Гулаг* (ОТРАДИН 1974). Отвечая ему, Пирожкова писала в *Новом русском слове*:

Н. Отрадин пишет в статье *Вокруг «Архипелага»* (24 февраля) следующее: «Вышло по-русски и несмотря на многие старания осталось непереведенным даже *Путешествие в страну зека* Ю. Марголина, которую многие считают лучшей из послевоенных книг о лагерях (только недавно, лет через двадцать после выхода на русском, ее удалось выпустить на немецком языке)».

Эти данные Н. Отрадина не точны. Так как я сама перевела *Путешествие в страну зека* на немецкий и сама нашла для книги издательство, то мне все даты хорошо известны. По-русски книга вышла в 1952 г., а по-немецки в 1965 г., т.е. через 13, а не через 20 лет после выхода на русском языке. Это не так уж недавно, все же 9 лет назад. Добавлю еще, что я из рукописи по просьбе теперь уже покойного Ю. Марголина перевела для немецкого издания 5 дополнительных глав, отсутствующих в русском издании. Таким образом немецкое издание является самым полным.

⁷⁴ Реагируя на сообщение о том, что мюнхенское издательство J. Pfeifer приняло *Путешествие* в пирожковском переводе, Гуль, поздравляя автора, писал Марголиным 21 мая 1963 г.: «Очень рад, что книга Юлия выйдет по-немецки, и да здравствует пирожок! Такие явления в нашей жизни, увы, не часты. И, стало быть, хороший перевод, если изд[ательст]во берет» (The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen MSS 90, box 20, folder 479).

Но, кроме немецкого, было и французское издание этой книги. Оно вышло в свет в 1949 г., т.е. до выхода в свет русского издания. Перевод делался с рукописи. Но это издание несколько сокращено, хотя и иначе, чем русское: в нем имеется первая часть, начисто выкинутая в русском издании, но каждая глава сильно сокращена.

На английский язык книга переведена не была, но думаю, что сделать это было бы нетрудно, если бы кто-либо из русских эмигрантов взял бы на себя этот труд и предлагал бы издательствам уже готовый английский перевод, как это сделала я с немецким переводом (ПИРОЖКОВА 1974).

Десять лет назад был осуществлен новый перевод *Путешествия* на немецкий язык (MARGOLIN 2013B), в основу которого положен полный текст оригинала.

Возвращаясь к издательству им. Чехова, следует заметить, что в процессе подготовки книги к печати там даже намеревались изменить ее название, о чем Марголин сообщал Гулю в письме от 18 сентября 1952 г.:

Еще хотят они переменить заглавие[:] вместо *Путешествие в страну З/К – За чертой человеческого*, это очень плохо, в арцыбашевско-андреевском стиле, крикливо-ходульно, *У последней черты, Красный смех, Адские муки*, – и я не согласен, но на расстоянии могут и не посчитаться со мной⁷⁵.

Однако с автором посчитались, и названия не изменили.

В 2013 г. *Путешествие* было переведено на иврит (MARGOLIN 2013).

* * *

Известное французское выражение «l'avocate des causes perdues» – «защитник проигранных дел» – прекрасно подходит к Марголину, который как человек, писатель, общественный деятель брался обычно

⁷⁵ The Beinecke Rare Book & Manuscript Library (Yale University). Roman B. Gul' Papers. Gen 90, box 9, folder 206.

не за те дела, которые должны были бы принести ему славу, почет, финансовое благополучие и пр., а за то, что, не суля лавров, несло в себе риск оказаться идущим «против течения». В заключении *Путешествия в страну Зека* говорится:

Эта книга писалась при молчаливом и явном неодобрении моего окружения, и если бы не личный мой опыт и сила убеждения, которой я обязан пяти лагерным годам – возможно, что я подчинился бы коллективному внушению, как это делают другие участники «заговора молчания».

Кажется, нигде у Марголина гуманистическая позиция, интерес к «рядовому», «частному» человеку, – не проявилась с такой силой, как в его *Еврейской повести*. Главный персонаж – Израэль Эпштейн, член боевой еврейской организации ЭЦЕЛ (Иргун Цваи Леуми – национальная военная организация, или, как ее просто называли, Иргун), которая вела ожесточенную борьбу с английским военным присутствием в Палестине, погиб, когда ему было всего 32 года. Книга об Израэле (Сролик) была заказана Марголину друзьями погибшего. Однако, когда заказ был выполнен – книга (на иврите) написана, заказчики испытали полное разочарование: в образе главного героя им не доставало героического ореола. Сролик у Марголина оказался выписан не «былинными» средствами, он выглядел совершенно обыденно, живущим и погибающим за высокие идеи без парадного блеска. Это смущало и рождало недоумение у тех, кто ожидал ходульной идеализации. Марголин позднее рассказывал:

Вечерами собирались его товарищи, и я читал им главы за главами возникающей книги. Но на иврите она не вышла, потому что автор, отвергающий «социальный приказ», оказался также и плохим исполнителем «социального заказа». Заказчики отшатнулись от книги, нарушившей принятый партийный шаблон. Они были готовы предоставить мне некоторую дозу свободы, но не в такой степени. Мне полагалось изобразить моего героя безупречным образцом всех патриотических добродетелей, без проблем и сомнений, без теней и слабостей, тверже стали и мягче шелка, богатырем вроде Ари бен-

Ханаана из модного романа⁷⁶. Но я не пишу книг для детей старшего возраста. И то, что я написал, шокировало моих честных и не искусственных литературно заказчиков, ожидавших саги, героической легенды, венца вокруг головы их товарища, книги, написанной в позе абсолютного преклонения (МАРГОЛИН 1961А).

В конце концов, *Еврейская повесть* была издана на русском языке (МАРГОЛИН 1960)⁷⁷. Книгу выпустило в свет тель-авивское издательство Мааян (Родник), существовавшее при одноименном книжном магазине, хозяином которого был Миша Левинсон⁷⁸.

Не по вкусу *Еврейская повесть* пришлась не только горячим сторонникам неумной героизации проливавших кровь за будущее еврейское государство, но и евреям-несионистам, увидевшим в книге Марголина искажение истории сионизма и апологетику «ревизионистского» течения. Известный нью-йоркский русский литературный критик Г. Аронсон писал в рецензии на *Еврейскую повесть*:

Сионизм автора покрывается идеями отколовшегося от сионистской организации до [В]торой мировой войны направления, известного под именем «ревизионизма», возглавленного Владимиром Жаботинским, а впоследствии поглощенного террористическими отрядами «Иргун Цвей [sic] Леуми». Иргун представлял собою заговорщицкую организацию, специализировавшуюся на нападениях на английских солдат и офицеров – проводников политики Великобритании, имевшей мандат над Палестиной. Но в *Еврейской повести*, как мне кажется, мы находим не столько объективное

⁷⁶ Марголин имеет в виду героя популярного в конце 50-х – начале 60-х гг. мелодраматического романа американского писателя Леона Юриса *Exodus* (1958), по которому в 1960 г. Отто Премингер снял в Голливуде одноименный фильм.

⁷⁷ Фрагмент из *Еврейской повести* печатался в *Новом русском слове* (МАРГОЛИН 1956в); в переводе на английский язык (*A Jewish Tale*) включен в кн.: SHRAYER 2007, I: 486–497. На иврите книга об И. Эпштейне вышла относительно недавно, см.: KISTER 2013.

⁷⁸ См. очерк Марголина *Уродника*, написанный им после смерти Левинсона как прощальное слово другу (МАРГОЛИН 1962в).

описание деятельности этого направления, сколько апологетическую его идеализацию и поэтизацию (АРОНСОН 1961: 284–285).

Свой анализ рецензент завершал следующим выводом:

Мне думается, что, выступая сейчас в качестве апологета террористических методов иргунистов, автор книги *Еврейская повесть* только подчеркивает свою изоляцию в современном Израиле и современном сионизме, который, как известно, не шел за ревизионизмом Жаботинского и деятельностью Иргуна (АРОНСОН 1961: 285).

Негативную реакцию *Еврейская повесть* вызвала и у крупного историка и публициста, политического, общественного и культурного деятеля Марка Вишняка, который, прочтя книгу Марголина, писал автору 30 ноября 1960 г.:

Вашу *Повесть* я читал с интересом и с огорчением, которое всё возрастало. Она *много ниже Вас* как автора, – по существу и по форме. Ибо она – не завуалированная фракционная пропаганда, местами сбивающаяся даже на «агитку», – которая для большей привлекательности и эффективности облечена в полубеллетристическую форму. *Повесть* выполняет определенный, поставленный себе автором политический заказ и тем самым ее художественная сторона сводится едва ли не на нет (ХАЗАН 2021, № 2 (7): 46–47).

Ср. мнение С.М. Шварца, чье письмо в связи с изданием *Путешествия в страну Зека* в издательстве им. Чехова приводилось выше. В личном письме к автору *Еврейской повести* Шварц, социал-демократ (меньшевик) по партийной принадлежности, писал 23 ноября 1967 г.:

Вам не приходится убеждать меня, что можно быть террористом и человеком очень высоких качеств. Но ни группа Штерна⁷⁹, ни Иргун Цвай такого впечатления на меня никогда не производили. И что

⁷⁹ Имеется в виду Авраам Штерн (подпольный псевдоним Яир; 1907–1942), основатель и руководитель подпольной организации ЛЕХИ (аббревиатура от ивритского названия Lohamei Herut Israel – Борцы за свободу Израиля).

благодаря им англичане ушли из Палестины, чем это было бы при других обстоятельствах, я далеко не готов принять как доказанное. Может быть, это в какой-то мере и верно, но верно и другое: еврейские террористы способствовали развитию в английско-палестинской политике ряда тягостных черт, которых могло бы и не быть. И уж совсем катастрофой было их отношение к арабам. За Дейр Яссин⁸⁰ мы расплачиваемся до сих пор и, вероятно, никогда окончательно не расплатимся⁸¹.

Марголин, который по части литературного совершенства или несовершенства *Повести*, возможно, и был готов признать правоту своих оппонентов, не мог, однако, согласиться ни с теми, кто ожидал от него ослепительной героизации, ни с теми, кто упрекал его в создании «партийной агитки» в беллетризованном облачении. В ответ на приведенное письмо Вишняка он писал 9 декабря 1960 г.:

Я совершенно один в Израиле. Какая там «фракционность»? Надо видеть человеческую сторону этого дела. Сролик – живой человек. Фанатизм и ослепление разлиты по всем евр[ейским] партиям, но из всех его форм эта – иргунская – была, накануне Катастрофы, еще наиболее оправданной. Вы не жили тогда в Польше среди миллионов в тупике. Люди чувствовали, что идет беда, дергались, искали выхода. Надо их пожалеть, даже с их ошибками (ХАЗАН 2021, № 2 (7): 50).

Между тем, позитивно отреагировали на *Еврейскую повесть* представители двух других полярных лагерей. П. Замир, сподвижник Марголина по МАОЗ – израильскому Обществу помощи еврейству СССР, писал:

Памятник, который поставил Марголин своей книгой Израилю Эпштейну, в корне отличен от того, который в Рамат-Гане поставлен другому герою еврейского «резистанса» – Дову Грунеру. Там, в

⁸⁰ 9 апреля 1948 г., в ходе Войны за Независимость, арабская деревня Дейр Ясин, примыкавшая к Иерусалиму, была захвачена боевыми формированиями Иргун и ЛЕХИ.

⁸¹ The Central Archives for the History of the Jewish People. Shlomo Schwatz Papers. P32-57 A-B.

скульптуре Ханы Орловой, металл и геральдические львы, но нет человеческого лица. Тогда как в книге Израиль Эпштейн показан человеком, как все, – и именно в этой его человечности и простоте его очарование и убедительность его жертвы⁸².

Голос поддержки («Книга, написанная талантливым и знающим автором, читается с интересом») прозвучал и со страниц журнала *Грани* (МАРКОВ 1961); автором рецензии был журналист и писатель Анатолий Львович Марков (1893/1894–1961). Этому следует противопоставить неудовлетворенность *Еврейской повестью*, отразившуюся в письме Марголина к «товарищам по оружию» Израэля Эпштейна, названном *Le-yadidei Israelik* (Друзьям Израэлика) и не предназначавшемся для печати. В нем, в частности, говорилось:

10-го ноября 1957 пришли ко мне трое из «круга друзей», заказавшего у меня эту книгу, и сказали, что после знакомства с рукописью и размышлений над ней, у них сложилось общее отрицательное впечатление, и они против того, чтобы ее печатать.

Причина не в том, что книга плоха с литературной точки зрения, дело в том, что я не понял Израэлика, что «мой подход ошибочен», что «в книге Израэлика нет». Другими словами, случилось то, что случается иногда, когда заказывают картину у художника, а не у фотографа. Заказчик в панике от того, что получил, говорит о том, что «нет сходства», и отказывается принять картину. Делать нечего. Я прошу простить, что разочаровал вас. Я сделал все, что мог, чтоб избежать этого. Я предупредил вас заранее, что мой подход будет очень личным⁸³.

⁸² Русская мысль. 1960. 31 дек. № 1624. С. 6. В том же номере газеты напечатан отзыв Ю. Терапиано, который вел на ее страницах регулярную рубрику *Новые книги*. Он также носил положительный характер.

⁸³ Перевод с иврита Миши Шаули.

В статье *О чем «Еврейская повесть»*, которая цитировалась выше, «нераскающийся автор» привел весь спектр предъявленных ему претензий:

Кроме удовлетворения, вызванного самим фактом ее появления, *Еврейская повесть* доставила автору немало огорчений. В ней отдана дань Вл. Жаботинскому и воспитанной им молодежи, – этого было достаточно, чтобы в определенных кругах признали ее «фракционной пропагандой» и «агиткой». Но, с другой стороны, люди, взявшие себе право говорить от имени израильского национализма, отбросили ее не менее решительно, – «обеими руками», как пишет мне некто, обвиняющий меня в том, что я оскорбил память Израиля Эпштейна и извратил его образ (МАРГОЛИН 1961А).

Ставшая «чужой среди чужих» и «чужой среди своих», *Еврейская повесть* Марголина занимает заметное место в истории русско-еврейской литературы.

* * *

Участие Марголина в антикоммунистическом движении смыкалось с его деятельностью историка сионизма и отразилось в его выступлениях по поводу судьбы сионистского движения в Советском Союзе. Главным из них была его статья *Как было ликвидировано сионистское движение в Сов. России* опубликованная в журнале мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР (МАРГОЛИН 1954А), организованного послевоенными эмигрантами, в число которых входили участники власовского движения и лица, сотрудничавшие с немецкими оккупантами. Об упреках в адрес Марголина из-за готовности вступить в контакт с ними в рамках борьбы против советской государственной машины, можно судить по ответу Марголина от 17 ноября 1957 г. на несохранившееся письмо Вишняка:

3) Есть решающий аспект, о котором Вы забываете, а я не распространяться: сионизм революционный (или контррево-

люционный, как хотите) заинтересован в осторожном разведывании путей и контактов с «той стороной». *Мы достаточно осторожны*, но не боимся разговаривать и с «подозрительными», и с подозреваемыми во всех грехах.

4) Что касается антисемитизма (укрываемого) этих людей, то я предпочитаю антисемитов, издающих мои книги, Чех[овскому] изд[ательств]у, не захотевшему издать продолжения моего *Путешествия в страну Зека*⁸⁴. *Грани* печатают мою работу *О свободе* (1951 г.)⁸⁵. Вспоминаю, что другой мой очерк, *О лжи*, начали, было, печатать *Опыты* в Нью-Йорке и бросили...⁸⁶ Был неприязненный отзыв Гр. Аронсона, не понявшего, что пред ним первые страницы большой работы и надо погодить выносить отрицательное суждение⁸⁷. Что же удивительного, что я иду туда, где меня хотят печатать? Изд[ательств]во Посев предлагает мне издать мою *Еврейскую повесть* (биографию И. Эпштейна, члена Иргун Цвай Леуми, убитого в Риме в 1946 г.)⁸⁸. Какой Вы мне дадите совет – отказаться? (ХАЗАН 2021, № 1 (6): 43–44).

⁸⁴ О редакции, которой подверглась книга Марголина *Путешествие в страну Зека* в издательстве им. Чехова, см. выше.

⁸⁵ Речь идет о философском трактате *О свободе*, напечатанном в двух книжках журнала *Грани* за 1957 г. (МАРГОЛИН 1957А). *О свободе*, как и упоминаемый следом трактат *О лжи* (и еще один – *Учение о ненависти*), первоначально были написаны Марголиным во время пребывания в лагере, а затем найдены при обыске и уничтожены. Говоря о его сотрудничестве с журналом *Грани*, следует упомянуть, что там была напечатана и подборка из трех *Лагерных стихов* (МАРГОЛИН 1957).

⁸⁶ Философский трактат Марголина *О лжи* после уничтожения в лагере первого варианта был написан им снова и напечатан двумя порциями в нью-йоркском журнале *Опыты* (МАРГОЛИН 1953–1957).

⁸⁷ В отзыве Григория Аронсона на 2-ю книжку *Опытов* говорилось: «Размышления Ю. Марголина *О лжи*, – начальные главы “опыта”, как называет редакция журнала его статью, – могли бы сильно выиграть, если бы были введены в русло существующей довольно большой литературы о психологии лжи (и на русском языке) – о судебной лжи, о лжи у детей и т.д. Автор открывает уже давно открытую Америку и впадает поэтому порой в тривиальность» (АРОНСОН 1953).

⁸⁸ Антисемитическое издательство Посев, издававшее помимо книг, журнал под одноименным названием (1945–1992, далее издавался в России), а также журнал *Грани* (1946–1990, далее издавался в России), было основано в 1945 г. в лагере для перемещенных лиц Менхегоф; в 1947 г. оно переехало в Лимбург-на-Лане, а в январе

Марголинская *Еврейская повесть* в «Посеве» не выходила, но сама тесная связь ее автора с ведущими деятелями антисоветской эмиграции, с кругами НТС, такими, как редактор *Граней* Н.Б. Тарасова, примечательна. После выхода в свет первого выпуска нью-йоркского альманаха *Воздушные пути*, в котором было напечатано философское эссе Марголина *О Боге великом*, Тарасова писала 15 ноября 1960 г. его издателю Р.Н. Гринбергу:

Альманах Ваш очень хорош. Я с удовольствием его просмотрела. Пришлось отдать рецензенту (у нас такое правило), а хотелось бы иметь. Если у Вас есть еще возможность достать и прислать мне один экз[емпляр] наложенным платежом, я была бы Вам очень признательна. Интересно в нем все. Увидела я там своего дорогого друга Юлия Борисовича Марголина. У нас в *Гранях* он когда-то печатал интереснейшую философскую работу о свободе, которую писал в первый раз в концлагере в России, при выходе у него отобрали и, разорвав, бросили в корзинку, даже не поинтересовавшись содержанием. Вырвавшись на Запад, он повторил ее, а мы опубликовали⁸⁹.

Симптоматично, что Марголина как «своего» автора упоминает в статье *Нельзя ни простить, ни забыть* Ф.П. Богатырчук, участник власовского движения, входивший в президиум Комитета освобождения народов России (КОНР). (БОГАТЫРЧУК 2017: 512). К Марголину обратился за помощью со справкой по еврейским темам видный представитель послевоенной («второй») эмиграции мемуарист Б.А. Филиппов, рассказав в письме от 23 октября 1961 г.

1952 г. обосновалось во Франкфурте-на-Майне. В конце концов, *Еврейская повесть* была издана в Израиле (МАРГОЛИН 1960).

⁸⁹ Library of Congress (Washington, USA). Manuscript Division. The Records of *Vozdushnye puti*, box 3. Ср. в письме Архиепископа Иоанна (в миру: кн. Д.А. Шаховской) поэту Д. Кленовскому от 20 января 1960 г. о том же выпуске *Воздушных путей*: «Статья Ю. Марголина – самая глубокая из всех, и ее написал как раз еврей, «не-христианин», но ближе всех подошедший ко Христу. Совсем близко. В ней нет, в статье этой, власти фразы» (АРХИЕПИСКОП ИОАНН ШАХОВСКОЙ 1981: 98).

о том, что, задумав большую работу о русских поэтах и прозаиках 1900–1960 гг., столкнулся с проблемой

о русских поэтах и прозаиках-евреях, начиная с Фруга и Айзмана и кончая Пастернаком, Борисом Слуцким, Кирсановым и пр. А такие вещи Мандельштама, как *Хаос иудейский*, не говоря уже об Ан-ском и др., потянули за собой и вопрос об антисемитизме в России 1900–1917 гг. и позднем советском антисемитизме: этих вопросов не обойдешь, особенно говоря о временах позднего Сталина и Хрущева. Тем более не обойдешь, что последняя советская свистопляска Стариковых и К° вокруг *Бабьего Яра* Евтушенко опять ставит те же вопросы... Да и «одесская школа» советской прозы и поэзии – сколько там поэтов и прозаиков-евреев, сколько связей хотя бы между Одесскими рассказами Бабеля и весьма-весьма прозаическими и «публицистическими» материалами по еврейскому вопросу и антисемитизму⁹⁰.

В ответном письме от 15 ноября 1961 г. Марголин замечал:

Русскими писателями евр[ейского] происхождения я специально не занимаюсь, но, так сказать, «изнутри» их понимаю. Не надо быть антисемитом, чтобы почувствовать специфически еврейское в Пастернаке или Мандельштаме⁹¹.

* * *

Когда мир покидает личность масштаба Марголина, почти всегда возникает ощущение ее земной нереализованности, не полной исчерпанности имевшегося потенциала. В случае с Марголиным мы, по сути, имеем дело с известной некрасовской дихотомической максимой о взаимомешающей конкуренции песен и борьбы («Мне борьба мешала быть поэтом, песни мне мешали быть бойцом»), которая в равной мере проявила себя в судьбе боготворимого им

⁹⁰ The Beinecke Rare Book & Manuscript *Library* (Yale University). Boris Filippov Papers. Gen MSS 334, box 4, folder 136.

⁹¹ Там же.

Жаботинского, принесшего свой писательский талант в жертву политической борьбе. Как писал в прощальном слове, расставаясь с Марголиным, его близкий друг, израильский журналист Михаил Клявер,

он мог быть ученым историком и философом. У него к этому было достаточно знаний, призвание и влечение. В часы отдохновения от политических тревог он углубился в страницы Мартина Бубера и Сартра. Только судьба увела его от путей мыслителя на неустойчивые дороги политического бойца. Он был человеком большой учености, в полном смысле слова человеком энциклопедических познаний. Зная много языков, он любопытствовал о многом и разном (КЛЯВЕР 1971).

Кем по основному роду занятий являлся Марголин? Какое место он занимает в интеллектуальной истории XX века? Философ? Политический публицист, писавший, по слову Х. Райхмана, «с библейским акцентом» (РАЙХМАН 1973: 4)? Эрудит, стоявший «с веком наравне»? Сионист, для кого интересы своего народа не замыкались в строго национальных рамках, а обретали общечеловеческое значение? Общественный деятель-борец за гуманистические ценности? Прозаик и поэт? На последний вопрос сам Марголин дал скорее уклончивый и, возможно, чрезмерно строгий ответ в оборванной фразе: «Не будучи ни беллетристом, ни поэтом (а в крайнем случае лишь “поэтической натурой”)...» (МАРГОЛИН 1963).

Марголин, с его, как выразился один из его друзей в прощальном слове о нем, «всечеловеческим мышлением» (ШТЕЙН 1971), безусловно, занимает особое место в мировой гуманитарной «табели о рангах». Возможно, пришла пора всесторонне исследовать эту незаурядную личность, собрав вместе по возможности большую часть его писаний, рассеянных по многочисленным печатным изданиям, и восстановив хронику им осуществленного – не только хорошо известного, но и того, что еще ждет своего выявления и описания.

Много лет назад в предисловии к первой из серии брошюр Марголина, изданных после его смерти, Голда Елина (1920–2000),

израильская общественная деятельница, руководительница (с 1968 по 2000 гг.) организации МАОЗ (Общество помощи советским евреям) и человек, который внес неоценимый вклад в дело сохранения и популяризации марголинского наследия, писала:

Статьи, написанные д-ром Ю.Б. Марголиным в 50-х годах, которые теперь читаются впервые, – актуальны и важны сегодня. Они содержат в себе оригинальный и особый марголинский анализ фактов нашей действительности и их причин, объясняют его особую точку зрения, которая до сих пор не заняла полагающегося ей места в общественной мысли Израиля и свободного мира (MARGOLIN 1973: 1).

За более чем полвека, прошедшие со дня смерти Марголина, его имя и духовное наследие – журналистское, литературное, философское, социально-политическое – приобрело, как кажется, широкое распространение и звучный публичный резонанс. Книги Марголина переводят ныне на разные языки. Выше уже говорилось об обновленных переводах *Путешествия в страну Зека* на французский (MARGOLIN 2010) и немецкий (MARGOLIN 2013B) языки, а также переводе на иврит; к этому следует добавить еще перевод этой книги на польский (MARGOLIN 2013A) и английский (MARGOLIN 2020)⁹² языки. См. также марголинские тексты, которые благодаря успешным стараниям проф. парижской Сорбонны Л. Юргенсон были собраны под одной обложкой, переведены на французский язык и изданы в книжном формате (MARGOLIN 2012; MARGOLIN 2016).

И тем не менее нет полной уверенности в том, что имя Марголина заняло подобающее ему место «в общественной мысли Израиля и свободного мира». Совершенно очевидно, что для того, чтобы этого добиться, нужны гораздо большие инвестиции – как исследовательские, так и издательские, причем направленные одновременно и на экстенсивное знакомство с оставшимся после него обширным текстовым массивом, и с углубленным изучением марголинского печатного слова.

⁹² Несколько глав из *Путешествия* было опубликовано по-английски еще в 1952 г. в нью-йоркском журнале *Commentary* (MARGOLIN 1952).

В этом смысле необходимо отметить заметное, особенно в последние два десятилетия, продвижение вглубь старой проблематики и постановку новых вопросов в исследовании жизни и творчества Марголина учеными разных стран, включая защиту диссертаций (WIMMER 2010). См., к примеру, ценные работы, закладывающие основы для написания аналитической монографии о нем, индивидуальной или коллективной: ДЫМЕРСКАЯ-ЦИГЕЛЬМАН 1994; ТОКЕР 2000 (по указ.); JASKOWSKA 2011; JOLLUCK 2020; КАЦМАН 2020 и др. Хотелось, чтобы к этой библиотеке прибавилась и данная статья. Одна из главных ее целей – возродить память о Марголине, талантливым писателе и публицисте, мужественном и самоотверженном борце против любых форм насилия и деспотии тоталитарных режимов, человеку, обладавшем той мерой собственного мнения и особого взгляда на мир, которые всегда отмечают и отличают яркую и незаурядную личность.

Литература

- АРОНСОН 1953 – Аронсон Г. «Опыты», книга вторая // *Новое русское слово*. 1953. 15 нояб. № 15177. С. 8.
- АРОНСОН 1961 – Аронсон Г. [Рец. на: МАРГОЛИН 1960] // *Новый журнал*. 1961. № 66. С. 283–285.
- АРХИЕПИСКОП ИОАНН ШАХОВСКОЙ 1981 – Архиепископ Иоанн Шаховской. *Биография юности: Установление единства*. Paris: YMCA-Press, 1981.
- БЕЛОБРОВЦЕВА, ДЕМИДОВА 2022 – *Нина Берберова – Галина Кузнецова: Переписка 1920-х – 1960-х годов* / Подг. текстов и коммент. И.З. Белобровцевой, О.Р. Демидовой; Вступ. ст. О.Р. Демидовой; Отв. ред. М.Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН; Изд-во Дмитрия Сечина, 2022 (Библиотека «Литературного наследия», вып. 9).
- БОГАТЫРЧУК 2017 – Богатырчук Ф. *Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту* / Автор-сост. и ред. С. Воронков. Прага: Русская традиция, 2017.

- ВЕНУС 1991 – Венус Б. Мой отец Георгий Венус // Венус Г. *Зяблики в латах*. Л.: Советский писатель, 1991. С. 3–14.
- ВИНОКУРОВА 2021 – Винокурова И. Нина Берберова: Труды и дни по дневникам и письмам (середина 1930-х – середина 1960-х) // *Звезда*. 2021. № 8. С. 157–195.
- ВИШНЯК 1952 – Вишняк М. [Рец. на: МАРГОЛИН 1952] // *Новый журнал*. 1952. № 31. С. 320–322.
- ГАТОВА 1973 – Гатова Л. По-русски, с библейским акцентом // *Новое русское слово*. 1973. 27 окт. № 23137. С. 2.
- ГУЛЬ 1971 – Гуль Р. Юлий Марголин // *Новый журнал*. 1971. № 102. С. 256–265.
- ГУЛЬ 1973 – Гуль Р. *Одвуконь: советская и эмигрантская литература*. Нью-Йорк: Мост, 1973.
- ГУЛЬ 1979 – Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Гл. 2. Россия и Германия // *Новый журнал*. 1979. № 137. С. 69–106.
- ГУЛЬ 2001, I–III – Гуль Р. *Я унес Россию: Апология эмиграции*: В 3 т. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
- ДЫМЕРСКАЯ-ЦИГЕЛЬМАН 1994 – Дымерская-Цигельман Л. «Свобода жить вне горечи и мести...» (Юлий Марголин на страницах альманаха «Воздушные пути») // *Евреи в культуре русского зарубежья*. Т. 4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. С. 146–162.
- ИВНЕВ 2007 – Ивнев Р. *Жар прожитых лет: Воспоминания. Дневники. Письма* / Подг. текста, вступ. ст. Н.П. Леонтьева. СПб.: Искусство–СПБ, 2007.
- ИВНЕВ 2012 – Ивнев Р. *Дневник. 1906–1980* / Сост. Н.П. Леонтьев, подг. текста А.П. Дмитриева, Н.П. Леонтьева и А.В. Леонтьева, коммент. А.П. Дмитриева; под общ. ред. А.П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012.
- КАМЫШНИКОВА-ПЕРВУХИНА 2003 – Камышникова-Первухина Н.М. Токер Л. Возвращение с Архипелага: повествование уцелевших // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение*. М.: ИНИОН, 2003. С. 159–168.

- КАЦМАН 2020 – Кацман Р. Возможно ли чудо в нереальной реальности? // Кацман Р. *Неуловимая реальность: сто лет русско-израильской литературы (1920–2020)*. СПб.: Academic Studies Press / Библио-Россика, 2020. С. 117–140.
- КЛЯВЕР 1971 – Клявер М. Памяти дорогого друга // *Бюллетень Игуд Ёйцей Син*. 1971. Янв.–Февр. № 172. С. 13.
- ЛИТВИН 1990 – Литвин Е.Ю. Последняя одиссея Георгия Венуса // *Ново-Басманная, 19*. М.: Художественная литература, 1990. С. 243–264.
- МАРГОЛИН 1928 – Марголин Ю. Заметки о Пушкине // *Воля России*. 1928. № 1. С. 72–105; № 2. С. 34–59.
- МАРГОЛИН 1946 – Марголин Ю. Дело Бергера (Открытое письмо) // *Социалистический вестник*. 1946. 27 дек. № 12 (592). С. 275–278.
- МАРГОЛИН 1948 – Марголин Ю. История одного разочарования (Советизация Западной Белоруссии) // *Новый журнал*. 1948. № 18. С. 253–265.
- МАРГОЛИН 1949 – Марголин Ю. «Путешествие в страну Зе-Ка» // *Народная правда*. 1949. Февр. № 2. С. 22–27.
- МАРГОЛИН 1951 – Марголин Ю. Еврейский голос в процессе Руссэ // *Народная правда*. 1951. Апр. № 15. С. 27–28.
- МАРГОЛИН 1952 – Марголин Ю.В. *Путешествие в страну Зе-Ка*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952.
- МАРГОЛИН 1953 – Марголин Ю. Галя // *Новый журнал*. 1953. № 33. С. 107–123.
- МАРГОЛИН 1953А – Марголин Ю. Non omnis moriar // *Новый журнал*. 1953. № 35. С. 59–71.
- МАРГОЛИН 1953–1957 – Марголин Ю. О лжи // *Опыты*. 1953. № 2. С. 88–99; 1957. № 8. С. 118–125.
- МАРГОЛИН 1954 – Марголин Ю. Иван Александрович Кузнецов // *Литературный современник: Проза, стихи, критика*. Мюнхен, 1954. С. 147–154.
- МАРГОЛИН 1954А – Марголин Ю. Как было ликвидировано сионистское движение в Сов[етской] России // *Вестник по*

- изучению истории и культуры СССР* (Мюнхен). 1954. Ноябрь.–Дек.
№ 6 (13). С. 90–111.
- МАРГОЛИН 1956 – Марголин Ю. Гелиополис // *Новое русское слово*.
1956. 12 июня. № 15690. С. 2–3; 13 июля. № 15691. С. 2–3.
- МАРГОЛИН 1956А – Марголин Ю. О негодяях // *Новое русское слово*.
1956. 30 авг. № 15769. С. 2.
- МАРГОЛИН 1956В – Марголин Ю. Портрет молодого террориста //
Новое русское слово. 1956. 25 нояб. № 15856. С. 2.
- МАРГОЛИН 1957 – Ю. М. [Марголин Ю.] Лагерные стихи // *Грани*.
1957. янв.–Март. № 33. С. 139–141.
- МАРГОЛИН 1957А – Марголин Ю. О свободе // *Грани*. 1957. Апр.–
Сент. № 34/35. С. 305–335; Окт.–Дек. № 36. С. 211–223.
- МАРГОЛИН 1958 – Галин А. [Марголин Ю.] Возобновление иврита
// *Новое русское слово*. 1958. 20 апр. № 16367. С. 2.
- МАРГОЛИН 1958А – Галин А. [Марголин Ю.] *Израиль – еврейское
государство*. Тель-Авив: Оманут, 1958.
- МАРГОЛИН 1958В – Марголин Ю. Словесная пыль // *Новое русское
слово*. 1958. 23 июня. № 16431. С. 2.
- МАРГОЛИН 1960 – Марголин Ю. *Еврейская повесть*. Тель-Авив:
Мааян, 1960.
- МАРГОЛИН 1960А – Марголин Ю. Каменщик еврейской литературы:
К 70-летию литературной деятельности Б. Кару // *Вестник
Израиля*. 1960. Июль. № 13 (6). С. 18.
- МАРГОЛИН 1961 – Марголин Ю. Памяти Анны Присмановой //
Русская мысль. 1961. 12 янв. № 1629. С. 7.
- МАРГОЛИН 1961А – Марголин Ю. О чем «Еврейская повесть»? //
Новое русское слово. 1961. 21 мая. № 17604. С. 8.
- МАРГОЛИН 1962 – Марголин Ю. Пингвин Ивана Елагина // *Новое
русское слово*. 1962. 1 апр. № 17919. С. 8.
- МАРГОЛИН 1962А – Марголин Ю. Аба Ахимеир, товарищ и друг //
Новое русское слово. 1962. 3 авг. № 18043. С. 5; 5 авг. № 18045. С. 5.
- МАРГОЛИН 1962В – Марголин Ю. У родника // *Новое русское слово*.
1962. 9 окт. № 18110. С. 3.
- МАРГОЛИН 1963 – Марголин Ю. «Слова поэтов и воспоминанья» //
Новое русское слово. 1963. 6 июля. № 18380. С. 3.

- МАРГОЛИН 1964 – Марголин Ю. О Жаботинском Владимире // *Новое русское слово*. 1964. 12 июля. № 18752. С. 3.
- МАРГОЛИН 1965 – Марголин Ю. Книга о жизни: Восемь глав о детстве // *Новый журнал*. 1965. № 81. С. 37–74.
- МАРГОЛИН 1966 – Марголин Ю. Книга о жизни: Восемь глав о детстве // *Новый журнал*. 1966. № 82. С. 56–96.
- МАРГОЛИН 1968 – Марголин Ю. Тель-авивский блокнот // *Новое русское слово*. 1968. 2 янв. № 20021. С. 3.
- МАРГОЛИН 1969 – Марголин Ю. Возвращение в жизнь // *Новое русское слово*. 1969. 27 июля. № 21593. С. 5.
- МАРГОЛИН 1969А – Марголин Ю. «Возвращение в жизнь» // *Русская мысль*. 1969. 31 июля. № 2749. С. 6–7.
- МАРГОЛИН 1969В – Марголин Ю. Сентябрь 1946 (Глава недописанной книги) // *Русская мысль*. 1969. 20 нояб. № 2765. С. 6; 27 нояб. № 2766. С. 6; 4 дек. № 2767. С. 6; 11 дек. № 2768. С. 6.
- МАРГОЛИН 1970 – Марголин Ю. Антифилософ // *Новый журнал*. 1970. № 99. С. 224–236.
- МАРГОЛИН 1970А – Марголин Ю. *Парижский отчет*. Тель-Авив: МАОЗ – Общество борьбы за освобождение евреев из СССР, 1970.
- МАРГОЛИН 1970В – Марголин Ю. Этапы: Стихи из старой тетради // *Новое русское слово*. 1970. 6 апр. № 21846. С. 2.
- МАРГОЛИН 1973 – Марголин Ю.Б. *Евреи в Советской России: (статьи)*. Тель-Авив: МАОЗ – Общество борьбы за освобождение евреев из СССР, 1973.
- МАРГОЛИН 1973А – Марголин Ю. *Повесть тысячелетий: Сжатый очерк истории еврейского народа* / Вступ. очерк М. Занда «О Юлии Марголине». Тель-Авив: Изд. Общества по увековечиванию памяти д-ра Юлия Борисовича Марголина, 1973.
- МАРГОЛИН 1975 – Марголин Ю. *Несобранное*. Тель-Авив: Общество по увековечиванию памяти Ю.Б. Марголина, 1975.
- МАРГОЛИН 1976 – Марголин Ю. О негодах // *Голос зарубежья*. 1976. Дек. № 3. С. 16–19.
- МАРГОЛИН 1976А – Марголин Ю. *Путешествие в страну зе-ка*. Тель-Авив: О-во по увековечиванию памяти д-ра Ю. Б. Марголина, 1976.

- МАРГОЛИН 1980 – Марголин Ю. *Над Мертвым морем*. Тель-Авив: Москва–Иерусалим, 1980.
- МАРГОЛИН 2017 – Марголин Ю. *Путешествие в страну Зека* / Ред.-сост. М. Шаули. Израиль: Институт Жаботинского в Израиле, 2017.
- МАРГОЛИН 2023 – Марголин Ю. *Путешествие в страну Зека. Дорога на Запад. Из Северной страны: Лагерные стихи* / Сост. и ред. М. Шаули; Вступ. ст. В. Хазана. Иерусалим: Studio Click Ltd., 2023. (Русская история и культура в архивах Израиля. Кн. 2, ч. 1).
- МАРКОВ 1961 – Марков А. [Рец. на: МАРГОЛИН 1960] // *Грани*. 1961. № 50. С. 230–231.
- МНУХИН, АВРИЛЬ, ЛОССКАЯ 2008–2010, I–III – *Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь*: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
- ОТРАДИН 1974 – Отрадин Н. Вопросы без ответа: Вокруг «Архипелага» // *Новое русское слово*. 1974. 24 февр. С. 3.
- ПАСТЕРНАК 2013 – Пастернак Л.О. *Заметки об искусстве. Переписка*. М.: Азбуковник, 2013.
- ПАСТУХОВ 1955 – Пастухов В. *Страна воспоминаний* // *Опыты*. 1955. № 5. С. 81–90.
- ПИРОЖКОВА 1974 – Пирожкова В. Перевод «Путешествия в страну Зека» // *Новое русское слово*. 1974. 3 мая.
- ПИРОЖКОВА 1998 – Пирожкова В. *Потерянное поколение*. СПб.: Изд-во журнала «Нева», 1998.
- РАЙХМАН 1973 – Райхман Х. *Памяти друга (Ю.Б. Марголин)*. Тель-Авив: МАОЗ, 1973.
- РУБИНШТЕЙН 1980 – Н. Р. [Рубинштейн Н.] Урок Марголина // МАРГОЛИН 1980: 5–29 [первоначально в тель-авивском журнале 22 (1978. № 3. С. 215–238)].
- САМАРИН 1956 – Самарин В. Заговор равнодушных // *Новое русское слово*. 1956. 17 июля. № 15725. С. 3.
- СЕРКОВ 2001 – Серков А.И. *Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь*. М.: РОССПЭН, 2001.
- СМЕРТЬ ЖУРНАЛИСТА 1971 – Смерть выдающегося журналиста Ю. Марголина // *Русская мысль*. 1971. 4 марта. № 2832. С. 3.

- СОСИНСКИЙ 2002 – Сосинский В. *Рассказы и публицистика*. М.: Российский архив, 2002.
- ТРОЦКИЙ 1958 – Троицкий И. «Израиль – Еврейское государство» // *Новое русское слово*. 1958. 13 июля. № 16551. С. 8.
- ФРЕЗИНСКИЙ 2008 – Фрезинский Б. *Мозаика еврейских судеб. XX век*. М.: Книжники, 2008.
- ХАЗАН 2006 – Хазан В. «Но разве это было всё на самом деле?» (Комментарий к одной литературно-биографической мистификации) // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes* / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. С. 464–489 (Stanford Slavic Studies. Vol. 32).
- ХАЗАН 2015 – Хазан В. *Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот*. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Изд. дом «Галина скрипсит», 2015.
- ХАЗАН 2021 – Хазан В. «Наше дело нажимать, не давать успокоиться, продолжать бескомпромиссную борьбу против существующего зла»: Переписка Юлия Марголина и Марка Вишняка” // *Iudaica russica* (Uniwersytet Śląski w Katowicach). 2021. № 1 (6). С. 28–59; № 2 (7). С. 45–83.
- ХАЗАН 2022 – Хазан В. Юлий Марголин и «Новый журнал» // *Russian Emigration on the Waves of Freedom: Proceedings of the International Conference Dedicated to the Centenary of the Philosophy Steamer and 80th Anniversary of “The New Review”*. New York: The New Review Publishing, 2022. P. 88–102.
- ЧИЖИК 2002 – Чижик С.Н. [Добрускина И.] *Судьба одной прокламации: израильский коммунизм против Юлия Марголина: Собрание статей и выступлений, обращений и писем Ю.Б. Марголина 1946–1957 гг.* Иерусалим: Б.и., 2002.
- ШТЕЙН 1971 – Штейн Э. Памяти друга // *Новое русское слово*. 1971. 1 сент. № 22359. С. 3.
- АНИМЕИР 2003 – Ahimeir A. Yehuda Margolin: Nose hashlichut // Ahimeir A. *Ktavim nevharam*. Vol. 6. Tel Aviv: Hava'ad lehotza'at kitvei Ahimeir, 2003. P. 186–188.

- BARTON 1959 – Barton P. *L'Institution concentrationnaire en Russie (1930–1957)* / Que précède “Le sens de notre combat” par D. Rousset. Paris: Librairie Pion, 1959.
- BERBEROVA 1947 – Berberova N. *Alexandre Blok et son temps* / Traduit du russe par M. Journot. Paris: Éditions du Chêne, 1947.
- BERBEROVA 1948 – Berberova N. *Tchaïkovsky: histoire d'une vie solitaire* / Traduit du russe par l'auteur et M. Journot. Paris: Egloff, 1948.
- DOSTOÏEVSKI 1947 – Dostoïevski F. *L'éternel mari* / Traduit par N. Berberova et M. Journot. Paris: Éditions du Chêne, 1947.
- GOTTGETREU 2007 – Gottgetreu E. Margolin, Julij (1900–1971) // *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Vol. 13 / Ed. F. Skolnik, M. Berenbaum. Detroit [et al.]: Thomson Gale, 2007. P. 525–526.
- JACKOWSKA 2011 – Jackowska A.M. Julius Margolin – świadek zagłady żydowskiej w obozach sowieckich. Przyczynek do dziejów zimnej wojny // *Dzieje najnowsze*. 2011. T. 43. № 3. S. 99–112.
- JOLLUCK 2020 – Jolluck K.R. Introduction // Margolin J. *Journey into the Land of the Zeks and Back: A Memoir of the Gulag* / Transl. by S. Hoffman; Foreword by T. Snyder. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. xix–lix.
- KISTER 2013 – *Olam shekulo tober: Le-dmuto shel Israel Epshtein* [Мир, полный чистоты: К образу Исроэля Эпштейна] / Ed. by J. Kister. Jerusalem: Merkaz moreshet Menachem Begin, 2013 (Hebrew).
- KUBY 2014 – Kuby E. In the Shadow of the Concentration Camp: David Rousset and the Limits of Apoliticism in Postwar French Thought // *Modern Intellectual History*. 2014. April. Vol. 11. № 1. P. 147–173.
- MARGOLIN 1925 – Margolin J. *Erd: Fragmentn fun a poeme*. Gomel, 1925.
- MARGOLIN 1929 – Margolin J. *Grundphänomene des intentionalen Bewußtseins*. Berlin: Ebering, 1929.
- MARGOLIN 1937 – Margolin J. *Idea sjonizmu* / Przełożył M. Olkowski. Warszawa; Łódź: Wydawnictwo Atid, 1937.
- MARGOLIN 1939 – Margolin J. *Der oyfboy fun a kinstlerisz werk*. Warszawa: Oys, 1939.
- MARGOLIN 1949 – Margolin J. *La condition inhumaine: Cinq ans dans les camps de concentration soviétiques* / Traduit par N. Berberova et M. Journot. Paris: Calmann-Lévy, 1949.

- MARGOLIN 1950 – *Sklavensarbeit hinter dem Eisernen Vorhang (Auszug aus einer Erklärung des in Polen geborenen zionistischen Gelehrten Dr. Julius Margolin)*. Düsseldorf, 1950.
- MARGOLIN 1951 – Margolin Y. Rakevet nis'a le-ma'arva [Поезд шел на Запад] // *Herut*. 1951. December 21. № 1002. P. 5 (Hebrew).
- MARGOLIN 1952 – Margolin J. When the Red Army Liberated Pinsk: How Could We Know There Were Humans? // *Commentary*. 1952. December. Vol. 14. № 6. P. 517–528.
- MARGOLIN 1953 – Margolin J. Do We Leave the Russian Jews to Their Fate? // *Commentary*. 1953. October. Vol. 16. № 4. P. 321–327.
- MARGOLIN 1958 – Margolin Y. Im kriot hagever // *Haboker*. 1958. January 24. № 6748. P. 5 (Hebrew).
- MARGOLIN 1965 – Margolin J. *Überleben ist alles. Aufzeichnungen aus sowjetischen Lagern*. München: J. Pfeifer, 1965.
- MARGOLIN 1968 – Margolin Y. Oman-hamakhsheva (Shesh shanim le-ptirato shel Aba Ahemeir) [Творец мысли (Шесть лет со дня смерти Аба Ахемеира)] // *Hayom*. 1968. May 31. P. 5–6 (Hebrew).
- MARGOLIN 2010 – Margolin J. *Voyage au pays des Ze-Ka* / Traduction du russe par N. Berberova et M. Journot, révisée et complétée par L. Jurgenson. Paris: Le Bruit du temps, 2010.
- MARGOLIN 2012 – Margolin J. *Le livre du retour* / Traduit du russe, présenté et annoté par L. Jurgenson. Paris: Le Bruit du temps, 2012.
- MARGOLIN 2013 – Margolin Y.B. *Masa le-aretz haasirim* / Transl. by Idit Shaked. Jerusalem: Karmel, 2013.
- MARGOLIN 2013A – Margolin J. *Podróż do krainy zeków*. Sękowa: Czarne, 2013.
- MARGOLIN 2013B – Margolin J. *Reise in das Land der Lager* / Aus dem Russischen von O. Radetzkaja. Berlin: Suhrkamp, 2013.
- MARGOLIN 2016 – Margolin J. *Le procès Eichmann et autres essais* / Édition, présentation et traduction du russe par L. Jurgenson. Paris: Le Bruit du temps, 2016.
- MARGOLIN 2020 – Margolin J. *Journey into the Land of the Zeks and Back: A Memoir of the Gulag* / Transl. by S. Hoffman; Foreword by T. Snyder; Introduction by K.R. Jolluck. Oxford: Oxford University Press, 2020.

- MARGOLINE 1975 – Margoline J.B. Souvenirs du pays des prisonniers / Extraits présentés et traduits par D. Fontenay // *Amif*. 1975. № 233. P. 145–156; № 234. P. 130–148.
- PANNE 1993 – Panné J.-L. *Boris Souvarine: Le premier désenchanté du communisme*. Paris: Robert Laffont, 1993.
- ROUSSET, BERNARD, ROSENTHAL 1951 – *Le Procès concentrationnaire pour la vérité sur les camps. Extraits des débats / Déclarations de D. Rousset; Plaidoirie de Th. Bernard; Plaidoirie de G. Rosenthal*. Paris: Éditions du Pavois, 1951.
- SCHLÖGEL 1999 – *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Hrsg. von K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy u. G. Thum*. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- SHRAYER 2007, I–II – *An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry / Ed., selected, and cotranslated, with introductory essays by M.D. Shroyer*. Armonk, N.Y.; London: M.E. Sharpe, Inc., 2007. Vol. 1–2.
- TOKER 2000 – Toker L. *Return from Archipelago: Narratives of Gulag Survivors*. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- WIMMER 2010 – Wimmer M. *Julij Borisovič Margolin. Überleben ist alles: Diplomarbeit*. Universität Wien, 2010.

МАКСИМ Д. ШРАЕР
Boston College, Chestnut Hill, MA, USA
maxim.shrayer@bc.edu

**О НАПРАВЛЕНИЯХ РУССКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО АВАНГАРДА В ИЗРАИЛЕ**

Abstract

“On the Paths of the Russian Poetic Avant-Garde in Israel”. The article investigates the principal trends of the Russian-language avant-garde poetry created in Israel in the 1970s-2000s by repatriates from the former USSR. Works by seven prominent literary figures are examined within various historical and artistic contexts: Mikhail Grobman, Ilia Bokstein, Henry Volokhonsky, Mikhail Gendelev, Gali-Dana Singer, Alexander Barash, and Anna Gorenko.

Keywords

Literary avant-garde; Russian-Israeli literature; poetry; Israel

* Ранний вариант этой работы был прочитан в виде доклада на конференции «Conference 2021: Russian-Israeli Literature, A History» в Бар-Иланском университете 29 июня 2021 г. Полный вариант готовится к публикации в сб.: Очерки по истории русско-израильской литературы / Под ред. Р. Кацмана и М.Д. Шраера. Бостон, 2023. Я выражаю благодарность профессору Роману Кацману за ценные замечания и предложения по тексту. Я также благодарю Александра Бараша и Гали-Дану Зингер за ответы на вопросы, связанные с их творчеством и русско-израильской литературной жизнью. Работа над статьей осуществлялась при поддержке Бостонского Колледжа.

Аннотация

«О направлениях русского поэтического авангарда в Израиле». В статье анализируются основные направления русскоязычного поэтического авангарда, созданного в Израиле репатриантами из бывшего СССР в 1970–2000 гг. В центре внимания статьи семь поэтов, творчество которых рассматривается в различных исторических и литературных контекстах: Михаил Гробман, Илья Бокштейн, Анри Волохонский, Михаил Генделев, Гали-Дана Зингер, Александр Бараш, Анна Горенко.

Ключевые слова

Литературный авангард, русско-израильская литературы, поэзия, Израиль

До 1990-х гг. авангардные литературные эксперименты в русско-израильской культуре занимали относительно скромное место. В этой статье рассматривается ландшафт русского поэтического авангарда¹ в Израиле с начала 1970-х до начала 2000-х гг. – на протяжении трех бурных десятилетий в жизни многогранной русскоязычной литературной культуры, созданной в Израиле репатриантами из СССР и постсоветских республик.

В целях настоящего исследования я буду рассматривать поэтический авангард как поэтическое творчество, которое экспериментально, радикально или полемически соотносится с предшествующими или современными ему поэтическими

¹ См. классическое исследование Марджори Перлофф, посвященное европейскому авангарду (PERLOFF 1987); см. также ее недавнее эссе (PERLOFF AVANT-GARDE). См. также ASHOLT, FÄHNDEERS 1997. См. исследования русского поэтического авангарда (JANESEK 1984; БИРЮКОВ 1998; БОБРИНСКАЯ 2003; КОНСТАНТИНОВА 2007). Еврейским аспектам и пересечениям авангардного искусства и литературы посвящен сборник материалов: GELBER, SJÖBERG 2017, см. особенно статью: ASCHNEIM 2017. Хотя в своих работах исследователи русской культуры в Израиле касались аспектов творчества отдельных писателей, недостает отдельных научных исследований, посвященных русскому поэтическому авангарду в Израиле.

практиками, и может сопровождаться актами публичного протеста, вызова или неповиновения со стороны авангардных поэтов. В то время как творческая практика авангарда часто являет собой акты нонконформизма, не вся авангардная литература априори нонконформистична, и не все нонконформистские тексты авангардны по своей природе или направленности.²

Прежде чем обратиться к главным героям статьи, я хотел бы высказать два предварительных наблюдения.

Первое наблюдение касается взаимодействия между сионизмом и авангардом. Интереснейшие работы – прежде всего книга Майкла Станиславского (STANISLAWSKI 2001) о сионизме и *fin de siècle* посвящены некоторым пересечениям и слияниям идеологии сионизма и практики авангардного искусства и литературы. Тем не менее, в истории еврейской поэзии случаи *сионистского авангарда*, пожалуй, следует расценивать как редкие исключения, ограниченные параметрами времени, места и языковой культуры. Сионизм и авангардная поэзия – скорее редкие попутчики, чем постоянные собеседники. В истории русской поэзии легко найти яркие и характерные примеры распространителей и глашатаев идей раннего сионизма, как политического, так и культурного (на иврите *цйонут руханит*). Вспомним о сионистских стихах раннего Самуила Маршак (МАРШАК 1917). Задумаемся – в который раз – о поэзии Владимира (Зеева) Жаботинского (ЖАБОТИНСКИЙ 1904; ЖАБОТИНСКИЙ 1905). Удивительно ли то, что и Жаботинский (1880–1940) в своем надгробном слове «Памяти Герцля» (1904), и Маршак (1887–1964) в цикле «Палестина» (1916) тяготели к традиционному классическому стихосложению? С этой точки зрения пылающие формальным экспериментом, иудеоцентристские, напитанные культурным сионизмом стихи, которые Валентин Парнах (1891–1951) сочинял в Париже в конце 1910-х годов (ПАРНАХ 1925), до возвращения в Россию, а Матвей Ройзман (1896–1973) писал в начале 1920-х годов в СССР (РОЙЗМАН 1923), – редкие

² О еврейском нонконформизме, см. работу Романа Кацмана: (Katsman 2018).

исключения, которые заслуживают большего внимания со стороны специалистов по еврейской словесности.

Второе наблюдение связано с последними советскими десятилетиями, а именно с теми трудностями, с которыми сталкиваются исследователи, пытаясь вписать авангардные практики в историю и культуру большого исхода евреев из СССР в 1970–1990-е гг. Как известно, в советской культуре постсталинской эпохи существовали как официальные (санкционированные или дозволенные), так и неофициальные (несанкционированные или андеграундные) формы и проявления авангардной поэтической активности³. В какой мере в ландшафте русско-израильской поэзии сохраняются черты официального и неофициального советского авангарда? Хотя точные данные по этому вопросу пока не были собраны, можно с достаточной степенью уверенности отметить следующее. Из еврейско-русских поэтов-авангардистов, эмигрировавших из СССР в 1970-е гг., большинство не совершили *алию* (не репатриировались в Израиль), а обосновались в США или Западной Европе. В то же время среди поэтов, которые участвовали в еврейском национально-освободительном движении в советские 1970-е и совершили *алию*, лишь немногие ориентировались на эстетику авангардистской поэзии. И только после многих лет жизни в Израиле фактура стиха некоторых русско-израильских поэтов стала видоизменяться и обретать черты авангардизма. (С этой точки зрения примечательна траектория Бориса Камянова, родившегося в Москве в 1945 г. и приехавшего в Израиль в 1976 г.) Последовательная приверженность авангардной эстетике, уходящей корнями в раннюю советскую поэзию, отличает лишь Савелия Гринберга (1914–2003; алия в 1973 г.), который подростком входил в Бригаду Маяковского и до конца своей жизни работал в русле авангардного стиха.

Авангардисты, уехавшие из СССР на гребне большой еврейской эмиграции 1970–1980-х гг. (по отношению к литературе этой эмиграции до сих пор употребляется термин «третья волна»),

³ Об официальном и неофициальном поэтическом авангарде постсталинской советской эпохи см., к примеру, ШРАЕР, ШРАЕР-ПЕТРОВ 2017: 3–6.

правомерно считали Нью-Йорк и Париж, а не Тель-Авив и Иерусалим, центрами экспериментального и нонконформистского художественного творчества⁴. Ситуация резко переменялась после приоткрытия шлюзов еврейской эмиграции и во время массовой алии конца 1980-х – начала 1990-х гг. Теперь среди сотен тысяч репатриантов могли оказаться – и оказались – представители еврейской творческой интеллигенции, которые ранее не решались или не хотели эмигрировать и которые ранее участвовали в несанкционированных художественных проектах в рамках неофициального советского авангарда.

Около миллиона евреев и членов их семей приехали в Израиль из бывшего СССР в поздние 1980-е – 2000-е годы⁵. В ранние 1990-е, прежде всего за счет огромного по своему масштабу и воздействию наплыва советских евреев, наблюдается радикальная диверсификация и трансформация русско-израильской литературы. Роман Кацман говорит о «демаргинализации русскоязычной литературы» в Израиле (KATSMAN 2017). Одной из черт этого преобразования 1990-х гг. стали одновременные – и на первый взгляд парадоксальные – процессы *мейнстриминга* (mainstreaming) и *сайдстриминга* (sidestreaming) русско-израильской авангардной поэзии. Параллельно происходит общественное признание места авангарда в русско-израильской культуре и намеренная разработка новыми израильтянами творческих путей, которые уходят в сторону от той (традиционной?) эстетики русско-израильского стиха, которую читательская публика считала превалирующей.

Вооружившись этими соображениями и наблюдениями, я бы хотел обратиться к творчеству семи поэтов, четверо из которых совершили *алию* в 1970-е, а трое – в конце 1980-х гг.: Михаила Гробмана, Ильи Бокштейна, Анри Волохонского, Михаила Генделева, Гали-Даны Зингер, Александра Бараша и Анны Горенко. Поэты разных судеб и творческих ориентаций, все они после репатриации в Израиль оставались неотъемлемой частью

⁴ О еврейском нонконформизме см.: KATSMAN 2018.

⁵ О статистике еврейской эмиграции из бывшего СССР см.: TOLTS 2019.

транснациональной культуры русского авангарда. С художественной точки зрения эти семеро являют собой достаточно широкий спектр авангардных традиций и практик. В своей историко-литературной целокупности они отражают многое из свершившегося в русле русско-израильского авангарда с начала 1970-х до начала 2000-х гг. В своем обзоре я вынужден буду остановиться на начале 2000-х гг. – именно на том рубеже, на котором сосредоточили свое внимание другие исследователи (см., например, КАЦМАН 2020).

1. Михаил Гробман: По направлению к тель-авивскому концептуализму

Михаил Гробман, художник, поэт и мемуарист, родился в Москве в 1939 г. и начал писать стихи в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Его первые поэтические публикации в СССР относятся к концу 1950-х гг., а в тамиздате к 1965 г. – под псевдонимами в нью-йоркских эмигрантских изданиях *Воздушные пути* и *Новый журнал*. Гробман был заметной фигурой на московской нонконформистской художественной сцене 1960-х гг. (ему приписывают введение термина «второй авангард») и в московском литературном самиздате⁶. В 1971 г. Гробман репатриировался, а в 1975 г. организовал в Иерусалиме группу «Левиафан». С 1983 г. живет в Тель-Авиве, где активно занимается художественной и литературно-издательской деятельностью⁷.

В то время как произведения Гробмана-художника несут явные формальные и структурные черты авангарда, его стихи едва ли можно назвать экспериментальными или авангардными по текстуре и версификации. Хотя Гробман обращался к свободному стиху, в наиболее полной мере он самовыражается с помощью рифмованного силлабо-тонического стихосложения. Поэтическое творчество Гробмана напоминает стихи поэтов Лианозовского круга, прежде

⁶ О «втором авангарде» см., например, блог самого Гробмана (ГРОБМАН 2012). О поэзии Гробмана см.: SHRAYER 2007: 981–982; ИОФФЕ 2016; КАЦМАН 2017.

⁷ Информация из письма М.Я. Гробмана М.Д. Шраеру от 12 сентября 2002 г.

всего мастера экзистенциальной иронии Евгения Кропивницкого (1893–1979), а также Яна Сатуновского (1913–1982) и Игоря Холина (1920–1999). Есть основания полагать, что именно от Холина Гробман-стихотворец перенял не только способы обнажения простонародного тупоумия и звериной пошлости, но и искусство внедрения политической субверсивности в стихотворные тексты; эти приемы вошли в советский литературный багаж, привезенный Гробманом в Израиль.

Быть может, парадоксальность традиционных в формальном отношении стихов Гробмана, написанных в Израиле, состоит именно в том, что они вступают в диалог с русскими поэтами-нонконформистами и авангардистами 1920–1930-х и 1960–1970-х гг., особенно с поэтами ОБЭРИУ и рядом московских поэтов периода хрущевской оттепели. Обратимся к характерному примеру – стихотворению 1984 г. из сборника *Военные тетради* (1992):

Противны горы Самарии
И неприятны облака
А мне в ОВИРе говорили
И не пускали дурака

Зачем ломаешь ты карьеру
Мне говорил майор Петрюк
Он сионистскую холеру
Уже тогда поддел на крюк

Ах Боже мой как прав был также
Полковник Борщ из КГБ
Поступок мой назвал продажей
Моей сочувствовал судьбе

А я не верил опьянённый
Меня опутал капитал
Своею щупальцей зловонной

Он сионистов восхвалял
И вот теперь лишённый блага
Стою с ружьём я у ворот
Из облаков стекает влага
Я полон мыслей и забот

Я не желал армейской жизни
Я не желаю воевать
Хочу я жить при коммунизме
И мирно с Колей выпивать

Но всё пропало всё исчезло
Сломалось счастья колесо
И то что было мне полезно
Как дым исчезло и прошло

Но залечу свои я раны
И не поддамся я врагу
Возьму семью и чемоданы
И жить в Америку сбегу.
(ГРОБМАН 1992: 31)

Немаловажно, что лирический герой стихотворения – проходящий израильскую военную службу репатриант из СССР. В этом стихотворении в полной мере воплощена поэтика, которую Гробман выработал в Израиле, – и которая двигалась параллельным курсом с поэзией Московского концептуализма, все больше и больше смыкаясь с творчеством Дмитрия Александровича Пригова (1940–2007). В контексте русско-израильской литературы 1980-х гг. это простое по формальной структуре, но замечательное по намеренной перформативности стихотворение Гробмана представляет собой акт русско-израильского авангардизма и подвергает субверсивной проверке на риторическую прочность не только советскую антиссионистскую пропаганду, но и само израильское государственное идеологическое обоснование возвращения евреев на историческую родину⁸.

⁸ О нонконформизме Гробмана см.: КАЦМАН 2017.

2. Илья Бокштейн: В сторону каббалистической зауми

Анахорет по выбору и судьбе, истинный будетлянин русско-израильской поэзии Илья Бокштейн⁹ (1937–1999) ко времени репатриации уже обладал своим собственным особенным поэтическим голосом, сформировавшимся в почти полной изоляции и претерпевшим дальнейшую формовку во время отбытия пятилетнего заключения в мордовском лагере. К этому сроку молодой еврейский интеллигент был приговорен за открытый вызов, который он бросил советской системе, выступив 24 июля 1961 г. с речью «Сорок четыре года кровавого пути к коммунизму» с постаменты памятника Маяковскому на площади Маяковского в Москве¹⁰.

Бокштейн приехал в Израиль в 1972 г. В Израиле он создал не имеющий аналогов корпус стихотворений, опубликованных в большой книге «Блики волны» (1986) путем факсимильного воспроизведения иллюминированных рукописных текстов. В 1970-е и 1980-е гг. такого рода книга сама по себе могла быть расценена как авангардистский акт поиска отчаянной свободы – как «жест смелой незащитности» (я употребляю термин Романа Кацмана, предложенный для изучения нонконформизма; КАЦМАН 2017) русско-израильского поэта, проникшегося ностальгией по культуре догутенберговских времен.

Прочитаем части 1–5 и 10 цикла Бокштейна «Афанта-Ютома (Фантазия-Юдаика)» (Бокштейн использовал множество предложенных им идиосинкразических терминов):

Ч. IV. Афанта-Ютома
(Фантазия-Юдаика)

⁹ О Бокштейне см.: ФИНКЕЛЬ 1999; SHRAYER 2007: 962–963; ШРАЕР 2010; ЧЕРНЯК 2010; ВАЙСМАН 2010.

¹⁰ Об этом см. интервью Людмилы Поликовской с Ильей Бокштейном (Бокштейн 1997).

1. Я – еврей

не мадонной рожден
не к кресту пригвожден
и тоски мне не выразить всей
цепи рода на мне
скорбь народа во мне
я застыл у безмолвных дверей

2. Я был как все
я пас стада овец и коз
но когда все пастухи отдыхали
я думал о Боге
и Бог вошел
в одну из моих душ
невинных утешать
овец и коз

3. Я раб и господин
я искупитель человечества
и школьник у небесного учителя
которого когда-то
в пустыне одолел,
и охромел,
я жду того,
кто уже был

4. Я ни на кого не походил,
истине невидимой служил
человечеству Единого
Спасителя открыл
А невидимая истина во мне
от непрявленности
плачет во плоти

5. Я был ревнителем
Единого смотрителя Ягве
я капища крушил,
я идолов ломал,
хоть некоторые –

после доходило до меня –
весьма красивы были.
и от досады слишком поздней
эстетизации
своей носорожести
всех скульпторов
заставил поклониться
невидимой
и колоссальной
рыбе

[...]

10. Каббалист
чтоб упорядочить свою систему
представлений о Вселенной
в канон Священного Закона
ввожу я греко-римский
пантеон Богов
а свой народ отдал
под покровительство Сатурна –
царя земли и времени
людских путей
невидимым вниманием
запомниться земле
на комнатном столе
исследуя значенья
мною выдуманных слов
из тела улетаю к звездам.

(БОКШТЕЙН 1986: 83–91)

Один только перенасыщенный значениями неологизм «носорожесть» многого стоит! В нем зашифрованы и гоголевский абсурд, и современный театр абсурда («Носороги» Ионеско), и словесные отголоски слова «жесть» в нормативных («жестяная» крыша) и ненормативных («ужас») его значениях, и даже русско-англо-французский каламбур (нос-ог-rogue-geste, дословно: нос-или-жулик-жест) – настоящий поэтический рекорд.

Литературный каббалист в своей образности, создатель целых миров внутри изобретенных им самим словесных символов, Бокштейн был одним из немногих послевоенных наследников хлебниковской заумы в двух ее главных проявлениях: словесный смысл за пределами конвенционального употребления и космологическое значение вне пределов традиционной иудаистской космологии.

3. Анри Волохонский: Тропы абсурдистской лирики

Родившийся в 1936 г. в Ленинграде Анри Волохонский еще начиная с середины 1950-х гг. был известен в ленинградском литературном андеграунде. В 1963 г. совместно со своим многолетним соавтором, поэтом и бардом Алексеем Хвостенко (1940–2004), и при участии других литераторов и художников Волохонский сформировал эзотерически-авангардистскую группу «Верпа». Тексты Волохонского, а также песни – его собственные и написанные в соавторстве с Хвостенко (под общим псевдонимом «А. Х. В.») – ходили в самиздате; позднее записи их песен стали доступны на Западе и в постсоветской России. Совершив алию в 1973 г., Волохонский прожил в Израиле до 1985 г., после чего переехал в Германию, где прожил более двух десятилетий и умер в 2017 году (см.: КУКУЙ 2003; SHRAYER 2007: 942–943; ВИКТОРОВ 2017; ВОЛЧЕК и ДР. 2017; ВИЗЕЛЬ 2017; КОММ 2018).

Плодовитый, протееподобный Волохонский одновременно наследовал русской и западной абсурдистской поэзии (в частности, Христиану Моргенштерну [1871–1914]), а из числа поэтов ОБЭРИУ особенно Александру Введенскому [1904–1941] и. В экзальтированности поэтической дикции и склонности к экзотизму и некоторой манерности Волохонский также был последователем Николая Гумилева (1886–1921) и Игоря Северянина (1904–1940). Для поэзии Волохонского характерна словесная изобретательность и разнообразие поэтических форм, от венка сонетов до полиметрических, экспериментальных модусов. На Волохонского

также повлияли поэтические эксперименты с блюзовой формой, которыми увлекались ленинградские поэты конца 1950-х и начала 1960-х годов¹¹.

Порой гранича с метапародией, стихи Волохонского сообщают витальность и лирическую энергию – состояние легкости, нежности, радости бытия. В его стихах зашифровано какое-то метафизическое свечение (недаром он перевел извлечения из книги «Зогар») и какая-то особенная изысканность – ощущение открытой, свободной игры. Таково стихотворение Волохонского «Галилея (Песня)»:

Пою на флейте галилейской лютни
Про озеро похожее на скрипку
И в струнах голос друга или рыбы
Да озеро похожее на птицу

О озеро похожее на цитру
Над небесами где летает небо
Там голубая рыба или птица
На берегах мой друг доньше не был

Поёт ли ветер – это Галилея
Ты слышишь голос – это Галилея
Узнаешь голос друга – Галилея
Привет поющей рыбы – Галилея.

На дудке филистимских фортепиано
На бубне голубого барабана
Пою в огне органа Ханаана
Под пьяный гонг баяна Иордана

Молчи – то аллилуйя Галилеи
Ты слышишь – Галилеи аллилуйя
О лилии белее – Галилея
О пламени алее аллилуйя

¹¹ См., к примеру, разбор поэтических экспериментов с блюзовой формой в поэзии Давида Шраера-Петрова (р. 1936): PROBSTEIN 2021.

О небо – галилейская кифара
О колокол воды как пламень звонкий
Поёт мне рыба голубого дара
Да арфа птицы вторит в перьях тонких

О лилии белее – Галилея
Любви моей алее аллилуйя.
(ВОЛОХОНСКИЙ 1983: 155)

Волохонский дал русско-израильской литературе корпус лирики, глубоко укорененной в месте и на местности (Израиль старый и новый). С чувством упоения исследуя границы иудейской и христианской идентичностей, Волохонский-лирик воспринимает еврейскую поэтику как экстатическое, вечное столкновение гармонизирующих и дисгармонизирующих стратегий толкования истории и цивилизации. В его стихах древние библейские и мифологические реалии чувственно переплетаются с недавними, свежими впечатлениями жизни поэта в современном Израиле. Опыт чтения «Галилеи» и других восторженно-экстатических израильских стихотворений Волохонского подобен погружению в ожившие библейские мифы, и это ощущение нередко испытывают приехавшие в Землю Израиля.

4. Михаил Генделев: Возвращение к футуризму и конструктивизму

Михаил Генделев родился в 1950 г. в Ленинграде, получил медицинское образование, приехал в Израиль в 1977 г. и умер в Тель-Авиве в 2009 г.¹². На протяжении своей жизни в Израиле Генделев, творчество которого получило гораздо больше критического

¹² О Генделе, творчеству которого посвящено значительное количество критических статей и исследований, см.: СЕГАЛ 1990; КРИВУЛИН 1990; ГЕНДЕЛЕВ 1996; ИСАКОВА 2009; БОКШТЕЙН 1989; КАЦИС 2003; ВАЙСКОПФ 2009; SHARGORODSKY 2014; ИВАНЮК 2017.

внимания, чем творчество других русско-израильских поэтов, менял и перелицовывал свой внешний облик и свои лирические голоса. При этом самые иконические публичные образы Генделева с нарочитостью говорят о его родстве с поэтами русского футуризма и конструктивизма.

Детальный хронологический анализ поэзии Генделева показывает, что он примерял на себя одежды разных поэтов и разные стратегии само(ре)презентации, но до конца своих дней так и не смог освободиться от мощного влияния Иосифа Бродского – порой антивлияния, в духе «боязни влияния» (anxiety of influence) Гарольда Блума. В 1990-е гг., когда в Израиле кипела русскоязычная литературная жизнь, Генделев обратил взор на эстетику ранней советской поэзии¹³. Заметим, что на фотографиях, сделанных соответственно в 1980-е и 2000-е гг., Генделев невероятно похож на Владимира Маяковского 1920–1921 гг. и Илью Сельвинского 1940-х гг.¹⁴. Но дело не только в публичном облике или публичном поведении Генделева, а в том, что текстура его стихов отсылает к поэтике русского футуризма и конструктивизма.

Пронизанная (порой подсознательным, порой намеренным) диалогом с Маяковским, Асеевым, Кирсановым, Сельвинским и пропитанная противоречивыми чувствами по отношению к Бродскому, поэма Генделева «Бильярд в Яффо» из сборника «Праздник» (1993) заслуживает внимательного прочтения и переосмысления. С биографической точки зрения название поэмы относится к периоду, когда Генделев действительно снимал в Яффо квартиру с бильярдным столом. Но при этом в названии фигурирует приметный в русской культуре мотив, который можно обозначить

¹³ Как свидетельствует Александр Бараш: «Насчет Генделева, в частности – к вашим словам – он очень настойчиво в начале 90-х предлагал мне почитать книжку ранних стихов Семена Кирсанова [1906–1972] (я ее читал еще в подростковом возрасте... и это совсем не моя поэтика... но ему явно была важна)» (А.М. Бараш – М.Д. Шраеру, электронное сообщение, 19 октября 2021 г.).

¹⁴ См. фотографии Генделева: http://www.gendelew.org/gallery/foto/4-80-ые_годы.html [октябрь 2021]. См. фотографию в некрологе: Умер Михаил Генделев // *OpenSpace.ru*. 2009. 30 марта. URL: <http://os.colta.ru/news/details/8906> [октябрь 2021].

как «бильярд в Михайловском». Согласно литературной мифологии, в барском доме в Михайловском Пушкин играл на бильярде, унаследованном от Абрама Ганнибала, его африканского предка (см.: ГЕЙЧЕНКО, ШПИНЕВА 2013). В ткань «Евгения Онегина» (гл. 4, строфа 44) вплетен мотив бильярдного стола, который не остался незамеченным другими поэтами. Таким образом, сама игра на пушкинском (поэтическом) бильярде, но не в Михайловском, а в Яффо, может быть понята как аллегория живой русской поэтической традиции, которую (на которой) Генделев продолжает играть в Израиле после множества предыдущих стихотворных перформансов. Вот первые семь из тринадцати строф поэмы Генделева:

Бильярд в Яффо

И. Р.

I

Был бинт горизонт
на коем
сукровица-полоса
а
день был как день
покойник
с видом на небеса
на акваторию сирого порта
сети
и тех пустей
мысль была о бессмертии
того же сорта
что уловы сетей.

II

В средиземии
рифмуется как октябрь
февраль
он месяц макабр
когда
свет поджигается от озноба

и

бухнет в воде вода
абсолютно когда купальни
Водолея искусства для

и

осанку опальных имеют пальмы
сардинского короля.

III

Суб – в тропиках – холодина
и зёмную лужу взახлеб пройдя
баттерфляем до половины

в середине

я и очутил себя

(здесь конец цитаты)

здесь в струях шпиля

несущего напрокат

«не был-есть-не буду»

всплывает

«был ли?»

и

плывет как использованный предикат.

IV

Здесь конец прогулки

домой в кровать

и

на оборот ключа

так наливается ветер рвать

плащ с чужого плеча

поддувая полы

(добро приземист)

плечо заголив

– о нет! –

а плечо в чешуи золотой экземе

если смотреть на свет.

V

Свет истек

куда как не в слюдяное

окно

МАКСИМ Д. ШРАЕР

просто стек вовне
я не только бросил о смерти
но и
она обо мне
я пожал плечами себя представив
снаружи
как мокрой природы часть
и встал проверить щеколды ставен
гости
не ровен час.

VI

Был дом
где
с одной марией
я жил
и поздно вставал
а ежели моросило
вообще не вставал
огромен дом был
через перила
лестниц и галерей
когда возникала нужда в мари
«Мария!»
кричал я ей.

VII

И так в дому было
ощутимо
что никого в нем нет
что полуседую скребя щетину
я смотрелся в чужой портрет
и спал темно
без сновидений
и пробуждения
не просил
и нам никто серебра и денег
не нес
и не
приносил [...].

(ГЕНДЕЛЕВ 1993)

В стихах Генделева ярко выражены три формально-текстурных принципа: 1. эгоцентризм графического расположения, называемый Генделевым «бабочкой» (по-видимому, отцентрированный на себя вариант маяковской лесенки советской поэзии); 2. футуристическая ориентация на законченное поэтическое речение (фразу) как структурную единицу стиха; 3. конструктивистское представление о семантической «грузификации»¹⁵ художественного языка.

Если проделать эксперимент и записать текст Генделева не в авторской редакции, а как строки тактовика (с внедрением строк дольника) и с выровненным левым краем текста, то результат подтвердит мысль о родстве Генделева с поэзией Сельвинского конца 1920-х и начала 1930-х гг. (которая, кстати сказать, существенно повлияла и на Бродского):

I
Был бинт горизонт на коем
сукровица-полоса
а день был как день покойник
с видом на небеса

на акваторию сирого порта
сети и тех пустей
мысль была о бессмертии того же сорта
что уловы сетей.

II
В средиземии рифмуется как октябрь
февраль он месяц макабр когда
свет поджигается от озноба
и бухнет в воде вода

абсолютно когда купальни
Водолея искусства для

и осанку опальных имеют пальмы
сардинского короля.

¹⁵ О «грузификации» стиха см.: ЗЕЛИНСКИЙ 1924: 21–26.

В этой связи вспоминается начало эпопеи Сельвинского «Улялаевщина» (1935):

Телеграмма пришла в 2:10 ночи.
Ковровый тигр мирно зверел,
Когда турецких туфель подагрический почерк
Исчеркал его пустыню от стола до дверей.

В окно был виден горячий цех
Где обнажалось белое пламя...
Комната стала кидаться на всех
Бешеными вещами –

И матовый фонарь, оправленный в кость,
Подъятый статуей настольного негра,
Гранеными ледышками стучался от энергий
В крышку чемодана из крокодильих кож [...].
(СЕЛЬВИНСКИЙ 1935: 5)

Пример авангардистского императива Генделева предлагает исследователям важные свидетельства не только продолжающегося влияния поэтических традиций русского/советского авангарда, но и самого процесса трансплантации этих традиций на израильскую почву.

5. Гали-Дана Зингер: Дороги русско-израильского трансязычия¹⁶

Поэт, художник, переводчик, издатель Гали-Дана Зингер (Мазья) родилась в Ленинграде в 1962 г., совершила алию в 1988 г. и живет в Иерусалиме (см.: ИЛИЧЕВСКИЙ 2010; SINGER 2019; KATSMAN 2020). Динамикой своего творчества Зингер, пожалуй, более всех остальных протагонистов этого обзора олицетворяет предложенные ранее процессы *мейнстриминга* и *сайдстриминга* русско-

¹⁶ О транслингвализме (трансязычии) см. основополагающее исследование Стивена Г. Келлмана (KELLMAN 2000); литературное трансязычие в контексте еврейской литературы см.: SHRAYER 2023.

израильской авангардной поэзии в 1990-е гг. «Двоеочие», журнал экспериментального словесно-визуального творчества, который Гали-Дана Зингер издает совместно со своим мужем – прозаиком, художником и переводчиком Некодом Зингером (р. 1960), служит одновременно форумом русско-израильского и международного русскоязычного авангарда. Гали-Дана Зингер создала значительный корпус стихотворных текстов на русском языке и на иврите. Кроме того, в соавторстве с американским поэтом Стивеном Эллисом (Stephen Ellis) Гали-Дана Зингер участвовала в создании англоязычных текстов, в которых поэтам принадлежат чередующиеся строки (SINGER, ELLIS).

В авангардной поэтике Зингер особенно интересно создание трансязычной текстуры стиха – не просто двуязычной или билингвальной, а живущей – если позаимствовать фразу у глубоко моноязычного Роберта Фроста – «в пространстве промеж» («betwixt and between», см. стихотворение «Опасность надежды» [A Peril of Hope] из сборника Фроста «На поляне» [In the Clearing], 1962). В качестве примера возьмем стихотворение Зингер «в морду смерти: merde...» из сборника «Часть це» (2005), само усеченное название которого (часть *целого*?) можно расценить как оммаж книгам стихов Иосифа Бродского «Часть речи» (1977) и Марины Тёмкиной «Части часть» (1985):

* * *

в морду смерти: merde
смерти в харю:
מורט מווח
hára mávet
тоже мне мата хари
תגדל ויחקדש
исгадál вэискадáш
изгадил
китеж-град с лица земли изгладил
в морду смерти как дашь?
в морду смерти ка-ак дашь!

он же любил восточные единоборства
ты же любил восточную борьбу
а она взяла моду:
ей кадишь, а ей подавай кадиш
когда ж
она видала тебя в гробу
твоё непокорство
её рукоприкладство
рукоположение во гроб
да ведь и гроба-то не было
только земля и молитвенное покрывало
оно тебя покрывало
а земля покрыла
а я смерть крбю
последними словами
(ЗИНГЕР 2005)

Развивая теорию Омри Ронена (РОНЕН 1989), можно заключить, что в этом стихотворении налицо оба «полюса параномазии», – взрывной-ультрафутуристский (хлебниковский) и пниновско-каламбурный (набоковский). Стихотворение открывается по-настоящему междуязычным сегментом, в котором состояются французские, ивритские и русские слова и выражения. В ивритской фразе מוות ארץ (в русской транслитерации «хара мавет», в переводе «говно смерть») обыгрывается и французское merde (дерьмо, говно) – семантически, и русское «смерти в харю» – семантически и фонетически. При этом Зингер записывает ивритские слова и выражения и в правильной русской транслитерации, так, что они должны читаться справа налево, и наоборот, будто это читаемые справа налево ивритские транслитерации выдуманных русских слов и выражений. Более того, междуязычное «хара мавет», судя по всему, отсылает к מוות ארץ («хара, мавет», в переводе «Говно, смерть», 1979) – несколько скандальному для своего времени названию сборника стихотворений израильского поэта, античника и переводчика Ахарона Шабтая (אהרון שבתאי, р. 1939), несколько стихотворений которого Зингер перевела на русский (ШАВТАИ 1979; ШАВТАИ 1995). Хотя Шабтай не изобрел выражение «говно, смерть» (в смысле «[o] смерть

[.] [ты] говно»!), запоминающееся название его сборника внесло вклад в литературную легитимизацию выражения в обиходе израильской культуры. Как бы то ни было, столкновение высокого и низменного, метафизического и натуралистического, сакрального и бытового очевидно и в той словесной игре, которую Зингер ведет с внедренным в текст стихотворения началом «Кадisha» (исгадал вэйскадаш), иудейской поминальной молитвы, здесь осквернённым – «изгаженным» – угрозой поэтического междуязычия.

16 октября 2021 г., отвечая на мой вопрос, Гали-Дана Зингер сообщила следующее:

Я читала Аарона Шабтая в начале 90-х, мы немножко общались [...], но я никогда не испытывала особой близости к его поэзии и переводила скорее из любопытства, нежели из любви. [...] Если уж говорить о значимом для меня израильском поэте, то это Авот Йешурун, да и то не в плане поэтики, а в плане пережитого опыта¹⁷.

Быть может, именно поэзия Авота Йешуруна (אבות ישורון, 1904–1992), выросшего на Украине и в Польше и приехавшего в Подмандатную Палестину в 1925 г. (LACHMAN 2018), вдохновила Зингер на поэтические эксперименты на границе языков (русского и иврита у Зингер, иврита, идиша и арабского у Йешуруна), на искусственно-нарочитое употребление разговорной речи и сленга и в целом на усложнение поэтической речи за счет трансязычной практики.

Стихи Гали-Даны Зингер – богато оркестрованные, синтаксически усложненные, и порой нарочито неблагозвучные – более всего оживают на тех рубежах, где русский и иврит, главные языки живущих в Израиле выходцев из бывшего СССР, соревнуются за будущее русско-израильской культуры.

¹⁷ Г.-Д. Зингер – М.Д. Шраеру. Электронное сообщение. 16 октября 2021 года. Я также признателен израильскому художнику Давиду Шариру, двоюродному брату моего отца, за информацию о Шабтае и Йешуруне, полученную во время встреч в Тель-Авиве в июле 2021 г.

6. Александр Бараш: В поисках средиземноморской ноты

В дискуссии о пересечении и преодолении традиционных границ поэтического языка особое место принадлежит Александру Барашу (БАРАШ ВИКИ; КУКУЛИН 2017; КОРЧАГИН 2007; ЛЕХЦИЕР 2020). Бараш родился в Москве в 1960 г. и до приезда в Израиль в 1989 г. успел принять деятельное участие в столичной поэтической жизни перестроечного времени (группа «Эпсилон» в клубе «Поэзия»). Бараш известен за пределами Израиля не только как поэт, главным образом работающий в области свободного стиха, но и как ведущий русский переводчик знаменитого израильского поэта Иегуды Амихая (יגודא אמיחא, 1924–2000).

Для того чтобы обозначить характерные аспекты поэтического видения Бараша, я бы хотел обратиться ко второй части его стихотворения «Время третьих дождей» (1996) из цикла «Источник в винограднике», вошедшего в сборник Бараша «Средиземноморская нота» (2002). Это замечательный пример русского свободного стиха, расцвеченного тонкой словесной игрой и переполненного элементами иудейского духовного и культурного наследия:

Но и эта земля – равнодушна к тому
что движется в промежуточном сейчас –
словно пена тумана по гребням террас –
между двумя ее зримыми слоями – почвой и небом –
в воздухе взбитом как сливки
писцом Эзрой и компанией
До прихода Мессии ничто
не может не только
закончиться но и
начаться

Еще одно утро
в квартире висящей
над Эйн-Керемом «*В Палестине два
времени года дождливая осень и сухое лето
Различаются три
периода ранних дождей...*» – Сегодня

Десятое Кислева – время третьих дождей Скоро
придется закрывать окна от западного ветра
включать камины и забиваться в аквариумы
автобусных остановок
как по соседству

за горой –
овцы в пещеры Скоро –
ровно в двухтысячный раз – родится тот кого Иоанн
крестил поблизости от Кумрана
Скоро – Ханукка
когда водяные мельницы зимней бури гонят пенные волны озноба
по каменным спиралям улиц с грохотом раскручиваясь

в долинах Небо способно обрушиться на человека –

сбоку пространство – снизу А за
нежной роговицей окна –
девятисвечник цветет
справа налево
Амен

Начало дня
Включаем компьютер
Он издает звук напоминающий
самолет на старте Уцепиться в подлокотники –

и продолжить полет – на уровне взгляда – над Эйн-Керемом
Что будет дальше и кому это нужно –
не имеет значения
но играет
роль

(БАРАШ 2002: 31–32)

Стихи Бараша приглашают к серьезному обдумыванию идеи «Средиземноморской ноты», которую он развивал совместно с русско-израильским писателем и литературным критиком Александром Гольдштейном (1957–2006, жил в Баку, алия в 1991 г.).

Сам Гольдштейн порой называл их проект «Иерусалимская нота». Это название очевидным образом отсылает к эмигрантской «Парижской ноте», идеологом и глашатаем которой был Георгий Адамович¹⁸. Однако более значимым, глубже укорененным в истории транснациональной модернистской поэзии (и менее очевидным) представляется альтернативное название того литературного проекта, который Бараш и Гольдштейн представляли – первый в поэзии, второй в прозе. Это альтернативное название, «Вариант Кавафиса», связано не с регионом (Левант) и не с городом (Иерусалим), а с именем великого греческого поэта Константиноса П. Кавафиса (Καυαφύ в англицированном написании, 1861–1933), жившего

в Александрии, в Египте. (В западном мире среди знаменитых почитателей и вестников таланта Кавафиса были Э.М. Форстер и – что особенно важно для литературного поколения Бараша и Гольдштейна – Иосиф Бродский¹⁹.) В центре русско-израильского проекта «Средиземноморская нота / Вариант Кавафиса» – желание наполнить тексты сильным ощущением места: атмосферой и историей Земли Израиля и всего восточного Средиземноморья. Для проекта характерно космополитическое видение литературной идентичности и предпочтение литературных форм, которые не обременены традиционной структурой. Переполненные библейскими мотивами, исповедально-лирические и отрицающие повествовательную концовку как таковую, написанные верлибром, стихи Александра Бараша, быть может, в самой полной мере олицетворяют будущее русско-израильского поэтического синтеза.

¹⁸ О «средиземноморской ноте» см.: Гольдштейн 1993; Гольдштейн 2002; БАРАШ 2009; Кукулин 2017. В электронном послании от 19 октября 2021 г. Александр Бараш любезно пояснил свою роль и роль А. Гольдштейна как создателей проекта «Средиземноморская нота», а также смысл альтернативного названия проекта.

¹⁹ См., к примеру, раннее эссе Бродского (BRODSKY 1977).

7. Анна Горенко: Путем Целана

В завершение этого обзора обратимся к творчеству Анны Горенко, которая так рано ушла из жизни, оставив талантливые стихи. Анна Горенко – псевдоним, а ее настоящее имя – Анна Карпа. Она родилась в 1972 г. в городе Бендеры в восточной Бессарабии (румынское название Tighina; теперь в непризнанной Приднестровской Молдавской республике)²⁰. Ее прабабушка со стороны отца, Ханна Карпа, жила в польском городе Журомине (Żuromin) и погибла во время Шоа (Холокоста) в 1942 г. В подростковом возрасте Анна приезжала в Ленинград погостить к отцу. Она провела лето 1988 г. в Ленинграде и совершила алию в 1989 г. В 1999 г. Анна Горенко умерла в Тель-Авиве от передозировки наркотиками²¹.

Сам акт принятия псевдонима, который является настоящим именем рожденной в Одессе Анны Ахматовой (1889–1966), великого русского поэта, может быть понят как еврейский авангардный жест вызова, неповиновения и перелицовки идентичности. (По воспоминаниям очевидцев, сама Анна Горенко настаивала на ударении во втором слогое, Горéнко, а не Гóренко, как правильно произносится девичья фамилия Ахматовой, хотя, по сути, это мало что меняет в общественном восприятии такого авангардного жеста.) Согласно некоторым сведениям, сама Горенко говорила о себе, что она «поэт не столько русский, сколько пишущий по-русски

²⁰ В некоторых источниках место рождения Горенко неверно указывается как Бельцы (Bălți), город на севере Молдовы.

²¹ Творчеству Анны Горенко посвящено немало критических исследований. См.: Сошкин 2000; Сошкин 2002; Сошкин 2004; Давыдов 2002 (Давыдов 2003 перепечатано в Горенко 2003: 5–15); Соловьев-Фридман 2003; SHRAYER 2007: 1163–1164; ВЕЖЛЯН 2011; Кукулин 2019; Рыбкин 2021; Мордовина 2021. Я хотел бы поблагодарить Александра Бараша и Евгения Сошкина за информацию о Горенко, сообщенную в электронных сообщениях от 19 октября и 20 октября 2021 г. Я очень признателен Григорию Карпе, отцу покойной Анны Горенко (Карпа), за прояснение обстоятельств рождения, происхождения, детства и юности поэта в электронном сообщении от 23 октября 2021 г.

израильский»²², а также утверждала, что обрела «сестру» не в русской, а в израильской поэзии²³. Под сестрой Горенко имела в виду израильского ивритского поэта и радикальную феминистку Йону Волах (יונה וולך, 1944–1985), чья мучительная, саморазрушительная жизнь так преждевременно закончилась.

Словно комета, Анна Горенко пронеслась над горизонтом русско-израильской поэзии 1990-х гг. В ее обладании поэтическим языком была какая-то новая свобода, и это выразалось прежде всего в искажении нормативного синтаксиса, нарушении правильности размеров, использовании сюрреалистских и примитивистских приемов и в той графической нарочитости, с какой она писала о любовных потерях, о грубости и пошлости, о человеческом теле, о детстве, о видениях и сновидениях. Несмотря на легкость и изящество словесной игры, после чтения стихов Горенко в читательской памяти остается тяжесть, ощущение приближающейся катастрофы.

Если задуматься о месте еврейско-бессарабской культурной родословной Горенко в довольно консервативной русской поэтической традиции, то можно заметить любопытное сходство с примером Довида Кнута (1900–1955), который происходил из городка Оргеева (Орхей), привнес свой собственный акцент – и свою особую свободу – в русскую парижскую поэзию 1920–1930-х гг., а позднее поселился и умер в Израиле (SHRAYER 2007: 446–449). Но место Горенко в истории русскоязычной поэзии в Израиле может быть еще точнее определено обращением не к Кнуту, а к опыту другого поэта с юго-западной окраины Российской империи (и бывшего СССР). Речь идет, конечно же, о Пауле Целане (Paul Celan, 1920–1970), великом немецкоязычном поэте, который родился и вырос в Черновцах в Северной Буковине. Целан потерял родных во время Шоа, провел большую часть своих послевоенных лет в Париже и покончил жизнь самоубийством, прыгнув в Сену. «Буковинский» акцент Целана представлял собой нечто гораздо большее, чем «восточное» произношение носителя немецкого языка. Это была

²² Свидетельство Михаила Вайскопфа, цитируется в ДАВИДОВ 2002.

²³ См. комментарий Тарасова в ГОРЕНКО 2000а: 117.

особая поэтическая свобода еврейского пришельца и чужака в рощах немецкоязычной культуры после Шоа. Нечто подобное можно сказать о «бессарабском» акценте в русских стихах Горенко, особенно выраженном в ее бунте против правильного, нормативного русского синтаксиса и против традиционной поэтики. Более того, в случае Горенко, страдавшей от наркотической аддикции на протяжении большей части своей короткой жизни в литературе, сюрреалистская практика «автоматического письма» была чем-то гораздо большим, чем литературный эксперимент, – поистине способом жизнотворчества и жизнеразрушения.

Обратимся к стихотворению Горенко «Перевод с европейского», в котором, как я полагаю, она вступает в последний разговор с Целаном. Как многие тексты самого Целана, стихи Горенко разыгрывают на своих подмостках агонию словесного бытия еврейского поэта в нееврейском языке после Шоа – и Горенко этот опыт усложняет самим процессом сочинения стихов в Израиле на немного странном – остраненном – русском языке.

Перевод с европейского

А. Г.

Словно Англия Франция какая
Наша страна в час рассвета
Птицы слепнут, цветы и деревья гложут
А мне сам Господь сегодня сказал
непристойность

Или я святая
или, скорее
Господь наш подобен таксисту
Он шепчет такое слово каждой девице
что выйдет воскресным утром
кормить воробья муравья и хромую кошку
из пестрой миски

А в хорошие дни Господь у нас полководец
И целой площади клерков, уланов, барменов

На языке иностранном, небесном, прекрасном
произносит такое слово, что у тех
слипаются уши

Господи, дай мне не навсегда но отныне
мягкий костюм, заказанный летом в Варшаве,
есть небольшие сласти, минуя рифмы
изюм, например, из карманов, и другие крошки.

Терезиенштадт
апрель 1943

(ГОРЕНКО 2003: 99)

В названии стихотворения слово «перевод» означает одновременно и акт/процесс (само-)перевода, и результат этого акта/процесса. Ранний публикатор и комментатор стихов Горенко раскрывает посвящение «А. Г.», настаивая на том, что адресатом был друг Горенко Андрей Гликман²⁴. В большинстве изданий стоят только инициалы «А. Г.». Трудно не задуматься о том, что адресатами стихотворения одновременно могут быть настоящее имя поэта Анны Ахматовой и поэтическое имя Анны Карпы. Самопосвящение «А. Г.» сочетается с поставленными в конце стихотворения местом и датой: «Терезиенштадт апрель 1943», тем самым возводя стихотворение в категорию литературного и исторического завещания – особенно потому, что стихотворение «Перевод с евро-пейского» было написано в самые последние дни жизни поэта. Анны Горенко не стало через пятьдесят шесть лет – 4 апреля 1999 г.

Почему Терезиенштадт? Быть может потому, что в апреле 1943 г. в Терезиенштадт прибыл транспорт евреев из транзитного лагеря Вестерборк на северо-востоке Нидерландов? Или же это слегка измененная (или приведенная с ошибкой?) дата прибытия в Тере-

²⁴ В *Малом собрании* Горенко, составленном и откомментированном Владимиром Тарасовым, преданным памяти Горенко поэтом, но не всегда надежным источником информации о Горенко и ее текстах, посвящение раскрыто так: «Андрюше Гликману» (ГОРЕНКО 2000А: 88). В других изданиях фигурируют лишь инициалы посвящения «А. Г.» (ГОРЕНКО 2000Б: 74; ГОРЕНКО 2003: 99).

зиенштадт в августе 1943 г. транспорта с детьми из Белостокского гетто? (На уничтожение польских евреев в Шоа намекает и «костюм» из Варшавы.) Эти дети позднее погибли в Освенциме (Аушвице)²⁵.

Терезиенштадт, изначально организованный нацистами как одновременно пересыльный лагерь и трудовой концлагерь, функционировал как гетто для еврейской интеллигенции, главным образом из Чехословакии, Австрии и Германии, и играл роль потемкинской деревни для сокрытия нацистского замысла тотального уничтожения евреев²⁶. Можно предположить, что «Терезиенштадт» в последнем стихотворении Горенко – это последнее пристанище поэтов и художников, стиховая раздевалка перед входом в газовую камеру. Именно поэтому стихотворение отсылает к раннему тексту Горенко «просыпайся умерли ночью поэты все-все» (1995) (ГОРЕНКО 2003: 53), обнажая еще более деструктивный, парадоксальный смысл. Горенко в своем последнем стихотворении создает пост-Холокостную поэзию, сотворенную до Аушвица – в Аушвице, – но не *nach Auschwitz* (ADORNO 1982). Как многие стихи Пауля Целана, стихи Анны Горенко пронизаны словесным культом – адорацией – неизбежного прихода смерти.

Вместо заключения

В этом коротком и не избежавшем выборочности обзоре я не мог отдать должное всему пространству русско-израильской поэзии. Кроме разбора творчества Савелия Гринберга, о котором я упомянул выше, подробный и систематический анализ авангардных практик русскоязычной поэзии в Израиле не мог бы считаться полным без разговора о творчестве Владимира Тарасова (р. 1954, алия 1974), Пети Птаха (р. 1978, алия 1988), Арье Ротмана (р. 1954, алия 1988), Михаила Короля (р. 1960, алия 1990), Евгения Сошкина (р. 1974,

²⁵ См. также комментарий Владимира Тарасова о смерти родственницы Горенко в Терезиенштадте (ГОРЕНКО 2000А: 123). Эта информация, судя по всему, неверна.

²⁶ См. хронологию в статье THERESIENSTADT WIKIPEDIA; см. также AUERBACHER 2021; HÁJKOVÁ 2020; BRODY 2012.

алия 1990), Дениса Соболева (р. 1971, алия 1991), Аси Энгеле (алия 2000–2001, вернулась жить в Израиль в 2007 г.) и Евгения Никитина (р. 1981, алия 2019).

Сегодня русско-израильская поэзия – это одновременно карта и зеркало русскоязычной поэзии. Только будущее покажет, какие маршруты и какие отражения русского авангарда выберет для себя русско-израильская поэзия на протяжении XXI столетия.

Источники

- БАРАШ 2002 – Бараш М. *Средиземноморская нота*. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2002.
- БАРАШ 2009 – Бараш М. Была идея русской литературы Израиля [разговор с Михаилом Не-Коганом] // *Лехаим*. 2009. № 8. URL: <http://www.gendelev.org/kontekst/lyudi-i-teksty/444-aleksandr-barash-byla-ideya-russkoj-literatury-izrailya.html> [октябрь 2022].
- БАРАШ 2017 – Бараш М. *Образ жизни*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- БОКШТЕЙН 1986 – Бокштейн И. *Блики волны. Книга стихов (факсимильное издание)*. Бат-Ям: Moria, 1986.
- БОКШТЕЙН 1989 – Бокштейн И. Иерусалимская поэма Михаила Генделева [1989] // *Двосточие*. № 12. URL: <https://dvoetochie.org/2010/07/24/bockstein-gendelev> [октябрь 2022].
- БОКШТЕЙН 1997 – Бокштейн И. Площадь Маяковского – Тель-Авив [Интервью с Людмилой Поликовской] // Поликовская Л. «*Мы предчувствие, предтеча...*». *Площадь Маяковского 1958–1965*. М.: Звенья, 1997. С. 182–211.
- БОКШТЕЙН 2010 – Бокштейн И. *Фантазия страстей* / Под ред. М. Лейн. 2 изд. Иерусалим: Скопус, 2010.
- ВОЛОХОНСКИЙ 1983 – Волохонский А. *Стихотворения*. Ann Arbor, MI: Эрмитаж, 1983.
- ГЕНДЕЛЕВ 1993 – Генделев М. *Праздник*. Иерусалим: Elia Capitolina, 1993. URL: <http://www.gendelev.org/stihi/knigi-stikhov/6-prazdnik.html> [октябрь 2022].

- ГЕНДЕЛЕВ 1996 – Генделев М. «Я пишу то, что нельзя» [Интервью с Александром Рапопортом] // *Лехаим*. 1996. № 2. URL: <https://www.lechaim.ru/ARHIV/166/lkl.htm> [декабрь 2022].
- ГОРЕНКО 2000А – Горенко А. *Малое собрание* / Под ред. и с коммент. В. Тарасова. Иерусалим: Alphabet Publishers, 2000.
- ГОРЕНКО 2000Б – Горенко А. *Стихи* / Под ред. Е. Сошкина. Иерусалим: Беседер, 2000.
- ГОРЕНКО 2003 – Горенко А. *Праздник неспелого хлеба* / Под ред. Е. Сошкина и И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- ГРОБМАН 1992 – Гробман М. *Военные тетради*. Тель-Авив: Левиафан, 1992.
- ГРОБМАН 2012 – Гробман М. Второй русский авангард // *Зеркало [Разное]*. 2012. 14 июня. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=7580> [октябрь 2022].
- ЖАБОТИНСКИЙ 1904 – Жаботинский В. *Hespèd* // *Еврейская жизнь*. 1904. № 6.1. С. 8–10.
- ЖАБОТИНСКИЙ 1905 – Жаботинский В. Памяти Герцля // Жаботинский В. *Доктор Герцль*. Одесса: Кадима, 1905. С. 4–5.
- ЗИНГЕР 2005 – Зингер Г.-Д. *Часть це*. М.: Арго-риск; Тверь: Колонна, 2005. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/zinger2-4.html> [октябрь 2022].
- МАРШАК 1917 – Маршак С. Палестина // *У рек вавилонских: Национально-еврейская лирика в мировой поэзии* / Сост. Л.Б. Яффе. М.: Сафрут, 1917. С. 129–135.
- ПАРНАХ 1925 – Парнах В. *Вступление к танцам: Избранные стихи*. М.: Б.и., 1925.
- РОЙЗМАН 1923 – Ройзман М. *Хевронское вино*. М.: Всероссийский союз поэтов, 1923.
- СЕЛЬВИНСКИЙ 1935 – Сельвинский И. *Уялаевщина: Эпопея*. М.: Гос. издательство худ. литературы, 1935.
- ШАБТАЙ 1995 – [Шабтай А.] Из книги «Любовь» / Пер. с иврита Г.-Д. Зингер // *Двоеточие*. 1995. № 5. URL: <https://dvoetochie.org/2021/07/05/aaron-shabtai> [октябрь 2022].

- ШАБТАИ 1979 – Shabtai A. *Chara, Mavet*. Jerusalem: Akshav, 1979 [на иврите].
- SINGER, ELLIS – Singer G.-D., Ellis S. «Take Heart» [21–30], [Collaborative Poetic Project Between Gali-Dana Singer and Stephen Ellis. Poems written in alternating lines composed by SE and GDS]. URL: <http://reigns.blogspot.com> [октябрь 2022].
- SINGER 2019 – Singer G.-D. The Poetry of Gali-Dana Singer. TLV1, 7 August 2019. URL: <https://tlv1.fm/israel-in-translation/> 2019/08/07/the-poetry-of-gali-dana-singer [октябрь 2022].

Литература

- БАРАШ ВИКИ – Бараш, Александр Максович // *Wikipedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бараш,_Александр_Максович [октябрь 2022].
- БИРЮКОВ 1998 – Бирюков С.Е. *Теория и практика русского поэтического авангарда*. Тамбов: Изд-во Тамбовского университета им. Г.Р. Державина, 1998.
- БОБРИНСКАЯ 2003 – Бобринская Е.А. *Русский авангард: Истоки и метаморфозы*. М.: Пятая страна, 2003.
- ВАЙСКОПФ 2009 – Вайскопф М. Теология Михаила Генделева // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 98. URL: <http://www.gendelev.org/issledovaniya/389-mikhail-vajskopf-teologiya-mikhaila-gendeleva.html> [октябрь 2022].
- ВАЙСМАН 2010 – Вайсман Н. Илья Бокштейн: Поэзия как образ жизни // *OpenSpace.ru*. 2010. 12 ноября. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/18665> [октябрь 2022].
- ВЕЖЛЯН 2011 – Вежлян Е. Заметки на полях невозможной книги // *Лехаим*. 2011. № 1. URL: <https://lechaim.ru/ARCHIV/225/vezhlyan.htm> [октябрь 2022].
- ВИЗЕЛЬ 2017 – Визель М. Памяти Анри Волохонского // *Ведомости*. 2017. 10 апреля. <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2017/04/10/684877-ramyati-volohonskogo> [октябрь 2022].

- ВИКТОРОВ 2017 – Виктор А. Химия Анри Волохонского // *Jewish.ru*. 2017. 10 апреля. URL: <https://jewish.ru/ru/people/culture/175872> [октябрь 2022].
- ВОЛЧЕК И ДР. 2017 – Волчек Д. [и др.]. Филолог гнал стада кентавров // *Радио Свобода*. 2017. 14 апреля. URL: <https://www.svoboda.org/a/24749861.html> [октябрь 2022].
- ГЕЙЧЕНКО, ШПИНЕВА 2013 – Гейченко Т., Шпинева Е. Приключения бильярда // *Михайловская пушкиниана. Материалы XVI Февральских научно-музейных чтений памяти С. С. Гейченко*. Вып. 40. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2013. С. 225–244. URL: https://gu-billiards.ucoz.ru/Books/2013_Pushkiniana.pdf [октябрь 2022].
- ГОЛЬДШТЕЙН 1993 – Гольдштейн А. Несколько слов прозы после стихов // *Иерусалимский поэтический альманах*. Иерусалим, 1993. URL: <http://barashw.narod.ru/ipa/goldstei.htm> [октябрь 2022].
- ГОЛЬДШТЕЙН 2002 – Гольдштейн А. [О сборнике Александра Бараша *Средиземноморская нота*] // БАРАШ 2002: [Задняя обложка].
- ДАВЫДОВ 2002 – Давыдов Д. Поэтика последовательного ухода // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/poetika-posledovatel'nogo-uhoda.html> [октябрь 2022].
- ДАВЫДОВ 2003 – Давыдов Д. Поэтика последовательного ухода // ГОРЕНКО 2003: 5–15.
- ЗЕЛИНСКИЙ 1924 – Зелинский К. Конструктивизм и поэзия // Зелинский К., Чичерин А. Н., Сельвинский Э.-К. *Мена всех*. М.: Конструктивисты-поэты, 1924. С. 13–29.
- ИВАНЮК 2017 – Иванюк Б. Стихотворение М. Генделева «Доктор Лето»: Заметки на обоих полях // *Филологос*. 2017. № 1 (32). С. 29–38.
- ИЛИЧЕВСКИЙ 2010 – Иличевский А. «Ярусарим, ты вся, ты весь» // *Лехаим*. 2020. № 10. URL: <https://lechaim.ru/ARCHIV/221/ilichevskiy2.htm> [октябрь 2022].
- ИОФФЕ 2016 – Иоффе Д. К вопросу о радикальной эстетике второго авангарда. Поэтика Михаила Гробмана: живопись,

- жизнетворчество и кинический террор // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 140. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/4/k-voprosu-o-radikalnoj-estetike-vtorogo-russkogo-avangarda.html> [июль 2023].
- ИСАКОВА 2009 – Исакова А. Генделев: Дендизм, нравственный императив и прочие странности // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 98. URL: <http://www.gendeleev.org/issledovaniya/391-anna-isakova-gendeleev-dendizm-nravstvennyj-imperativ-i-prochie-strannosti.html> [октябрь 2022].
- КАЦИС 2003 – Кацис Л. Краткий библиографический очерк // Генделев М. *Неполное собрание сочинений*. М.: Время, 2003. С. 523–525.
- КАЦМАН 2017 – Кацман Р. Смелая беззащитность нонкорформизма (Илья Габай, Михаил Гробман, Генрих Сапгир) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 59. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/59/Katzman_59.pdf [октябрь 2022].
- КАЦМАН 2020 – Кацман Р. Размышления о поэзии и времени. [Рец. на кн.: Д. Соболев. *Через (2020)*] // *Iudaica Russica*. 2020. № 2. С. 146–172.
- КОММ 2018 – Комм А. Поэт «сплошного чуда» в тени питерского андеграунда: Этюд о Волохонском // *Дискурс*. 2018. 6 дек. URL: <https://discours.io/articles/culture/poet-sploshnogo-chuda-v-teni-piterskogo-andergraunda-etyud-ob-angi-volohonskom> [октябрь 2022].
- КОНСТАНТИНОВА 2007 – Константинова С.Л. *Русский поэтический авангард: XX век*. Псков: Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова, 2007.
- КОРЧАГИН 2007 – Крочагин К. О странствующих и путешествующих // *Booknik.ru*. 2007. 20 апреля. URL: <http://booknik.ru/today/fiction/o-stranstvuyushchih-i-puteshestvuyushchih> [октябрь 2022].
- КРИВУЛИН 1990 – Кривулин В. Война без победителей и побежденных // *Звезда*. 1990. № 12. URL: <http://www.gendeleev.org/issledovaniya/242-viktor-krivulin-vojna-bez-pobeditelej-i-pobezhdennykh.html> [октябрь 2022].

- КУКУЙ 2003 – Кукуй И. Заметки о поэтике Анри Волохонского 1960-х гг. // *Вторая литература: Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы*. СПб.: Росток, 2003. С. 232–250.
- КУКУЛИН 2017 – Кукулин И. Предисловие // Бараш А. *Образ жизни*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. URL: https://www.nlobooks.ru/books/povaya_poeziya/674/review/8781 [октябрь 2022].
- КУКУЛИН 2019 – Кукулин И. Анна Горенко // *Прорыв к невозможной связи. Статьи о современной поэзии*. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 562–566.
- ЛЕХЦИЕР 2020 – Лехциер В. Поэзия как феноменология // *Воздух*. 2020. № 40. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2020-40/lekhtsier> [октябрь 2022].
- МОРДОВИНА 2021 – Мордовина Е. Соль земли. О поэте Анне Горенко (Карпа) (1972–1999) // *Pechorin.net*. 2021. 18 февраля URL: <https://pechorin.net/articles/view/sol-ziemli-o-poetie-annie-gorienko-karpa-1972-1999> [октябрь 2022].
- РОНЕН 1989 – Ронен О. Два полюса параномазии // *Russian Verse Theory. Proceedings of the 1987 Conference at UCLA* / Ed. by V.P. Sherr, D.S. Worth. Columbus, Ohio: Slavica, 1989 (UCLA Slavic Studies. Vol. 18). С. 289–291.
- РЫБКИН 2021 – Рыбкин П. Анна Горенко: «Останемся дома» // *Prosodia.ru*. 2021. 4 апреля. URL: <https://prosodia.ru/catalog/stikhotvorenie-dnya/anna-gorenko-ostanemsa-doma> [октябрь 2022].
- СЕГАЛ 1990 – Сегал Д. Витражи слова // *Наша страна* [Тель-Авив]. 1990. 28 августа. URL: <http://www.gendelew.org/issledovaniya/255-dimitrij-segal-vitrazhi-slova.html> [октябрь 2022].
- СОЛОВЬЕВ-ФРИДМАН 2003 – Соловьев-Фридман Д. Разборы не без чтения № 3. Тело Анны как неконеч нерусского Авангарда // *Топос*. 2003. 14 августа. URL: <https://www.topos.ru/article/1493> [октябрь 2022].
- СОШКИН 2000 – Сошкин Е. От составителя // Горенко А. *Стихи*. Иерусалим: Библиотека журнала «Солнечное сплетение», 2000. С. 76–77.

- СОШКИН 2002 – Сошкин Е. От адамова яблока до Адамова языка: Территория Анны Горенко // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/ot-adamova-abloka-do-adamova-yazyka-territoriya-anny-gorenko.html> [октябрь 2022].
- СОШКИН 2004 – Сошкин Е. Горенко и Мандельштам // *Wiener slawistischer Almanach*. 2004. № 53. С. 73–129.
- ФИНКЕЛЬ 1999 – Финкель Л. Материал, из которого сделаны гении // *Иерусалимский журнал*. 1999. № 2. URL: <https://new.antho.net/wp/jj02-finkel> [октябрь 2022].
- ЧЕРНЯК 2010 – Черняк А. Илья Бокштейн – Божьей милостью поэт // БОКШТЕЙН 2010: VI–XIV.
- ШРАЕР 2010 – Шраер М.Д. Илья Бокштейн // БОКШТЕЙН 2010: XV–XVII.
- ШРАЕР, ШРАЕР-ПЕТРОВ 2017 – Шраер М.Д., Шраер-Петров Д. *Генрих Сапгир: классик авангарда*. 3 изд. Екатеринбург: Издательские решения/Ridero, 2017.
- ADORNO 1982 – Adorno T.W. Cultural Criticism and Society / Tr. from the German by S. and Sh. Weber // Adorno T.W. *Prisms*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982. P. 19–34.
- ASCHHEIM 2017 – Aschheim S.E. The Avant-Garde and the Jews // GELBER, SJÖBERG 2017: 253–274.
- ASHOLT, FÄHNTERS 1997 – “Die Ganze Welt ist eine Manifestation”: *Die europäische Avantgarde und ihre Manifeste* / Hrsg. von W. Asholt, W. Fähnders. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1997.
- AUERBACHER – Auerbacher I. Theresienstadt // *Holocaust Encyclopedia*. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/theresienstadt> [октябрь 2022].
- BRODSKY 1977 – Brodsky J. On Cavafy’s Side // *New York Review of Books*. 1977. 17 February. URL: <https://www.nybooks.com/articles/1977/02/17/on-cavafys-side> [октябрь 2022].
- BRODY 2012 – Brody R. The Holocaust Is Present // *The New Yorker*. 2012. 10 February. URL:

- <https://www.newyorker.com/culture/richard-brody/the-holocaust-is-present> [октябрь 2022].
- GELBER, SJÖBERG 2017 – *Jewish Aspects in Avant-Garde: Between Rebellion and Revelation* / Ed. by M.H. Gelber, S. Sjöberg. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017.
- HÁJKOVÁ 2020 – Hájková A. *The Last Ghetto: An Everyday History of Theresienstadt*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- JANECEK 1984 – Janecek G.J. *The Look of Russian Literature: Avant-Garde Visual Experiments, 1900–1930*. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- KATSMAN 2017 – Katsman R. *New Literary Geography: Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel. A lecture at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University*. 2017. 11 October. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/events/new-literary-geography-demarginalization-contemporary-russophone-literature-israel> [октябрь 2022].
- KATSMAN 2018 – Katsman R. Jewish Fearless Speech: Towards a Definition of Soviet Jewish Nonconformism (F. Gorenshtein, F. Roziner, D. Shroyer-Petrov) // *East European Jewish Affairs*. 2018. Vol. 48. № 1. P. 41–55.
- KATSMAN 2020 – Katsman R. 'Makhshavti reeva': Al shirata ha-ivrit shel Gali-Dana Singer // *The Jerusalem Studies in Hebrew Literature*. 2020. № 31. P. 565–601 [на иврите].
- KELLMAN 2020 – Kellman S.G. *The Translingual Imagination*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000.
- LACHMAN 2018 – Lachman L. Yeshurun, Avot (1904–1992) // *The Routledge Encyclopedia of Modernism* / General Editor S. Ross. Article Posted 2018. URL: <https://www.rem.routledge.com/articles/yeshurun-avot-1904-1992> [октябрь 2022].
- PERLOFF 1987 – Perloff M. *The Futurist Moment: Avant-Garde, Avant Guerre, and the Moment of Rupture*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

- PERLOFF AVANT-GARDE – Perloff M. *Avant-Garde Community and the Individual Talent*. URL: <http://marjorieperloff.blog/essays/avant-garde-community-and-the-individual-talent> [октябрь 2022].
- PROBSTEIN 2021 – Probstein I. Drums of Fate: David Shroyer-Petrov's Poetics of Fractured Wholeness // *The Parallel Universes of David Shroyer-Petrov* / Ed. by R. Katsman, M.D. Shroyer, K. Smola. Boston: Academic Studies Press, 2021. P. 95–131.
- SHARGORODSKY 2014 – Shargorodsky S. The Darkness of Babylon: A Russian-Jewish-Israeli Experience in Visionary Journeys of Mikhail Gendelev // *Jewishness in Russian Culture* / Ed. by A. Kulik. Leiden: Brill, 2014 (Studia Judeoslavica. Vol. 7). P. 185–203.
- SHRAYER 2007 – *An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Jewish Identity in Prose and Poetry, 1801–2001*. 2 vols. // Ed. by M.D. Shroyer. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007.
- SHRAYER 2023 – Preface: Translingual Adventures // *Immigrant Baggage: Morticians, Purloined Diaries, and Other Theatrics of Exile*. Boston: Cherry Orchard Books, 2023. P. 12–20.
- STANISLAWSKI 2001 – Stanislawski M. *Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. Berkeley: University of California Press, 2001.
- THERESIENSTADT WIKIPEDIA – Theresienstadt Ghetto // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Theresienstadt_Ghetto [октябрь 2022].
- TOLTS 2019 – Tolts M. A Half Century of Jewish Emigration from the Soviet Union: Demographic Aspects // *Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University*. 2019. 20 November. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/events/half-century-jewish-emigration-former-soviet-union-demographic-aspects> [октябрь 2022].

II

Pubblicazioni / Publication of unpublished
material / Публикация неизданных материалов

CATHERINE DEPRETTO
Sorbonne université, Paris
catherine.depretto@sorbonne-universite.fr

**ANDRE MAZON ET LA PHILOLOGIE RUSSE
DES ANNEES 1920 (A PROPOS DE QUELQUES LETTRES
CONSERVEES DANS LES ARCHIVES
DE L'INSTITUT D'ETUDES SLAVES)¹**

Abstract

« André Mazon and Russian philology in the 1920s (about some letters kept in the Institut d'études slaves, Paris) ». André Mazon (1881–1967), who played a leading role in French Slavic studies from the 1920s to the 1960s, is considered as a rigorous and erudite philologist, but an opponent of phonology and emerging structuralism. However, he was interested by Russian Formalism and had a good relationship with some of its representatives, especially with Boris Tomaševskij (1890–1957). Based on André Mazon's unpublished letters, kept in the Institut d'études slaves in Paris, this article examines some cases of scientific cooperation between the French Slavist and the Russian philologists.

Keywords

André Mazon, Petr Bogatyrev, Viktor Žirmunskij, Boris Tomaševskij, Russian Formalism

¹ Je remercie Hélène Mélat, présidente de l'Institut d'études slaves, pour m'avoir autorisée à reproduire les lettres inédites de la correspondance André Mazon, conservées dans les archives de l'Institut ainsi que Nathalie Lereboullet, en charge de ces archives, pour son concours dans la consultation de ces documents.

Résumé

« André Mazon et la philologie russe des années 1920 (à propos de quelques lettres conservées dans les archives de l'Institut d'études slaves) ». André Mazon (1881–1967) qui a dominé la slavistique française des années 1920 aux années 1960 a laissé l'image d'un grand savant, rigoureux et érudit, mais réservé à l'égard de la phonologie et du structuralisme naissant. Cela ne l'a pas empêché d'entretenir de bonnes relations avec certains représentants de l'école formelle de critique littéraire en Russie, avec Boris Tomaševskij (1890-1957) au premier chef. En s'appuyant sur la correspondance inédite d'André Mazon, conservée à l'Institut d'études slaves de Paris, l'article revient sur plusieurs épisodes de cette collaboration.

Mots clefs

André Mazon, Petr Bogatyrev, Viktor Žirmunskij, Boris Tomaševskij, formalisme russe

Au XXe siècle, jusqu'aux années soixante, la slavistique française est incontestablement dominée par André Mazon (1881–1967). Fils du journaliste Albin Mazon (1828–1908) et frère cadet de l'helléniste et académicien Paul Mazon (1874–1955), il reçoit une formation de grammairien auprès d'Antoine Meillet (1866–1936), à l'École pratique des hautes études et de slaviste auprès de Paul Boyer (1864–1949), à l'École nationale des langues orientales. Ses premiers travaux sont consacrés à la grammaire du vieux-slave, à la morphologie des aspects du verbe russe, à des auteurs russes classiques, Ivan Gončarov et Ivan Turgenev. Même si dans la longue liste de ses travaux, le russe occupe la première place, Mazon a également publié sur la culture d'autres pays slaves : il a vécu en Ukraine, Bulgarie, Macédoine méridionale, Serbie-Monténégro, Bohême². Entre 1919–1922, il enseigne à l'université de Strasbourg, puis est élu professeur au collège de France (1923) et devient membre de l'Académie des inscriptions et belles lettres en 1941. Un des fondateurs de la *Revue des*

² Pour plus de détails, cf. JOHANNET 1967 ; VAILLANT 1969 ; BREUILLARD 2011.

études slaves (1921 ; son directeur de 1937 à 1967) et pilier de l'Institut du même nom (son président de 1937 à 1959³), il a contribué plus que quiconque à l'essor de sa discipline en France, au développement de ses liens avec la slavistique centre-européenne et au maintien – sur une base strictement académique – des relations avec l'URSS.

En France, il est à l'origine de l'instauration d'une agrégation de langues slaves (1938), devenue réalité pour le russe en 1947, concours d'enseignement pour le secondaire et le supérieur auquel il imprima sa marque en tant que président du jury. Il suivit et encouragea la carrière des premiers agrégés, Hélène Peltier-Zamoyska (1924–2012), José Johannet (1924–2013), Jacqueline de Proyart (1927–2019), Michel Aucouturier (1933–2017), Claude Frioux (1932–2017), Jean-Paul Sémon (1934–2015)... après avoir accompagné plus tôt celle d'universitaires tels que Jules Patouillet (1862–1942), André Lirondelle (1879–1952), Pierre Pascal (1890–1983), Boris Unbegaun (1898–1973)...⁴

Sur un plan international, il a été, dans l'entre-deux-guerres, l'un des plus actifs à essayer de reprendre les échanges avec la Russie soviétique, malgré son hostilité au nouveau régime dont il avait une expérience directe.

Pendant la Première Guerre mondiale, après avoir servi sur le front oriental en tant qu'interprète, Mazon avait été affecté en 1917 à la mission française en Russie. Il s'acquitta avec succès de la collecte d'ouvrages et de différents matériaux qui constitueront un premier dépôt du fonds de l'actuelle Bibliothèque la Contemporaine (COEURE 2010) à Nanterre. Mais il fut également arrêté par les bolcheviks en août 1918, après l'assassinat du chef de la tchéka de Petrograd et passa plusieurs mois en prison. Si cette expérience lui permit de nourrir son *Lexique de la guerre et*

³ Dont il fonda également la bibliothèque, à ce sujet, cf. GALMICHE 2020 ; PUEYO 2020.

⁴ Cf. Sandra Dominique, « Le russe dans l'enseignement supérieur en France, de l'entre-deux-guerres à la fin des années 1970. Enjeux institutionnels, disciplinaires et politiques », thèse préparée sous la direction de Sophie Coeuré à Paris 7 et soutenue en 2020.

de la révolution (1920⁵), elle ne put que le conforter dans son rejet de la révolution d'Octobre.

Cependant, avec Paul Langevin et Sylvain Lévi, il fait partie du Comité français des relations scientifiques avec la Russie, fondé en décembre 1925 après la reconnaissance de l'URSS par la France dont une des tâches est d'essayer de faire venir des savants russes en France (COEURE 2004 ; RJEOUTSKI 2011). C'est ce comité qui organise la quasi-totalité des voyages scientifiques dans l'entre-deux-guerres (à peu près 10 personnes par an). Après une première reprise des échanges, marquée par la visite de Mazon en URSS entre janvier et mars 1927, on note une retombée entre 1929 et 1933, malgré un nouveau voyage de Mazon en 1932, puis une légère reprise en 1934 avec l'organisation en URSS de la décade scientifique franco-soviétique (MAZUY 2002), avant un reflux dans les années qui précèdent la guerre : il n'y a quasiment plus de séjours de savants soviétiques en France après 1936. Ce comité était certes quelque chose de nouveau, mais pour Mazon il s'inscrivait dans le prolongement de ce qui existait avant 1914 entre les deux pays. De façon significative, dans l'intitulé de cette nouvelle structure (au moins au début), il est question de la « Russie » et pas de « l'URSS ». Second élément caractéristique : pour le slaviste français, la capitale intellectuelle et scientifique reste Leningrad, l'ancienne Saint-Pétersbourg. Enfin, il veillera toujours à garder ses distances vis-à-vis d'entreprises qu'il jugera trop politisées (MARES 2011).

Mazon et les courants scientifiques de son temps

Lorsqu'il préparait sa thèse sur Gončarov (1911), Mazon avait noué des relations avec de nombreux savants de la capitale de l'Empire. Il connaissait les linguistes Aleksej Šaxmatov (1864–1920), Lev Ščerba (1880–1944), les spécialistes de littérature Semen Vengerov (1855–1920), Il'ja Šljapkin (1858–1918), l'historien de la culture Mixail Lemke (1872–1923), le secrétaire de l'Académie des Sciences, Sergej Fedorovič

⁵ L'ouvrage suscita de nombreux échos et fut à l'origine d'une étude de Roman Jakobson, sur le même sujet, sa première publication en tchèque (JAKOBSON 1920–1921). A ce sujet, cf. MAZON, JAKOBSON 2017.

Ol'denburg (1863–1934), l'écrivain Aleksej Remizov (1877–1957)... (NIQUEUX 2013). Depuis 1903, Il était tout particulièrement lié à l'historien Ivan Šitc (SCHÜTZ 1874–1942) dont il recueillera le journal personnel, le fera taper à la machine mais ne l'éditera pas. Ce document exceptionnel sur le « Grand tournant » sera retrouvé et publié par Wladimir Berelowitch (ШИТЦ 1991)⁶. Après la révolution, Mazon facilita l'installation en France de philologues russes émigrés comme Grigorij (Grégoire) Lozinskij (1889–1942)⁷.

Certes, Mazon avait des idées bien arrêtées sur certains sujets : il était, en particulier, très circonspect – pour ne pas dire davantage – à l'égard des orientations nouvelles de la linguistique, incarnées, entre autres, par le *Cours de linguistique générale* de Saussure (il ne reconnaissait pas la valeur heuristique de l'opposition entre diachronie et synchronie), et la phonologie naissante. C'est ainsi qu'il s'est toujours montré réservé à l'égard des travaux de Sergej Karcevskij (1884–1955) sur le système du verbe russe (BREUILLARD 2004 : XIII), et surtout de ceux de Roman Jakobson (1896–1982) sur l'étude phonologique du russe...⁸ :

André Mazon n'a pas voulu prendre la mesure du puissant renouveau de la linguistique dont le levain se trouvait justement dans cette Prague de l'entre-deux-guerres qu'il connaissait si bien, levain qu'il avait vocation naturelle à faire connaître à ses collègues français. Il y eut là une occasion

⁶ Le fonds Mazon de l'IES conserve 92 lettres de l'historien russe qui s'échelonnent entre 1903 et 1932.

⁷ Six lettres (20 juin 1922 – 14 août 1941) de Grégoire Lozinskij, conservées dans le fonds Mazon (IES) témoignent de son soutien et de son aide. Mazon rédigea sa nécrologie (MAZON 1946). C'est le frère du philologue et traducteur, Mixail Lozinskij (1886–1955), apparenté à l'acméisme et resté en Russie après la révolution. Grégoire avait fait ses études au département d'études romanes et germaniques de l'Université de Saint-Petersbourg où il avait côtoyé nombre de philologues que rencontrera Mazon lors de son voyage de 1927 : il a pu être à l'origine de l'intérêt du slaviste pour eux.

⁸ Cf., par exemple, son compte rendu acerbe des « Remarques sur l'évolution phonologique du russe, comparée à celle des autres langues slaves » de Jakobson (MAZON 1930 : 104). Auparavant, il avait émis des critiques à l'égard de la brochure de Jakobson sur le vers tchèque (MAZON 1923 : 144) et mentionnant ailleurs cette étude, il présentait son auteur comme « un linguiste russe résidant à Prague depuis plusieurs années », sans donner son nom, ce qui est particulièrement désobligeant (MAZON 1926 : 129).

perdue : une surdit  assum e qui n'est pas propre   la slavistique fran aise, mais qui retarda le d veloppement de la linguistique slave en France (BREUILLARD 2011 : 54)⁹.

Quant au *Dit d'Igor* dont, comme on sait, il contesta l'authenticit , d clenchant la riposte collective de Roman Jakobson, Henri Gr goire et Marc Szeftel, m me l'examen le plus mesur  de la question ne conclut pas en sa faveur (ROUDET 2011).

Cependant, tout homme  tant tissu de contradictions, Mazon s'est trouv  associ    la publication de livres ou d'articles dont les auteurs  taient engag s dans le renouveau des sciences humaines et proches,   des degr s divers, du formalisme et du structuralisme naissant.

Les  tudes ethnographiques de Petr Bogatyrev publi es   l'Institut d' tudes slaves (1929)

R serv    l' gard de la pens e de Saussure et des courants qui s'en faisaient les porte-parole, Mazon n'a pourtant pas ferm  les collections de son Institut   Petr Bogatyrev (1893–1971), grand ami de Jakobson, anim  de pr occupations scientifiques identiques.

C'est en effet une collection de l'Institut d' tudes slaves qui abrite en 1929 son livre *Actes magiques : rites et croyances en Russie subcarpathique*. On sait que ce travail a  t  pr sent  par le savant comme th se de doctorat pour int grer l'Universit  tch coslovaque¹⁰. On manque d' l ments pour expliquer les circonstances de cette publication en France et en fran ais : il avait certes d j  publi  en fran ais deux articles sur le m me sujet (BOGATYREV 1926 ; BOGATYREV 1926a) dans la revue *Le Monde slave*, dirig e par Louis Eisenmann (1869–1937). Quoi qu'il en soit, on ne sait

⁹ Sur l'hostilit  de Mazon   l' gard de Jakobson, cf. TROUBETZKOY 2006 : 89, 132, 133, 346, 349–350, 354. La correspondance Mazon contient deux lettres tr s courtoises de Roman Jakobson, du 20 octobre 1921 et du 6 mars 1923 (IES, MAZ.8.17.32 et MAZ.8.19.15). La premi re a  t  reproduite dans MAZON, JAKOBSON 2017 : 173–174.

¹⁰ L' dition en livre est vraisemblablement ant rieure   la soutenance, quoiqu'aucun document ne permette pour l'instant d' tablir pr cis ment ce que le savant a d  pr senter en vue de cette soutenance. Je remercie Jana Bartuňkov , engag e actuellement en th se sur Petr Bogatyrev pour cette pr cision.

pas comment, ni par quel intermédiaire il est entré en contact avec la direction de l'Institut d'études slaves. Une seule et unique lettre de Bogatyrev, adressée à Mazon a été retrouvée jusqu'à présent ; prévenu de l'avancée de l'édition, il s'inquiète de ne pas avoir reçu ses épreuves. La lettre manuscrite est en russe, datée du 22 mai 1929 ; elle est adressée de Prague :

Глубокоуважаемый господин профессор!

Позвольте обратиться к Вам с большой просьбой: не будете ли Вы так добры выяснить как обстоит дело в типографии с печатанием моей книги. Типография, как Вы любезно сообщили мне в открытке от 11 апреля, обещала прислать мне корректуру недели через две, а, следовательно, корректура эта должна была быть у меня в конце апреля. Не вышло ли какого недоразумения при пересылке? Простите за надоедливость. Я позволил [себе] побеспокоить Вас уже теперь, т.к. полагаю, что Вы скоро уедете из Парижа, и тогда мне не к кому будет обратиться с этой просьбой.

Я жду, что на днях выйдет сборник, посвященный голландскому профессору Schrijnen, где должна быть помещена статья, написанная совместно [с] Р.О. Якобсоном и мною, «Фольклор как особый вид творчества»¹¹. Как только получим оттиски, сочтем приятным долгом переслать оттиск Вам.

Еще раз простите за беспокойство.

Искренно преданный Вам

П. Богатырев

Р.О. Якобсон шлет почтительный привет¹².

Pourquoi mentionner cet épisode? Si vu de l'extérieur, l'exposé des matériaux collectés dans cette région, faisant partie de la Tchécoslovaquie de l'entre-deux-guerres peut sembler classique, son auteur, en tout cas, est lié, depuis le début des années 1920, aux courants les plus novateurs de la

¹¹ « Le folklore comme forme particulière de création » paraît en allemand dans les mélanges offerts au philologue néerlandais Josef Schrijnen (1869–1937) (BOGATYREV, JAKOBSON 1929).

¹² IES, MAZ.8.25.20. L'avant-propos de Bogatyrev à l'édition française qui remercie tout particulièrement André Mazon, Louis Eisenmann et Jiří Polivka indique que la traduction a été confiée à un certain M. Lannes.

recherche. Il a fait partie des membres fondateurs du Cercle linguistique de Moscou (1915–1924) qu’il a fréquenté très régulièrement jusqu’à son départ pour Prague en 1921¹³. Retrouvant Jakobson, il participe à ses côtés au Cercle linguistique de Prague à compter de sa formation en 1926. De ce point de vue, comme Jakobson, son nom est associé à l’histoire du formalisme et à la genèse du structuralisme, tendances que l’on repère dans sa façon d’aborder la plupart de ses sujets, concernant l’ethnographie, mais aussi la littérature, le théâtre populaire et le folklore (cf. TCHOUGOUNNIKOV, TRAUTMANN-WALLER 2012). L’introduction de son livre de 1929 est explicite sur ce point : le savant s’y démarque de la méthode traditionnellement appliquée en ethnographie, la démarche historique qui prétend retrouver l’origine des rituels ; il lui préfère la démarche statique, synchronique, inspirée de Saussure¹⁴. Compte tenu de ce qu’on a dit des positions d’André Mazon plus haut, cette pétition de principe aurait pu être un obstacle. Or, il n’en est rien : est-ce parce que le sujet concernait la Tchécoslovaquie et un savant désirant se fixer dans ce pays ? La Tchécoslovaquie avait joué un rôle de premier plan dans la fondation de l’Institut d’études slaves en 1921 et elle avait gardé des liens très serrés avec cette institution. Côté français, on attachait également un grand prix à l’existence de l’Institut français de Prague et à la coopération avec la slavistique tchécoslovaque. Le cas de cet ouvrage est d’autant plus intéressant si l’on se souvient que Karcevskij a publié, lui, en Tchécoslovaquie son *Système du verbe russe* (1927), rédigé en français, et issu de sa thèse soutenue devant l’université de Genève.

Les positions classiques de Mazon ne l’avaient pas empêché, un peu plus tôt, de remarquer la percée en Russie de l’école formelle (1915–1930), représentée par le Cercle linguistique de Moscou dont il a été question plus haut et par la Société d’étude du langage poétique (Opojaz) de

¹³ Moins étudié que l’Opojaz, le CLM a fait néanmoins l’objet de publications importantes qu’il est impossible de toutes mentionner ici. Citons parmi les plus caractéristiques, БАРАНКОВА 1999, ШАПЕР 2001, ПИЛЬЩИКОВ 2017. Pour un aperçu d’ensemble, cf. КРУСАНОВ 2003 : 452–495, et sur Petr Bogatyrev en particulier, voir ТОПОРКОВ 2015 et СОРОКИНА 2015.

¹⁴ La préface est reproduite dans TCHOUGOUNNIKOV, TRAUTMANN-WALLER 2012 : 159–189 ; voir également TRAUTMANN-WALLER 2012.

Petrograd¹⁵. Rendant compte positivement pour la *Revue de littérature comparée* de l'ouvrage de Viktor Žirmunskij, *Byron et Puškin*, il concluait :

Ce sera, en vérité, l'un des contrecoups inattendus – et pourtant logiques – de la révolution russe que d'avoir achevé de ramener l'histoire littéraire à l'étude des œuvres en elles-mêmes et pour elles-mêmes, en la détournant de la politique et de la sociologie¹⁶.

Cet intérêt pour un courant qui était loin de faire l'unanimité n'est pas un geste isolé.

En 1928, la *Revue des études slaves* publie un article de Boris Tomaševskij, « La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie », synthèse éclairante de l'histoire du mouvement et de ses perspectives (TOMAŠEVSKIJ 1928). Les spécialistes du formalisme citent depuis longtemps ce texte, sans commenter particulièrement l'épisode¹⁷. Quelques lettres retrouvées dans les archives Mazon (IES), recoupées à d'autres documents, permettent de préciser les circonstances de cette publication et d'enrichir la présentation des liens entre le slaviste français et les formalistes.

Boris Tomaševskij, « La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie » (1928)

Pour des raisons difficiles à expliquer, certains spécialistes ont encore tendance aujourd'hui à situer Boris Tomaševskij (1890–1957) un peu à l'écart du noyau de l'Opojaz (БОГОМОЛОВ 2015 : 393 ; ДМИТРИЕВ 2020). S'il est vrai qu'il n'était pas lié à Viktor Šklovskij, Boris Ejxenbaum, Jurij Tynjanov par des liens aussi forts que ceux qui existaient au sein du « trio prodigieux », la radicalité de ses propositions, sa solidarité de groupe

¹⁵ Sur l'Opojaz, cf. КРУСАНОВ 2003 : 287–304. Il existe une littérature foisonnante sur le formalisme russe ; on citera pour mémoire ERLICH 1955 ; STEINER 1984 ; AUCOUTURIER 1994 ; DEPRETTO 2009 ; ZENKINE 2018 ; MERRILL 2022.

¹⁶ Et de la philosophie, pourrait-on ajouter (MAZON 1926a : 173).

¹⁷ C'est, avec l'article de Nina Gourfinkel (GOURFINKEL 1929), une des premières publications sur le mouvement russe en France (sinon la première).

ne font absolument aucun doute et il doit être considéré comme une figure centrale du formalisme pétersbourgeois : il est de ceux qui sont pressentis pour participer au renouveau, resté lettre morte, du mouvement à la fin des années 1920. D'un autre côté, Tomaševskij a été un membre actif du Cercle linguistique de Moscou. Sans doute est-ce lui qui est le plus proche de la veine moscovite du formalisme, incarnée par Roman Jakobson, Grigorij Vinokur et Boris Jarxo : tous sont des spécialistes du vers¹⁸.

A la date du 3 mars 1927, Boris Ejxenbaum note dans son journal :

Не хватает времени и терпения записывать каждый день. Так и не записал, напр., нашего вечера с Мазоном – у меня на квартире, в воскресенье 6 февраля. Вечер вышел оживленный – вопреки моим ожиданиям. Сборище было редкое – 20 с лишним историков литературы и лингвистов нашего поколения, самые разные: Тынянов, Жирмунский, Виноградов, Искоз, Бернштейн, Ларин, Кржевский, Рындин, Мокульский, Смирнов, Оксман, Комарович, Якубинский, Шимкевич, Слонимский, Гуковский, Балухатый и др. Я сказал вступ. слово, потом по-французски читал Томашевский – о формалистах. Вечер превратился в своего рода «юбилей» Опояза. Вышло легко и весело¹⁹.

¹⁸ Cf. DEPRETTO 2018. La formule «veine moscovite du formalisme» est conventionnelle.

¹⁹ Fonds B. Ejxenbaum, РГАЛИ ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 245, л. 118. Ce sont effectivement des savants «les plus divers», mais que connaît pour la plupart Ejxenbaum : ils sont de sa génération ou un peu plus jeunes, travaillent pour la majorité d'entre eux à l'Institut d'Etat d'histoire des arts, sont romanistes pour certains et attachés au renouveau de leur discipline. Il y a des membres de l'Opojaz, Boris Tomaševskij, le théoricien, critique et romancier Jurij Tynjanov (1894–1943), les linguistes Sergej Bernštejn (1892–1970), Lev Jakubinskij (1892–1945). A leurs côtés, on trouve des «influencés» par le formalisme, comme le germaniste et comparatiste Viktor Žirmunskij (1891–1971), le linguiste et stylisticien Viktor Vinogradov (1894/95–1969), le pouchkiniste Konstantin Šimkevič (1887–1953), le linguiste Boris Larin (1893–1964), le spécialiste du XVIIIe siècle Grigorij Gukovskij (1902–1950). Vient ensuite un ensemble de savants sensibles aux questions d'analyse formelle : Aleksandr Slonimskij (1881–1964), auteur de *La technique du comique chez Gogol'*, le bibliographe Sergej Baluxatyj (1893–1945), les romanistes Aleksandr Smirnov (1883–1962), Boris Krževskij (1887–1954), le linguiste romaniste Mixail Ryndin (1882–1941), les spécialistes de Dostojevskij, Arkadij Dolinin (1880–1968) et Vasilij

Cette entrée fixe donc le souvenir d'une soirée privée, organisée par les philologues de Leningrad en l'honneur d'André Mazon, lors de son voyage en URSS au début de l'année 1927 qui s'est transformée en « jubilé de l'Opojaz » : l'exposé de Tomaševskij en français est sans doute l'ébauche de l'article de la *Revue des études slaves* : celui-ci porte, en effet, la mention « février 1927, Leningrad ».

Plusieurs mois plus tard, grâce au soutien de Mazon et du Comité français des relations scientifiques avec la Russie, Tomaševskij peut séjourner à Paris (avec son épouse) entre décembre 1927 et février 1928. Dans la capitale française, il fait au moins deux conférences, l'une le 20 janvier 1928 sur « Les débuts de Puškin et la poésie française » à l'amphithéâtre Descartes de la Sorbonne et l'autre sur l'école formelle à une date qu'il n'est pas possible pour l'instant d'établir avec précision. Une lettre de Marina Cvetaeva à Boris Pasternak, datée du 1er février 1928 en a cependant gardé la trace :

Из-за тебя я в первый раз выслушала – 1½ часовой доклад о формальном методе, из которого впервые узнала об Опоязе и несбывшемся каком-то Емельке (М.Л.К.), несколько хороших мыслей Шкловского [...] 20.

Ce n'est donc pas par hasard que les formalistes de Leningrad avaient organisé une soirée en l'honneur de Mazon : ce dernier avait manifesté son intérêt pour leurs travaux avant sa visite en URSS ; il s'était, entre autres, adressé à Tomaševskij en décembre 1925 (juste après avoir rédigé la recension du livre de Žirmunskij) pour lui demander un article sur les courants récents de la critique littéraire en Russie :

Глубокоуважаемый коллега!
[...] Не считали бы ли Вы [sic!] своевременным написать для *Revue des études slaves* статью синтетического характера о направлении молодой русской исторической литературной школы и, разумеется, о трудах

Komarovič (1894–1942), le spécialiste du théâtre Stefan Mokul'skij (1896–1960). Julian Oksman (1894/95–1970), historien du décembrisme et pouchkiniste est un ami proche de Tynjanov et surtout un pilier de la vie académique à Leningrad.

²⁰ ЦВЕТАЕВА, ПАСТЕРНАК 2004 : 466. Voir également ВОЙТЕХОВИЧ 2014.

этой школы? Такой очерк был бы для нас весьма интересен и полезен (размер не более 1 п.л.). Книга Жирмунского «Байрон и Пушкин» очень мне понравилась (я написал о ней рецензию в *Revue des études comparées*).

Уважающий Вас,

André Mazon²¹

Visiblement, la réponse est positive. A la date du 5 février 1926, il envoie au même destinataire ce nouveau message :

Mon cher collègue,

J'attends avec reconnaissance l'article que vous me proposez. Mais j'aimerais bien que les tendances des historiens actuels de la littérature russe y fussent formulées. J'aimerais bien aussi que l'article fut en français (je le polirais s'il est nécessaire). Merci pour votre magnifique édition de Dostoïevski [...] ²².

Voici ce que Tomaševskij avait écrit dans une lettre qui n'est malheureusement pas datée :

Cher Monsieur²³

Il y a huit jours que j'ai reçu Votre aimable lettre, mais en remettant la réponse d'un jour à l'autre ce n'est qu'aujourd'hui que je vous écris. La première cause de mon retard peu pardonnable c'est que tous ces jours-ci j'attendais les exemplaires du premier volume de Достоевский qui vient de paraître, – c'est-à-dire qui vient d'être imprimé et qui verra le jour dans peu. Hier enfin j'ai reçu un exemplaire que je vous ai expédié. Vous y

²¹ Lettre du 26 décembre 1925, Fonds Tomaševskij, РГБ, Ф. 645, carton 37, ed. xp. 35, л. 1. Je tiens à remercier tout particulièrement Vera Mil'čina pour son aide précieuse dans la recherche de ces matériaux.

²² La carte postale porte l'en-tête du Comité français des relations scientifiques avec la Russie, Archives Tomaševskij, Fonds Tomaševskij, РГБ, Ф. 645, carton 37, ed. xp. 35, л. 2.

²³ La lettre est reproduite intégralement dans son style d'origine sans indiquer systématiquement [sic] lorsqu'il y a une légère maladresse ; les passages ajoutés pour aider à la compréhension sont entre crochets carrés. Le cyrillique est celui du texte d'origine.

trouverez quelques données sur l'histoire du texte de Достоевский²⁴. Quant à votre proposition concernant un article sommaire pour la Revue des Etudes Slaves – je le ferai volontiers. Mais deux observations sont à faire : 1° je suis assez lent dans mes travaux littéraires et par ma façon d'écrire, et par le manque presque absolu du temps disponible ; 2° cet article ne sera pas un manifeste de l'école vu que le temps n'y est guère propice – la première période des batailles littéraires étant close on cherche de nouveaux problèmes à résoudre, on est fatigué de petits articles et de menus essais dont on se régalaient hier ; on rêve aujourd'hui aux recherches d'une plus grande portée que celles faites en but d'éprouver les nouvelles méthodes d'analyse. Or, rien encore n'est fait dans cette voie. Le temps de transition est le plus décevant. Cependant il est possible [de] faire un aperçu des ouvrages d'hier sans parler trop des intérêts d'aujourd'hui. Donc si Vous ne tenez pas beaucoup aux déclarations scientifiques et littéraires, et si en sus Vous m'accordez deux mois (c'est-à-dire huit jours de travail : je n'ai qu'un jour par semaine plus ou moins libre), je tâcherai d'écrire cet article.

Encore – n'ayant pas eu occasion de parler ni d'écrire français douze ans, ce n'est qu'en russe que je saurai m'exprimer correctement ; or toute traduction entraînant inévitablement des petites inexactitudes il sera désirable que je puisse voir la traduction en manuscrit, ou encore mieux en épreuve.

C'est à Paris que j'espérais [sic] faire Votre connaissance, mais probablement ça n'aura lieu qu'ici. La feuille du soir d'hier nous annonce Votre venue prochaine.

Agrérez, Monsieur, mes salutations sincères.

B. Tomachevsky²⁵

On peut sans doute considérer que cette lettre est antérieure à la carte de Mazon du 5 février 1926 (et postérieure au premier courrier de décembre 1925) : le savant a reçu le volume de l'édition de Dostoïevski, préparé par Tomaševskij (« Merci pour votre magnifique édition de Dostoïevski ») ; il lui propose de revoir son français (« je le polirais s'il est

²⁴ Il s'agit de l'édition en 13 tomes des œuvres complètes de F.M. Dostoïevskij (*Полное собрание художественных произведений*) réalisées sous la direction de Tomaševskij et dont la publication s'est échelonnée entre 1926 et 1930.

²⁵ IES, MAZ.8.22.61.

nécessaire »). Un élément peut sembler infirmer cette datation : l'annonce de « la venue prochaine » de Mazon en URSS, si l'on considère que le savant n'est arrivé en URSS que début 1927. Mais son voyage a très bien pu avoir été retardé. La précision « c'est à Paris que j'espérais faire Votre connaissance » fait allusion aux démarches, engagées par Tomaševskij pour se rendre à Paris, en compagnie de sa femme, ce qu'il pourra réaliser en décembre 1927²⁶.

Sur le fond, la lettre confirme ce que l'on sait de l'évolution du mouvement et montre que Tomaševskij partageait entièrement le point de vue des principaux membres du groupe : les années 1926–1927 sont considérées comme des années de transition où il faudrait passer d'articles programmatiques, d'essais à des études de fond, plus systématiques. Le savant est un peu sévère avec lui-même comme avec ses collègues parce que les formalistes ont déjà publié des travaux significatifs, mais sa lettre traduit bien les débats en cours pour approfondir les bases de la recherche, en intégrant, en particulier la dimension historique. On avait tendance jusqu'à présent à considérer le titre « La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie » comme le reflet de cette évolution ; cependant, cette façon de désigner le formalisme pourrait bien émaner de Mazon lui-même (cf. sa lettre du 26 décembre 1925 « о направлении молодой русской исторической литературной школы »).

La lettre est également intéressante d'un point de vue humain : Tomaševskij semble mettre en doute la sûreté de son français, en raison d'une dizaine d'années d'absence de pratique. Le lecteur voit qu'il n'en est rien et c'est en français qu'il a rédigé son article sur le formalisme : Mazon a peut-être fait quelques corrections de pure forme. Les archives de l'Institut comme de la revue ne contiennent malheureusement aucune trace du texte original qui aurait servi de base à la publication. Une autre précision laisse dubitatif : « je suis assez lent dans mes travaux littéraires ». On a de quoi être étonné quand on connaît sa prodigieuse capacité de travail, en particulier en matière d'édition : c'est sans doute pour lui une

²⁶ Si Tomaševskij réussit à venir, il n'en va pas de même pour Boris Ejxenbaum qui a également fait une demande, par l'intermédiaire du comité français des relations scientifiques avec l'URSS ; cf. sa lettre à Mazon, du 17/06/1930 (IES, MAZ.8.26.30).

manière détournée d'insister sur la lourdeur de ses conditions de vie (il précise d'ailleurs que cette lenteur est imputable au « manque presque absolu du temps disponible »).

Après Paris, l'exposé de Tomaševskij connaît un nouveau prolongement. Sur le chemin du retour vers Leningrad, le savant s'arrête à Prague où il prend la parole en français sur le formalisme devant le Cercle linguistique de Prague, le 7 février 1928. Parmi l'assistance on compte Roman Jakobson, Petr Bogatyrev, Nikolaj Trubeckoj, Al'fred Bem, Bohumil Trnka, Jan Rypka, Jan Mukařovský...²⁷ Un résumé en tchèque de cette intervention est publié par ce dernier dans *Časopis pro moderní filologii*, la même année, sans doute avant la sortie de l'article de *Revue des études slaves*²⁸.

Le fonds Mazon (IES) contient encore un échange de lettres avec Tomaševskij qui concerne un épisode significatif de leur collaboration. Le savant russe sollicite d'André Mazon pour les éditions d'Etat l'autorisation de publier en russe les poèmes en prose inédits de Turgenev que le slaviste français a découverts et publiés, avec leur traduction en français, confiée à Charles Salomon, en 1930, aux éditions de « La Pléiade »²⁹. Cette autorisation lui est volontiers accordée par Mazon, comme celle de publier en URSS son inventaire des manuscrits parisiens de Turgenev³⁰. Malgré

²⁷ Nikolaj Trubeckoj (Nicolas Troubetzkoy, 1890–1938) : linguiste, fondateur avec Jakobson de la phonologie. Emigré après la révolution, il est en poste à Vienne et assiste, quand il le peut, aux séances du CLP ; Jan Mukařovský (1891–1975) : critique et théoricien de la littérature, un des initiateurs du CLP ; Bohumil Trnka (1895–1984) : linguiste et germaniste, une des figures centrales du CLP ; Jan Rypka (1886–1968) : linguiste et orientaliste ; Al'fred Bem (1886–1945 ?) : spécialiste de littérature, émigré à Prague après la révolution, membre du CLP.

²⁸ Tomaševskij 1928a. On ne peut dire si la traduction effectuée par Mukařovskij correspond à un autre texte, plus court que l'article de la *Revue des études slaves* ou s'il s'agit d'une synthèse. Si le plan suivi est identique, il y a des différences qui suggèrent une intervention du savant tchèque, plus sensible à certaines idées qu'à d'autres. A ce sujet, voir CIRAC 2021 : 429–447 et 758–761 (la traduction en français du texte tchèque).

²⁹ Lettre manuscrite en russe du 18 mars 1930 (IES, MAZ. 8.26.8).

³⁰ Copie dactylographiée en français du 28 mars 1930 (IES, MAZ. 8.26.10). De façon significative, si l'inventaire des Manuscrits parisiens de Turgenev est publié en 1930 chez H. Champion, l'éditeur attiré de l'IES, il fait partie de la collection « Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad », ce qui montre la continuité avec l'Institut français

une nouvelle lettre dactylographiée en français de Tomaševskij qui fait état de difficultés dans les négociations, les deux ouvrages, paraissent effectivement en Union soviétique, en 1931³¹. Dans sa nécrologie très élogieuse du savant russe, Mazon rappellera cet épisode, de même que la publication de l'article sur le formalisme en 1928 (MAZON 1957).

« Racine en Russie au XVIIIe » de Grigorij Gukovskij (1927) : la médiation de Viktor Žirmunskij

Une lettre de Viktor Žirmunskij (1891–1971) adressée à Mazon complète le tableau des contacts du savant français avec les formalistes. Elle est manuscrite, écrite en français et datée du 8 mars 1926.

Monsieur,

Ayant appris de Mr Boris Tomachewski [sic] que vous prenez intérêt au nouveau mouvement (dit « formalistique ») dans la science littéraire en Russie, je me permets de vous faire parvenir de la part de l'Institut des Beaux-Arts³² à Pétersbourg (Leningrad) un petit volume, apparût [sic] dernièrement sous le titre « Poétique » et contenant quelques nouveaux articles sur ces questions. A la fin de ce livre vous trouverez un compte rendu (pour les années 1923–25) des travaux scientifiques de la Section Littéraire de l'Institut, qui réunit en ce moment la plus part [sic] des représentants des nouvelles tendances de notre science. Dans un autre volume de date plus ancienne (« Задачи и методы изучения искусств ») se trouve un compte rendu pour les trois années précédentes (1921–1923), ainsi qu'un article général (dont je suis l'auteur) sur les questions qui nous occupent en Russie dans les derniers temps. Si vous trouvez dans la liste des Travaux de notre Institut, adjointe à ces deux livres, quelques numéros

d'avant la guerre et la révolution : c'est dans cette même collection que Mazon avait publié ses deux thèses, comme son *Lexique*.

³¹ Lettre dactylographiée en français du 28 avril 1930 (IES, MAZ. 8.26.16). Il s'agit de И.С. Тургенев, *Стихотворения в прозе*, éd. annotée et présentée par В. Томаševskij (М. : Academia, 1931) et *Парижские рукописи И.С. Тургенева*, traduction du français par Ju. Gan, éd. préparée par В. Томаševskij (М. ; L. : Academia, 1931).

³² Il s'agit de l'Institut d'Etat d'histoire des arts (Gosudarstvennyj institut istorii iskusstv), fondé par le comte V.P. Zubov (1884–1969) et nationalisé après la révolution, où dans les années 1920 enseignaient la plupart des formalistes russes.

qui pourraient avoir pour vous un intérêt spécial, nous nous ferons le plaisir de vous les faire parvenir de la part de l'Institut.

Permettez moi, Monsieur, de mon côté d'abuser de votre complaisance. Mr Tomachewski m'a fait connaître, que vous avez eu la bonté d'écrire un article critique sur mon livre « Byron et Pouchkine » dans la « Revue de littérature comparée ». Je vous serais très obligé, si vous vouliez bien me faire parvenir cet article. Le fait est, que jusqu'à aujourd'hui nos bibliothèques scientifiques ne reçoivent les revues étrangères que très irrégulièrement, et il pourraient [sic] très bien se passer quelques mois, avant que je ne trouve la possibilité de me procurer le numéro en question.

Agréez, Monsieur, l'expression de mes sentiments respectueux.

Victor Girmounsky [sic]

Professeur des langues et littératures germaniques à l'Université de Pétersbourg (Leningrad), Chef de la section littéraire de l'Institut des Beaux-arts³³

Cette lettre dont le style traduit bien le goût de la précision, un certain « académisme », caractéristiques de Žirmunskij, montre également qu'il restait fidèle aux anciennes appellations dont Pétersbourg ou Institut des Beaux-arts. La date de cette missive coïncide bien, en outre, avec celle des deux courriers adressés par Mazon à Tomaševskij. Une question demeure : pourquoi Mazon n'a-t-il pas demandé un article sur le formalisme à Žirmunskij, mais à Tomaševskij ? Le connaissait-il déjà personnellement ?

Une seconde lettre de Žirmunskij du 12 avril 1926 signale l'envoi des ouvrages demandés par le savant français et lui recommande pour publication les travaux de Grégoire Goukovski (Grigorij Gukovskij), alors proche des formalistes et leur étudiant à l'Institut d'Etat d'histoire des arts³⁴. La lettre sera suivie d'effet : Mazon a ajouté de sa main « accepté art.

³³ IES, MAZ.8.22.16. La lettre est reproduite dans son intégralité. De la main de Mazon est précisé : « répondu le 16 mars 1926 ». Cette correspondance explique en partie la richesse de la Bibliothèque de l'Institut d'études slaves en matière de publications formalistes. Sur la position spécifique du savant, voir par exemple : COMTET 2007.

³⁴ IES, MAZ. 8.22.22. Dès cette époque Gukovskij commence néanmoins à se démarquer des formalistes et propose bientôt une variante académique de marxisme dans l'étude de la littérature russe classique (XVIIIe - première moitié du XIXe). Il est un des enseignants les plus populaires de l'université de Leningrad dans les années 1930, mais est

de Goukovski ». L'année suivante, dans les deux fascicules de 1927, le jeune chercheur publie successivement « Racine en Russie au XVIIIe siècle : la critique et les traducteurs » et « Racine en Russie au XVIIIe siècle : les imitateurs »³⁵. Auparavant, pour faire connaître son travail, ce dernier avait adressé à Mazon son étude « sur la poésie russe du XVIIIe siècle » parue dans le « *Zeitschrift* de Max Vasmer », ainsi qu'en témoigne sa carte du 10 juin 1926³⁶.

* * *

Ces quelques épisodes de collaboration entre André Mazon et la jeune génération philologique russe correspondent assez exactement au moment de la reprise des échanges scientifiques entre la France et l'URSS, dans les années 1926–1928. La période est scandée par deux temps forts, le voyage de Mazon en URSS en janvier–mars 1927 et le séjour de Boris Tomaševskij à Paris en décembre–janvier 1928.

Malgré une conception traditionnelle des études littéraires, Mazon a su être réceptif aux tendances novatrices qui s'affirmaient en Russie soviétique. Cependant, il ne partageait sans doute pas les pétitions de principe les plus radicales du formalisme et il ne saurait être question de parler d'une quelconque influence de leur part dans sa façon d'aborder la littérature. L'ouvrage de Žirmunskij dont il fait un compte rendu élogieux est une étude comparatiste assez classique ; les deux articles de Gukovskij sur l'influence de Racine, publiés dans la *Revue des études slaves* sont essentiellement descriptifs. Ce qu'il demande à Tomaševskij est une sorte de mise au point historiographique.

Dans ces quelques interlocuteurs liés à des degrés divers au formalisme il voyait avant tout de bons savants, représentant le meilleur de la

arrêté en 1949 dans le cadre de « l'affaire de Leningrad » et décède en prison en 1950. Sur ses travaux des années 1920, cf., entre autres, ЖИВОВ 2001.

³⁵ GUKOVSKIJ 1927 ; GUKOVSKIJ 1927a. Les articles sont datés de « Leningrad, janvier 1927 » ; ils sont en français sans indication de traducteur. Visiblement il n'en existe pas de traduction en russe ; ils ont été reproduits tels quels dans ГУКОВСКИЙ 2001: 329–367.

³⁶ IES, MAZ. 8.22.33. Il s'agit de GUKOVSKIJ 1925. L'article se trouve à la Bibliothèque de l'Institut d'études slaves.

philologie russe. Appartenant à sa génération ou plus jeunes d'une dizaine d'années, ils avaient, pour la plupart, fait leurs études à la faculté des lettres de Saint-Pétersbourg avant la Révolution³⁷ et avaient suivi le séminaire de Semen Vengerov sur Puškin. Ils avaient reçu une excellente formation ; c'étaient de grands érudits, d'excellents bibliographes et des éditeurs exigeants. L'intérêt prédominant qu'ils accordaient à la forme les tenait éloignés de ce qui était sans doute le plus détestable à ses yeux, la politisation des études littéraires et la généralisation des approches sociologiques dans l'URSS des années 1920.

Son admiration pour les forces vives de la philologie pétersbourgeoise était profonde, ainsi qu'en témoigne ce passage d'une lettre de Roman Jakobson, adressée de Prague le 1er avril 1927 à Grigorij Vinokur, resté à Moscou :

Здесь был проездом из СССР в Париж Мазон. Он рассказывает много интересного о русской филологической жизни, при чем обнаруживает большую наблюдательность. С восхищением говорит об интенсивном научном творчестве и о высокой культурности молодых питерских ученых (ГИНДИН 1996: 106).

³⁷ Cela concerne en particulier Ejxenbaum et Žirmunskij, deux purs produits de l'université de Saint-Pétersbourg. Tomaševskij avait une formation d'ingénieur, reçue en Belgique, mais, de retour en Russie, il avait vite rattrapé son retard et passait, dès les années 1920, pour un philologue de premier plan dont la culture mathématique était un formidable atout pour les études métriques.

Lettre de Petr Bogatyrev à André Mazon du 22 mai 1929, Archives André Mazon,
tous droits réservés : Institut d'études slaves, Paris.

22
V 1929. Глубокоуважаемый
господин профессор!
Позвольте обратиться к Вам с
большой просьбой: не будете ли Вы
так добры выслать, как обещали
дело в типографии с иллитативной
моей книги. Типография, как Вы
любезно сообщили мне в откровение
от Наиред, обещала прислать мне
корректуру не так через две, а, сле-
довательно, корректура эта должна
была быть у меня в конце апреля.
Не было ли какого недоразумения
при пересылке? Простите за недо-
следливость. Я позволю побеспокоить
Вас еще теперь, т. к. полагаю,
что Вы ~~уже~~ скоро увидите из

из Париза, и тогда мне не
к кому будет обратиться с этой
просьбой.

Я пишу, что на днях выйдем
сборник, посвященный голландскому
профессору Шкрийнен, где должна
быть помещена статья, напи-
санная совместно П. О. Яковсоном
и мною, — "Фольклор, как особый
вид творчества". Как только по-
лучим от тиски, сохотел бы
домом переслать ^{офисе} Вам.

Еще раз прошите за несоко-
ство.

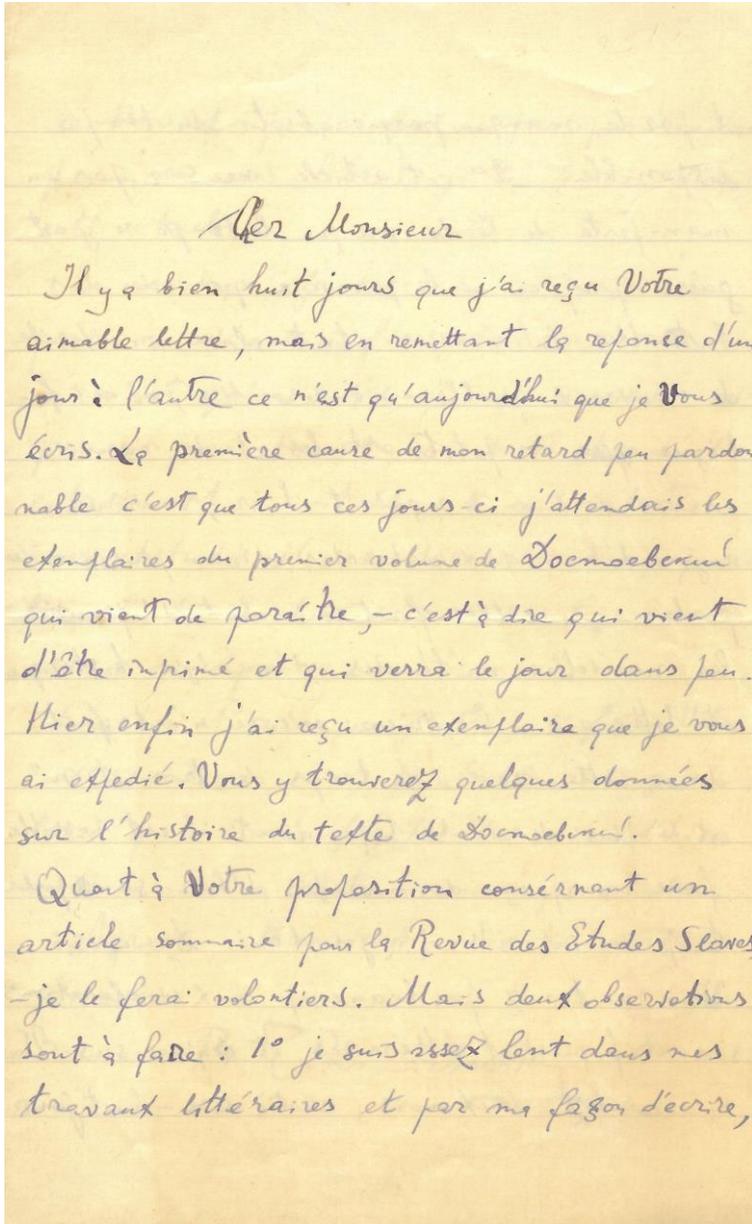
Укрепно передаю Вам

П. Богатырев

П. О. Яковсон имеет почтовый ящик № 115.

Прага VII Bělského č. 16^{II}

Lettre de Boris Tomaševskij à André Mazon, datation probable début 1926, Archives André Mazon, tous droits réservés : Institut d'études slaves, Paris.

 A handwritten letter on aged, yellowed paper with horizontal lines. The handwriting is in cursive. The letter is addressed to 'Monsieur' and discusses the delay in receiving a copy of a book, 'Soemoebenu', and the author's willingness to write an article for the 'Revue des Etudes Slaves'.

Monsieur

Il y a bien huit jours que j'ai reçu votre aimable lettre, mais en remettant la réponse d'un jour à l'autre ce n'est qu'aujourd'hui que je vous écris. La première cause de mon retard peu pardonnable c'est que tous ces jours-ci j'attendais les exemplaires du premier volume de Soemoebenu qui vient de paraître, - c'est à dire qui vient d'être imprimé et qui verra le jour dans peu. Hier enfin j'ai reçu un exemplaire que je vous ai expédié. Vous y trouverez quelques données sur l'histoire du texte de Soemoebenu.

Quant à votre proposition concernant un article sommaire pour la Revue des Etudes Slaves, - je le ferai volontiers. Mais deux observations sont à faire : 1° je suis assez lent dans mes travaux littéraires et par ma façon d'écrire,

et par le manque presque absolu du temps disponible; 2° cet article ne sera pas un manifeste de l'école vu que le temps n'y est guère propice — la première période des batailles littéraires étant close on cherche de nouveaux problèmes à résoudre, on est fatigué ~~par~~ de petits articles et de menus essais dont on se regalaît hier; on rêve aujourd'hui aux recherches d'une plus grande portée que celles faites en but d'éprouver les nouvelles méthodes d'analyse historique et littéraire. Or, rien encore n'est fait dans cette voie, le temps de "transition" est le plus décevant. Cependant il est possible faire un aperçu des ouvrages d'hier sans parler trop des intérêts d'aujourd'hui. Donc si Vous ne tenez pas beaucoup aux déclarations scientifiques et littéraires, et si en sus Vous m'accordez deux mois (c'est à dire — huit jours

de Bivarad : je n'ai qu'un jour par semaine
plus ou moins libre), je tâcherai d'écrire
cet article.

Encore - n'ayant pas eu occasion de
parler ni d'écrire français deux ans,
ce n'est qu'en russe que je saurai m'ex-
primer correctement; or toute traduction
entraînant inévitablement des petites
inexactitudes il sera désirable que je puisse
voir la traduction en manuscrit, ou encore
mieux en épreuve.

C'est à Paris que j'espérais faire votre
connaissance, mais probablement ce n'aura
lieu qu'ici. La feuille du soir d'hier
nous annonce votre venue prochaine.

Agissez, Monsieur, mes salutations
sincères.

B. Zhonachevsky

Lettre de Viktor Žirmunskij à André Mazon du 8 mars 1926, Archives
André Mazon, tous droits réservés : Institut d'études slaves, Paris.

Répondre le 16 mars 1926 8. III. 1926.

Monsieur,

Ayant appris de Mr. Boris Tomachevski que vous prenez intérêt au nouveau mouvement (dit "formaliste") dans la science littéraire en Russie, je me permets de vous faire parvenir de la part de l'Institut des Beaux Arts (à Pétersbourg) un petit volume, apparu dernièrement sous le titre de "Poétique" et contenant quelques nouveaux articles ^{sur} ces questions. Et la fin de ce livre vous trouverez un compte rendu (pour les années 1923-25) des travaux scientifiques de la Section Littéraire de l'Institut, qui réunit en ce moment la plus part des représentants des nouvelles tendances dans notre science. Dans un autre volume de date plus ancienne ("Загари и рукописи древних рукописей") se trouve un compte rendu pour les trois années précédentes (1921-23), ainsi qu'un article général (dont je suis l'auteur) sur les questions qui nous occupent en Russie dans le

dernier temps. Si vous trouvez dans la liste des travaux
 de votre Institut, adjointe à ces deux livres, quelques
 numéros qui pourraient avoir pour vous un inté-
 rêt spécial, nous vous ferons le plaisir de vous
 les faire parvenir de la part de l'Institut.
 Permettez moi, Monsieur, de mon côté d'abuser
 de votre complaisance. Mr. Tomachevski m'a fait
 connaître, que vous avez eu la bonté d'écrire un
 article critique sur mon livre « Byriou et Pouch-
 kine » dans la « Revue de littérature comparée ». Je
 vous serais très obligé, si vous vouliez bien me faire
 parvenir cet article. de fait est, que jusqu'aujourd'hui
 nos bibliothèques scientifiques ne reçoivent les
 revues étrangères que très irrégulièrement, et il
 pourra très bien se passer quelques mois, avant
 que je ne trouve la possibilité de me procurer le numéro
 en question.
 Agréés, Monsieur, l'assurance de mes sentiments respectueux
 Victor Gerasimovskij
 Professeur de langues et littératures germaniques à l'Université de Moscou (Leningrad)
 Chef de la Section Littéraire de l'Institut des Beaux-Arts.

Adresse: Leningrad (Russie), Kasanskaja 33
 Prof. B. M. Gerasimovskij, Leninskipad,
 Kasanskas 33.

Littérature

- AUCOUTURIER 1994 – Aucouturier M. *Le Formalisme russe*. Paris : PUF, 1994 (Que sais-je ?; 2880).
- BOGATYREV 1926 – Bogatyrev P. Les apparitions et les êtres surnaturels dans les croyances populaires de la Russie subcarpathique // *Le Monde slave*. 1926. Vol. 3. N° 7. P. 33–54.
- BOGATYREV 1926a – Bogatyrev P. Les jeux dans les rites funéraires de la Russie subcarpathique // *Le Monde slave*. 1926. T. 4. N° 11. P. 196–224.
- BOGATYREV, JAKOBSON 1929 – Bogatyrev P., Jakobson R. Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens // *Donum Natalicium Schrijnen. Verzameling van opstellen door oud-leerlingen en bevriende vakgenooten opgedragen aan Mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen bij gelegenheid van zijn zestigsten verjaardag, 3 Mei 1929*. Nijmegen; Utrecht: N.V. Dekker & Van de Vegt, 1929. P. 900–913.

- BREUILLARD 2004 – Breuillard J., Fougeron I., Fougeron G. Préface // Karcevski S. *Système du verbe russe [1927]*. Paris : IES, 2004. P. VII–XXII.
- BREUILLARD 2011 – Breuillard J. Mazon linguiste // *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. N° 1 (André Mazon et les études slaves). P. 11–54.
- CIRAC 2021 – Cirac S. *Al'fred Ljudvigovič Bem. De Saint-Pétersbourg à Prague : parcours d'un philologue russe en exil (1908–1945)*. Thèse soutenue à Sorbonne université. Paris, 2021.
- COEURE 2004 – Coeuré S. La langue russe et la 'carte mentale' de l'Europe au 20e siècle // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2004. N° 76. P. 27–33.
- COEURE 2010 – Coeuré S. Documentation et géopolitique : la BDIC de la Russie à l'URSS et retour (1917–1991) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2010. N° 100. P. 21–31.
- COMTET 2007 – Comtet R. Viktor Maksimovitch Jirmounski et le formalisme // *Slavica occitania*. 2007. N° 25. P. 205–224.
- DEPRETTO 2009 – Depretto C. *Le formalisme en Russie*. Paris : IES, 2009.
- DEPRETTO 2018 – Depretto C. Formalisme et poétique. Boris Tomaševskij, le formaliste oublié // *Communications*. 2018. N° 103. P. 107–118.
- ERLICH 1955 – Erlich V. *Russian Formalism : History, Doctrine*. 's-Gravenhage: Mouton, 1955.
- GALMICHE 2020 – Galmiche X. Cotes mal taillées ? La nomenclature de la Bibliothèque de l'Institut d'études slaves // *Revue des études slaves*. 2020. Vol. 91. N° 1–2 (Paris 1921 : l'Institut d'études slaves, acteur de la slavistique). P. 65–82.
- GOURFINKEL 1929 – Gourfinkel N. Les nouvelles méthodes d'histoire littéraire en Russie // *Le Monde slave*. 1929. Vol. 1. N° 2. P. 234–263.
- GUKOVSKIJ 1925 – Gukovskij G. Von Lomonosov bis Deržavin // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1925. Bd. 2. N° 3–4. P. 323–365.
- GUKOVSKIJ 1927 – Gukovskij G. Racine en Russie au XVIIIe siècle : la critique et les traducteurs // *Revue des études slaves*. 1927. Vol. 7. N° 1–2. P. 75–93.
- GUKOVSKIJ 1927a – Gukovskij G. Racine en Russie au XVIIIe siècle : les imitateurs // *Revue des études slaves*. 1927. Vol. 7. N° 3–4. P. 241–263.

- JAKOBSON 1920–1921 – Jakobson R. Vliv revoluce na ruský jazyk (Poznamky ke knize André Mazona, Lexique de la guerre et de la révolution en Russie) // *Nové Atheneum*. Praha, 1920–1921. Vol. 2. P. 110–114, 200–212, 250–255, 310–318.
- JOHANNET 1967 – Johannet J. Nécrologie // *Le Monde*. 1967. 15 juillet.
- MARES 2011 – Marès A. André Mazon, un slaviste au XXe siècle : profil politique d'un savant // *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. N° 1 (André Mazon et les études slaves). P. 69–94.
- MAZON 1923 – Mazon A. Chronique : Publications : Tchéque et Slovaque // *Revue des études slaves*. 1923. Vol. 3. N° 1–2. P. 144–147.
- MAZON 1926 – Mazon A. Chronique : Publications : Tchéque et Slovaque // *Revue des études slaves*. 1926. Vol. 6. N° 1–2. P. 128–134.
- MAZON 1926a – Mazon A. [Recension de l'ouvrage de Viktor Žirmunskij, Byron et Puškin, Leningrad, 1924] // *Revue de littérature comparée*. 1926. Vol. 6. P. 170–174.
- MAZON 1930 – Mazon A. Chronique : Publications : Russe // *Revue des études slaves*. 1930. Vol. 10. N° 1–2. P. 103–120.
- MAZON 1946 – Mazon A. Nécrologie : [Grigorij Lozinskij] // *Revue des études slaves*. 1946. Vol. 22. N° 1–4. P. 301–302.
- MAZON 1957 – Mazon A. Nécrologie : [Boris Tomaševskij] // *Revue des études slaves*. 1957. Vol. 34. N° 1–4. P. 410–413.
- MAZON, JAKOBSON 2017 – Mazon A., Jakobson R. *La langue russe, la guerre et la révolution* / Sous la direction de C. Depretto et S. Archaimbault. Paris : Eur'orbem éditions, 2017.
- MAZUY 2002 – Mazuy R. La décennie scientifique franco-soviétique de 1934 // *Cahiers du monde russe*. 2002. Vol. 43. N° 2–3. P. 441–448.
- MERRILL 2022 – Merrill J. *The Origins of Russian Literary Theory: Folklore, Philology, Form*. Evanston (Ill.) : Northwestern UP, 2022.
- NIQUEUX 2013 – Niqueux M. Lettres d'André Mazon aux savants russes (1910–1919) : des recherches sur Ivan Gončarov à la prison // *Revue des études slaves*. 2013. Vol. 84. N° 1–2. P. 265–285.
- PUEYO 2020 – Pueyo B. La bibliothèque d'études slaves. Sur les traces de ses premiers bâtisseurs // *Revue des études slaves*. 2020. Vol. 91. N° 1–2 (Paris 1921 : l'Institut d'études slaves, acteur de la slavistique). P. 83–99.

- RJEOUTSKI 2011 – Rjéoutski V. André Mazon et les relations scientifiques franco-soviétiques (1917–1939) // *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. № 1 (André Mazon et les études slaves). P. 95–113.
- ROUDET 2011 – Roudet R. Mazon et le Slovo d'Igor // *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. № 1 (André Mazon et les études slaves). P. 55–67.
- STEINER 1984 – Steiner P. *Russian Formalism: a metapoetics*. Ithaca; London: Cornwell UP, 1984.
- TCHOUGOUNNIKOV, TRAUTMANN-WALLER 2012 – *Petr Bogatyrev et les débuts du Cercle de Prague* / éd. S. Tchougounnikov, C. Trautmann-Waller. Paris: Presses de la Sorbonne-Nouvelle, 2012.
- TOMAŠEVSKIJ 1928 – Tomaševskij B. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // *Revue des études slaves*. 1928. Vol. 8. № 3–4. P. 226–240.
- TOMAŠEVSKIJ 1928a – Tomaševskij B. Nová ruská škola v badání literárně-historickém. Prosloveno po francouzsku v schůzi Pražského lingvistického kroužku dne 7. února 1928 / Z rukopisu autorova přeložil J. Mukařovský // *Časopis pro moderní filologii*. 1928. Roč. 15. Seš. 1. P. 12–15.
- TRAUTMANN-WALLER 2012 – Trautmann-Waller C. Bogatyrev à Prague et la genèse transnationale du structuralisme // TCHOUGOUNNIKOV, TRAUTMANN-WALLER 2012 : 73–91.
- TROUBETZKOY 2006 – Troubetzkoy N.S. *Correspondance avec Roman Jakobson et autres écrits* / éd. établie par P. Sériot. Lausanne : Payot, 2006.
- VAILLANT 1969 – Vaillant A. Nécrologie // *Revue des études slaves*. 1969. Vol. 48. № 1–4. P. 6–10.
- ZENKINE 2018 – Zenkine S. *La forme et l'énergie. L'esthétique du formalisme russe*. Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise Pascal, 2018.
- БАРАНКОВА 1999 – Баранкова Г.С. К истории Московского лингвистического кружка : материалы из рукописного отдела Института русского языка // *Язык. Культура. Гуманитарное знание : научное наследие Г.О. Винокура и современность*. М.: Научный мир, 1999. С. 361–382.
- БОГОМОЛОВ 2015 – Богомолов Н. В книжном углу – 14 // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 131. С. 391–396.

- ВОЙТЕХОВИЧ 2014 – Войтехович Р.С. Марина Цветаева и формалисты // *Бриковский сборник 2*. М.: Азбуковник, 2014. С. 121–128.
- ГИНДИН 1996 – Друзья в жизни оппоненты в науке. Переписка Г.О. Винокура и Р.О. Якобсона / Ред. С.И. Гиндин, Е.А. Иванова // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 21. С. 59–112 (Вступ. ст.: С. 59–70).
- ГУКОВСКИЙ 2001 – Гуковский Г. *Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века* / Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001.
- ДМИТРИЕВ 2020 – Дмитриев А. Борис Томашевский – рецензент: в лаборатории формального метода // *Revue des études slaves*. 2020. Vol. 91. № 4. С. 507–520.
- ЖИВОВ 2001 – ЖИВОВ В. XVIII век в работах Гуковского, не загубленных советским хроносом // ГУКОВСКИЙ 2001. С. 7–35.
- КРУСАНОВ 2003 – Крусанов А.В. *Русский авангард 1907–1923: исторический обзор. Т. 2: Футуристическая революция, 1917–1921*. М.: Новое лит. обозрение, 2003. Кн. 1.
- ПИЛЬЩИКОВ 2017 – Пильщиков И. Заседание московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves*. 2017. Vol. 88. № 1–2. Р. 151–175.
- СОРОКИНА 2015 – Сорокина С.П. П.Г. Богатырев-исследователь фольклорного театра // *Неизвестные страницы русской фольклористики* / Ред. А.Л. Топорков. М.: Индирк, 2015. С. 142–165.
- ТОПОРКОВ 2015 – Топорков А.Л. Русские формалисты и изучение театра; Фольклорные темы на заседаниях МЛК // *Неизвестные страницы русской фольклористики* / Ред. А.Л. Топорков. М.: Индирк, 2015. С. 38–55; 56–141.
- ЦВЕТАЕВА, ПАСТЕРНАК 2004 – *Марина Цветаева – Борис Пастернак. Письма 1922–1936 годов* / Ред. Е.Б. Коркина, И.Д. Шевеленко. М.: Вагриус, 2004.
- ШАПИР 2001 – Шапир М.И. Московский лингвистический кружок (1915–1924) // *Российская наука на заре нового века*. М.: Научный мир, Природа, 2001. С. 457–464.
- ШИТЦ 1991 – Шитц И. *Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931)*. Paris: YMCA-Press, 1991.

ФЕДОР ПОЛЯКОВ
Universität Wien
fedor.poljakov@univie.ac.at

**МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И
ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА ГОРЛИНА ИЗ АРХИВА
INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES (ПАРИЖ). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(№ 1–5)¹**

Abstract

“Materials pertaining to the life and works of Mikhail Gorlin from the archive of the *Institut d'études slaves* (Paris). Part 1 (№ 1–5)”. The publication features some of the heretofore unknown materials on the history of Russian literature in exile from the archive of the *Institut d'études slaves* (Paris). These documents are related to Mikhail Gorlin (1909–1942), a poet, scholar, and employee of the Institute, who worked there until the repressions following the occupation of France in 1940, which eventually led to his murder at Auschwitz in 1942. The article presents some documents shedding light on Mikhail Gorlin’s creative and translation projects from his pre-Paris years (early 1930s), and in particular two letters from Gaito Gazdanov, a contract for the translation of Evgenii Zamiatin’s play, a project for Gorlin’s translation of “Armored Train

¹ Благодарим директора Institut d'études slaves (IES) Hélène Mélat за возможность публикации материалов, хранящихся в Институте и представляющих собой его собственность, защищенную копирайтом. Наша искренняя благодарность архивисту Института Nathalie Lerebouillet, оказавшей нам существенную поддержку для изучения архивных коллекций в самых благоприятных условиях. В публикации использованы преимущественно материалы из собрания Fonds Raïssa Bloch / Michel Gorlin. Также благодарим Игоря Лощилова (Новосибирск), Елену Папкову (Москва), Владимира Хазана (Иерусалим) за различные справки и комментарии.

14,69” by Vsevolod Ivanov and Ivanov’s letter to Gorlin, and finally a parting message by Sofiia Pregel. The published documents are accompanied by brief literary-historical and biographical annotations.

Keywords

Mikhail Gorlin, Gaito Gazdanov, Evgenii Zamiatin, Vsevolod Ivanov, Sofiia Pregel’, Russian emigré literature, the archives of the Russian emigration, “Russian Berlin”

Аннотация

В публикации дается издание некоторых до сих пор не известных материалов по истории русской литературы в эмиграции, связанных с личностью поэта и филолога Михаила Генриховича Горлина (1909–1942) из его фонда, сохранившегося в архиве Славянского института в Париже. Этот институт стал местом работы Горлина вскоре после его приезда из Берлина в 1933 г. и вплоть до репрессий после оккупации Франции в 1940 г., которые привели к его гибели. Мы отобрали несколько документов, характеризующих литературные и переводческие планы Горлина в Берлине начала 1930-х годов, в том числе письма к нему Гайто Газданова, отношения с Евгением Замятиным, проект перевода пьесы Всеволода Иванова, напутственное послание Софии Прегель. Изданные тексты сопровождаются кратким историко-литературным и биографическим комментарием.

Ключевые слова

Михаил Горлин, Гайто Газданов, Евгений Замятин, Всеволод Иванов, София Прегель, русская литература эмиграции, архивы русской эмиграции, «русский Берлин»

Настоящая публикация предваряет издание корпуса документов, относящихся к поэту и историку литературы Михаилу Горлину (11/23 июня 1909, С.-Петербург – 5 сентября 1942, Аушвиц), к его

связям с академическим сообществом и кругами русской эмиграции в Берлине и Париже, а также к традиции билингвальной поэзии. Сохранившийся в собрании парижского Institut d'études slaves архив Михаила Горлина и Раисы Блох невелик по объему, но обстоятельства биографии автора едва ли предполагают какую-то иную возможность, чем разрозненные свидетельства об этой разбитой жизни в документах и текстах. Даже при столь неполной, казалось бы, фактографической основе парижский фонд Горлина и Блох предоставляет, как мы увидим, ценнейшие биографические материалы. Ниже приводится несколько неизвестных источников, где отражены занятия и размышления Горлина, когда он готовился перебраться из Берлина в Париж. Горлин не смог выйти на путь спасения, который сулило переселение за океан, но, как свидетельствуют материалы парижского архива, намеченные для следующей публикации, такие планы обсуждались задолго до того, как была сделана попытка приглашения его в Нью-Йорк в 1941 г. после оккупации Франции (ПОЛЯКОВ 2012).

№ 1–2

Два письма Гайто Газданова к Михаилу Горлину (1930)

Один из ранних отзывов о романе «Вечер у Клэр», принадлежавший перу выдающегося переводчика и библиографа Артура Лютера (LUTHER 1929/30: 740–744), был опубликован в немецком журнале *Osteuropa*. Этот журнал издавался при участии непосредственного университетского окружения Горлина и сам он в нем несколько раз печатался, так что сведения о книге могли попасть к нему из нескольких источников. В четвертом номере литературного приложения к газете *Рувль* «Тарантас. Вестник поэзии и беззлобной критики» Горлин напечатал «Похвальное слово Гайто [*sic*] Газданову» в форме письма к автору романа (ГОРЛИН 1930; ГАЗДАНОВ 2009: 387–388), не будучи, как выясняется из их последующей переписки, знакомым с ним. В архиве Горлина сохранились два письма Газданова (автографы), касающиеся преимущественно этого эпизода.

30/IV 30 Париж

Дорогой г[осподи]н Горлин,
 сердечно Вас благодарю за Ваше милое письмо, напечатанное в «Руле» и за Ваше ко мне обращение, которому я очень рад. Ваши стихи заинтересовали меня – в частности тем, что я нигде до сих пор ничего такого или похожего не читал – а это уже очень много. Я передам их завтра в «Числа». Не могу Вам ничего обещать категорически, т. к. я к «Числам» имею очень косвенное отношение², но сделаю все, что смогу. Надеюсь, что если не все, то хоть часть можно будет напечатать. Мне лично больше всего понравилась «Жизнь и смерть одного моего знакомого». Благодарю Вас за посвящение мне «Мексики»³, это очень лестно, и я с удовольствием его принимаю.

Что касается чтения отрывков из моего романа по-немецки – пожалуйста, читайте, что хотите. Я не знаю, не слишком ли Вы оптимистичны, когда думаете, что оно может иметь практические результаты. Впрочем, Вам виднее. Я был бы удивлен, если бы это случилось: немцам, по-моему, роман не должен понравиться. Но если, паче чаяния, будет что-нибудь в этом роде – не откажите в любезности направить предложение переговоров не мне и не Поволоцкому, а моей тетке, которая завед[ует] правами немецкого перевода. Ее адрес – Baronin von [sic] der Pahlen, Sternwarte, Potsdam⁴. Если будете мне писать – не пишите на адрес Поволоцкого – а пишите непосредственно. Да, еще одна просьба: не можете ли Вы прислать мне номер «Руля» с Вашим письмом? Я был бы Вам признателен. У меня один есть, присланный Редакцией, но он очень в растрепанном виде. Таким его доставили.

Жму Вашу руку.

Гайто Газданов

² См. подробнее: МОКРОУСОВ 2008.

³ Стихотворение «Мексика моего детства» было опубликовано позднее, в 1932 г. (ГОРЛИН 1932; перепечатано в кн.: ГОРЛИН 1936: 16; БЛОХ, ГОРЛИН 1959: 75). Оно известно с несколькими вариантами в конце текста (РОЦЬЯКОВ 2005: 226–227); в печатных версиях посвящения Газданову нет.

⁴ Указание в адресе на обсерваторию (Sternwarte) подтверждает, что речь идет о Лидии (Лише), урожденной Абациевой, которая была замужем за профессором астрономии Emanuel von der Pahlen, с 1920 г. работавшего в Потсдаме, и состояла в родстве с матерью Газданова Верой Николаевной, также урожденной Абациевой.

5/V 30 Париж

Уважаемый г[осподи]н Горлин,
я очень надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии за то беспокойство, которое я Вам причиняю. Если моя просьба покажется Вам обременительной, пожалуйста не стесняйтесь написать мне это откровенно. Я Вас просил прислать мне номер или два «Руля» с Вашим письмом. Теперь я прошу еще об одном одолжении такого же рода. Мне сказали, что в каком-то номере «Руля» была еще рецензия о моем романе⁵. Не откажите в любезности написать – не миф ли это, и если не миф, то попросите редакцию прислать мне два номера газеты. Но мне кажется, что это миф – и в таком случае Вам беспокоиться и обращаться в редакцию не придется.

Ваши стихи я передал в «Числа». Возможно, что Оцуп ответит Вам лично. Если же он почему-либо задержит ответ, напишите мне и я смогу Вам сообщить все, что будет известно.

Желаю Вам всего хорошего. Уважающий Вас

Г. Газданов

№ 3

Договоры на перевод произведений Евгения Замятина (1931)

Документы парижского архива позволяют существенно дополнить картину взаимоотношений Горлина и приехавшего на короткое время в Берлин в конце 1931 г. Евгения Замятина. Во время этого пребывания зашла речь о переводе «Блохи», и, по словам Романа Гуля, недолюбливавшего молодых берлинских поэтов, в письме к своему другу Николаю Зарецкому в Прагу, Замятин сначала собирался передать права на перевод поэту и актеру Николаю (Соломону) Эльяшову (Эльяшеву), близкому другу Горлина, а затем переменял свое решение, предложив перевод Горлину (ПОЛЯКОВ 2017: 191–193).

Встречи с Замятиным в Берлине привели к составлению следующего договора и дополнения к нему. Оригиналы,

⁵ Речь идет об отзыве критика Савелия Шермана (1894–1948) в обзоре содержания первого номера «Чисел» (САВЕЛЬЕВ 1930: 3; ГАЗДАНОВ 2009: 385–386). О его оценке романа Газданова см.: DIENES 1982: 73–74; VENDITTI 2018: 55.

сохранившиеся в парижском фонде Горлина, были написаны рукой Замятина (основной договор также подписан Горлиным):

Настоящий договор заключен между нижеподписавшимися Евгением Ивановичем Замятиным и Михаилом Германовичем [*sic*] Горлиным в нижеследующем:

1) я, Замятин, предоставляю Горлину право на перевод моей пьесы «Блоха»;

2) я, Горлин, обязуюсь представить в законченном виде перевод пьесы «Блоха» 1-го января 1932 года;

3) в случае, если пьеса будет принята издательством и издательством будет выдан Е.И. Замятину аванс – переводчик Горлин получает двести (200) марок;

4) независимо от указанной выше суммы, в том случае, если пьеса «Блоха» пойдет в театре или театрах Германии, Горлин получает десять (10) процентов авторского гонорара (*netto*), причитающегося Е.И. Замятину, как автору пьесы;

5) в случае, если по мнению издательства, принимающего пьесу, или театра, ее ставящего, перевод «Блохи», сделанный Горлиным, потребует дополнительной обработки какого-либо другого лица (которое назначается по соглашению с автором), и эта обработка будет оплачиваться – вознаграждение, получаемое Горлиным за его работу, ограничивается суммами, указанными в пунктах 3-м и 4-м настоящего договора;

6) в случае, если упомянутой в п[ункте] 5 обработки перевода Горлина не потребуются – вознаграждение Горлина за перевод выражается в размере 30% авторского гонорара (*netto*), полученного Е.И. Замятиным от постановки пьесы «Блоха»;

7) в случае, если пьеса «Блоха» в переводе Горлина не будет принята издательством или театром, Горлин за перевод вознаграждения не получает.

Евг. Замятин
М. Горлин

17 декабря 1931 года.

Дополнение

к договору от 17 декабря 1931 г.
между Е.И. Замятиным и М.Г. Горлиным
о переводе пьесы Замятина «Блоха»

а) В изменение 2-го пункта договора от 17/ХІІ 1931 г. срок представления Горлиным перевода пьесы «Блоха» определяется: 7-го января 1932 года.

б) Пункт 5-ый договора от 17/ХІІ 1931 г. дополняется нижеследующим образом:

«Переводчик получает 30% авторского гонорара (netto) также и в том случае, если лицу, обрабатывающему перевод, будет выплачено издательством или театром единовременное вознаграждение вне всякой зависимости от авторского гонорара».

Евг. Замятин

28 декабря 1931 года.

Как мы видим, договор предусматривал завершение перевода «Блохи» в *кратчайшие* сроки; по упоминанию Горлиным своей работы в приведенном выше письме к Зарецкому от 24 декабря 1931 г.: «Эту пьесу я перевожу сейчас на немецкий язык» (ПОЛЯКОВ 2017: 192) можно заключить, что Горлин приступил к ней незамедлительно, но сведений о дальнейшем развитии событий, как и о результатах этой работы, нам обнаружить не удалось. Дата написания «Дополнения» указывает на то, что Замятин контактировал с Горлиным, когда был в Праге. На следующий день, 29 декабря, в столице Чехословацкой республики состоялась лекция Замятина «О современном русском театре», получившая большую известность и сохранившаяся в переводах на несколько языков, но, по-видимому, утраченная в оригинале. Ее наиболее полная версия представлена в немецком переводе, сделанном Горлиным (ЗАМЯТИН 1932). Эта публикация подтверждает продолжение их сотрудничества и в короткий период пребывания Замятина в Берлине по возвращении из Праги. Реконструкция утраченного оригинала на основе горлинского перевода сделана Е.В. Жиглевич, с дополнениями А.Н. Тюрина по французской версии (ЗАМЯТИН 1988: 436–453), а в более поздней публикации (ЗАМЯТИН 2010: 213–229) был дан обратный перевод А.Н. Тюрина с французской версии в качестве основного текста и дополнения к ней по переводу Е.В. Жиглевич на русский с немецкой публикации Горлина. В обоих изданиях указана ошибочная дата лекции – 20 декабря. О

выступлении Замятина и значении его пражской поездки см.: ЖЕЛТОВА 2019.

В целом же, по скептической оценке А.З. Штейнберга, кратко общавшегося с Замятиным (ПОЛЯКОВ 2017: 190), в Берлине театральные планы Замятина обернулись неудачей:

Очень скоро, как и другие сугубо русские писатели, в частности Андрей Белый и Горький, Евгений Иванович Замятин ощутил, что ему не хватает воздуха в Европе – душно. Германия того времени была накануне фашистского переворота. Ни одна дверь для Замятина в Германии не открылась. Его выслушивали вежливо, откланивались и даже не обещали дать ответа, могут ли его идеи пригодиться в Германии. Я знал о затруднениях Замятина через моего дальнего родственника, который имел связи в театральном мире и мире кинематографии. От него я и услышал, как один из директоров немецкой кинематографической фирмы, который интересовался произведениями Замятина и читал их на немецком языке, сказал ему: «Вы очень русский, вас нельзя приспособить к нашей жизни» (ШТЕЙНБЕРГ 2009: 178).

Упомянутым здесь источником рассказа, как мы предполагаем, мог быть друг Горлина и его неудачливый соперник в переводах Николай Эльяшов, который находился со Штейнбергом в родстве, и не очень дальнем – он приходился Штейнбергу кузеном по материнской линии.

№ 4

Проект перевода пьесы Всеволода Иванова (1932)

В архиве Горлина сохранились следы еще одного переводческого плана, который он попытался осуществить вскоре после переговоров с Замятиным о «Блохе». В этом случае речь шла о переводе *пьесы* Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» для предполагаемой постановки на германской сцене. Иванов к тому времени приобрел известность в Германии, где его произведения печатались и в оригинале, хотя в основном, конечно, ему уделялось внимание в эмигрантской периодике (МОСКОВСКАЯ 2017). Исходная по

отношению к пьесе повесть появилась в переводе на немецкий еще в начале 1920-х гг. (IWANOW 1923). Горлину удалось получить разрешение на перевод, о чем свидетельствует следующий ответ автора:

Уважаемый М. Горлин!

Я с удовольствием передаю Вам право перевода на немецкий язык пьесы моей «Бронепоезд».

Меня интересует следующее, что пьеса будет только издана или же Вы беседовали с каким-либо театром на предмет постановки пьесы?

Одновременно с сим высылаю Вам экз[емпляр] пьесы, причем считаю своим долгом Вам заметить, что последняя сцена – «Накануне битвы» и т.д. нашими театрами не ставится и это правильно, потому что сцена эта написана не для театра, а для чтения: для читателя, а не для зрителя.

Мой адрес: Москва, 1-ая Мещанская, д. 68, кв. 2.

Привет

Вс. Иванов

Москва, 26 янв. 1932 г.

Предупреждение насчет «последней сцены» касается эпилога, который в первой редакции назывался «Ночь перед сражением в Ольгинской бухте» (см. текст пьесы в издании: ПАПКОВА 2018: 139–141). Эпилог в пьесе оставлял открытым исход боев и поэтому распоряжением Главреперткома по идеологическим соображениям не был допущен к постановке (ср. вступ. статью: ПАПКОВА 2018: 18–19), о чем Иванов, разумеется, не распространялся в письме за границу⁶.

Как и в предыдущем случае с текстом Замятина, неясно, каковы были результаты переводческой работы Горлина, но здесь нам важно отметить направление его тогдашних занятий и интерес к определенным явлениям советской литературы, проявившийся и позднее в Париже.

⁶ За эти сведения и за разрешение на публикацию письма благодарим Елену Папкову.

№ 5

**Дружеское послание Софии Прегель
по случаю отъезда Горлина в Париж (1933)**

Стихотворение, не вошедшее в поэтический корпус Софии Прегель, собранный Владимиром Хазаном (ПРЕГЕЛЬ 2017), сохранилось в парижском архиве в автографе. Вскоре после отъезда Горлина Прегель также переехала в Париж, присоединившись к своим друзьям из берлинского «Клуба поэтов» (см. об их отношениях: GRACEFFA 2017, *passim*), на это перемещение указывает их двойное местопребывание «ранее Берлин, теперь Париж» в известной антологии «Якорь» (ПОЛЯКОВ 2022). В послании упоминаются три ресторана на бульваре Монпарнас (*Le Dôme, La Rotonde, La Coupole*); нам удалось отождествить названного в противопоставлении им «Генкель зюса» – это кондитерская в Шарлоттенбурге (Kantstr. 40) под названием “Henkel süß” (по имени владельца Alfred Henckel) (BERLINER HANDELS-REGISTER 1929: 227).

* * *

Весною осень горше флюса,
И с ней соединилась боль,
Что променяешь Генкель зюса
На Дом, Ротонду и Куполь.
Иным растением, новым миртом
Ты младости украсишь прить,
Ты кофе, пахнущее спиртом,
За тусклой стойкой будешь пить,
Потом, подсчитывая кассу
И сердца утолив тоску,
Подобно ночи мотыльку,
Искать друзей по Монпарнасу,
Часами плыть в метро прокисло
И жить в отеле нежилом,
Рассказывать знакомым «Числам»
О днях величия былом
И летом в нестерпимом пекле,
Где воздух – специй злая смесь,

Все утешать себя, что здесь,
Как в восемнадцатом *сиекле*,
Под колоннадой полутьма,
Небес ржавеющая гамма
И эти сонные дома
И даже эта полудама.

Утихнет шум твоих шагов
И станет наша боль острее...
Но ты, но ты не вспомнишь ШПрее
Средь Сены пышных берегов.
О юный перл берлинской школы,
Ты здесь поднялся знаменит,
Твои стихи и протоколы
В архиве память сохранит.
И будем долгим долгим летом
Перебирать, в жаре томясь,
Славянскую открыток вязь,
Их «с поэтическим приветом»...
Но ты, покорствуя судьбе,
В Парижа пробивайся чаще
(О ближних вспоминай почаще),
А мы, тоскуя о тебе,
Затянем голосом дрожащим:
Его любили мы не зря,
То был Патрокл с душой Ахилла –
Какая б тварь не возлюбила
Бессменного секретаря,
Архангельского Михаила!

С. Прегель

Михаилу Горлину этот *жалкий* экспромт дарю.
(Прошу расставить знаки препинания)

Литература

БЛОХ, ГОРЛИН 1959 – Блох Р., Горлин М. *Избранные стихотворения*. Париж: Рифма, 1959.

- ГАЗДАНОВ 2009 – Газданов Г.И. *Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Письма. Полемика. Современники о Газданове* / Под общ. ред. Т.Н. Красавченко. М.: Эллис Лак, 2009.
- ГОРЛИН 1930 – Горлин М. Похвальное слово Гайдо Газданову // *Руль*. 1930. 30 марта. № 2841. С. 8.
- ГОРЛИН 1932 – Горлин М. «Мексика моего детства» // *Роща. 2-й сборник берлинских поэтов*. Берлин: Слово, 1932. С. 22–23.
- ГОРЛИН 1936 – Горлин М. *Путешествия: [Стихи]*. Берлин: Петрополис, 1936.
- ЖЕЛТОВА 2019 – Желтова Н.Ю. Творческая личность Е.И. Замятина в освещении чехословацкой прессы 1930-х годов // *Творческое наследие Е.И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. К 135-летию со дня рождения писателя: Коллективная монография* / Науч. ред. Л.В. Полякова, Н.Ю. Желтова. Тамбов: «Принт-Сервис», 2019. С. 41–57.
- ЗАМЯТИН 1988 – Замятин Е. *Сочинения: [В 4 т.]. Т. 4: Проза. Киносценарии. Лекции. Рецензии. Литературная публицистика. Статьи на разные темы* / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова при участии А. Тюрина; вступ. ст. Б. Филиппова. München: Neimanis, 1988.
- ЗАМЯТИН 2010 – Замятин Е. *Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Беседы еретика* / Сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2010.
- МОКРОУСОВ 2008 – Мокроусов А.Б. «Куда мы почему-то попадали несколько раз подряд». Борис Поплавский и Гайто Газданов в журнале «Числа» // *Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур* / Отв. ред. А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 239–243.
- МОСКОВСКАЯ 2017 – Московская Д.С. Вс. Иванов: отношение к революции (В оценках зарубежной критики) // *Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах* / Сост. Е.А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 365–373.
- ПАПКОВА 2018 – «Странна твоя дорога, бронепоезд 14-69...» / Вступ. ст., подг. текстов Е.А. Папковой, комм. Ю.П. Зародовой, И.Е. Лоцилова, Е.А. Папковой, А.А. Штырбула // *Всеволод*

- Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / Отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 139–141.
- ПОЛЯКОВ 2012 – Поляков Ф.Б. «Трагическая и неискупимая судьба»: Свидетельства о гибели Михаила Горлина // *Avoti. Труды по балто-русским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина* / Под ред. И. Белобровцевой, А. Меймре и Л. Флейшмана. Stanford, 2012. Part 2. С. 212–233 (Stanford Slavic Studies. Vol. 43).
- ПОЛЯКОВ 2017 – Поляков Ф.Б. Евгений Замятин и Николай Зарецкий: к истории пражской «невстречи» 1932 г. // *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А. Ю. Галушкина* / Отв. ред. В.В. Полонский; Сост. М.П. Одесский, М.Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 189–198 (Библиотека «Литературного наследия». Новая серия. Вып. 1).
- ПОЛЯКОВ 2022 – Поляков Ф.Б. «Мальчик с неседыми волосами»: Вокруг поэтической книги Михаила Горлина «Путешествия» (1936) // *Профессор, сын профессора: Памяти Н.А. Богомолова* / Под ред. Н.А. Богомоловой, О.Л. Довгий, А.Ю. Сергеевой-Клятис. М.: Водолей, 2022. С. 402–425.
- ПРЕГЕЛЬ 2017 – Прегель С. *Разговор с памятью. Т. 1. Стихи, проза, очерки и статьи* / Сост. подг. текста, вступ. ст. и комм. В. Хазана. М.: Водолей, 2017.
- САВЕЛЬЕВ 1930 – Савельев А. [Шерман С.Г.] «Числа» № 1 // *Руль*. 1930. 26 марта. № 59. С. 2–3.
- ШТЕЙНБЕРГ 2009 – Штейнберг А.З. *Литературный архипелаг* / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Н.Портновой и В. Хазана. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- BERLINER HANDELS-REGISTER 1929 – *Berliner Handels-Register*. Berlin: Ullstein, 1929. Jg. 65. URL: https://digital.zlb.de/viewer/image/34457317_1929/247/ [сентябрь 2023].
- DIENES 1982 – Dienes L. *Russian literature in exile: The life and work of Gajto Gazdanov*. München: Sagner, 1982 (Slavistische Beiträge. Bd. 154).

- GRACEFFA 2017 – Graceffa A. *Une femme face à l'Histoire. Itinéraire de Raïssa Bloch, Saint-Petersbourg – Auschwitz, 1898–1943*. Paris: Éditions Belin / Humensis, 2017.
- IWANOW 1923 – Iwanow Wssewolod. *Panzerzug Nr. 14-69: Erzählung / Deutsch von Eduard Schiemann*. Hamburg: Carl Hoym Nachf. Louis Cahnbley, 1923.
- LUTHER 1929/30 – Luther A. Geistiges Leben // *Osteuropa. Zeitschrift für die gesamten Fragen des europäischen Ostens*. 1929/30. Jg. 5. S. 734–744.
- POLJAKOV 2005 – Poljakov F.B. “Der steinerne Boden des Exils”: Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaares Michail Gorlin und Raisa Bloch // *Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch / Hrsg. von A. Lauhus und B. Zelinski*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005. S. 219–234 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. NF. Reihe A, 48).
- SAMJATIN 1932 – Samjatin E. Das russische Theater der Gegenwart / Übersetzt von M. Gorlin // *Osteuropa. Zeitschrift für die gesamten Fragen des europäischen Ostens*. 1932. Jg. 8. № 1. S. 10–25.
- VENDITTI 2018 – Venditti M. *Il volo sospeso di Gajto Gazdanov. Vita e opere di uno scrittore russo emigrato a Parigi*. Milano; Udine: Mimesis Edizioni, 2018.

Людмила СПРОГЕ
University of Latvia, Riga
ludmila.sproge@lu.lv

**«ВРЕМЯ ШЛО...» АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ТАТЬЯНЫ ДАНИИЛОВНЫ КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ**

Abstract

“Time is ticking... The archival materials of Tatyana Daniilovna Klimenko-Ratgauz”. This article is devoted to the archival materials of Tatyana Klimenko-Ratgauz (1909–1993), an actress and writer, whose career began in the Russian Diaspora. Berlin, Prague, and Riga are the three capitals, where she lived in 1920–1940. Her memoirs correspond to the periods of her creative development. The unpublished memoirs, which have been written irregularly for several decades, begin with memories of childhood in Moscow and Kyiv. Famous theater figures, journalists, writers came to her father, a well-known poet and translator at that time. Memoirs testify to these visits, where, in addition to childhood impressions, they talk about Moscow theaters (the Moscow Art Theater, the Korsh Theater) and the performances of the Kyiv Opera. During the Berlin period, meetings were held with K. Stanislavsky, O. Knipper-Chekhova, V. Kachalov, N. Plevitskaya and others; with writers – Vasily Nemirovich-Danchenko, A. Tolstoy. In Prague, work begins in the theater studio of L. Kamerovskaya and in the literary association “Hermitage of Poets”; meetings with P. Potemkin, Igor Severyanin, V. Lebediv, V. Mansvetov, A. Eisner, A. Golovina, E. Chegrintseva, A. Vertinsky and others. The Riga period diversified her literary work – in the Riga Drama Theater she becomes a prima donna. The ego-texts of T. Klimenko-Ratgauz are not limited to memoirs: as a “calendar” of the cultural events of her life, she refers to albums of autographs, letters,

drawings and madrigals dedicated to her, written by creative personalities of the Russian Diaspora. The facts cited in the archive of the memoirist make the picture of literary and theatrical life in the 1920–1940s more complete.

Keywords

Tatiana Klimenko-Ratgauz, memoir, Russian diaspora in interwar Czechoslovakia, 'Hermitage of Poets', Riga Russian Drama theater, Émigré literature

Аннотация

Статья посвящена архивным материалам Татьяны Клименко-Ратгауз (1909–1993), актрисе и литератору, чей творческий путь начался в Русском Зарубежье. Берлин, Прага, Рига – эти три столицы, где в 1920–1940-е гг. проживала автор мемуаров – соответствуют периодам её творческого развития. Неопубликованные мемуары, которые писались нерегулярно на протяжении нескольких десятилетий, начинаются с воспоминаний о детстве в Москве и в Киеве. К её отцу, известному в то время поэту и переводчику, приходили известные деятели театра, журналисты, писатели. Об этих посещениях свидетельствуют мемуары, где, помимо детских впечатлений, идет речь о московских театрах (МХТ, театр Корша) и о спектаклях Киевской оперы. В берлинский период состоялись встречи с К. Станиславским, О. Книппер-Чеховой, В. Качаловым, Н. Плевицкой и др.; с писателями – Василием Немирович-Данченко, А. Толстым. В Праге начинается работа в театральной студии Л. Камеровской и в литературном объединении «Скит поэтов»; встречи с П. Потемкиным, Игорем Северяниным, В. Лебедевым, В. Мансветовым, А. Эйслером, А. Головиной, Э. Чергинцевой, А. Вертинским и др. Рижский период разнообразил её литературное творчество, в Рижском драматическом театре она становится примадонной. Эго-тексты Т. Клименко-Ратгауз не ограничиваются одними мемуарами: в качестве «календаря» культурных событий своей жизни она ссылается на альбомы автографов, на письма, посвященные ей рисунки и мадригалы, которые создали творческие

личности Русского Зарубежья. Факты, приводимые в архиве мемуаристики, делают более цельной картину литературной и театральной жизни в 1920–40-е гг.

Ключевые слова

Татьяна Клименко-Ратгауз, мемуар, русская диаспора в Чехословакии в межвоенный период, «Скит поэтов», Рижский театр Русской драмы, литература русской эмиграции

Литературное и театральное наследие Т.Д. Клименко-Ратгауз (далее – ТКР) в последние три десятилетия достаточно хорошо представлено в контексте исследований о русской культурной жизни Праги в 1923–1940-е гг. (БУЛГАКОВ 1993: 120; КРЕЙД 1999: 199–200; МАЛЕВИЧ 2005: 416–442; БЕЛОШЕВСКАЯ 2006: 518–537) и в Риге в 1935–1993 гг. (СПРОҒЕ 1996; СПРОҒЕ 2001; СПРОҒЕ 2008). Исследовательский интерес к личности поэтессы и актрисы сформировался в русле изучения материалов по истории и развитию пражского объединения «Скит поэтов», а также – в области изысканий фактов о развитии рижского русского Драматического театра в 1930–1940-е гг. ТКР – дочь известного в последнее десятилетие XIX в. поэта Даниила Максимовича Ратгауза (СПРОҒЕ 1997; СПРОҒЕ 2000). Первые опубликованные ею мемуары были *Воспоминаниями об отце*¹.

С конца 1980-х гг. ТКР отвечала на многочисленные письма, запросы и предложения, когда её просили помочь с источниками, библиографией, изобразительными материалами о русской диаспоре в довоенной Праге; просьбы написать свои воспоминания о том времени, когда ее творчество развивалось в Чехословакии и в Латвии; подготовить свод своих художественных произведений для публикации в периодических изданиях и т.п. Во время этих корреспонденций шла работа над систематизацией личного архива, который состоял отчасти из архива ее отца, личной переписки, вырезок из дореволюционной периодики, из эмигрантских и

¹ Мемуары «На стихи Ратгауза» вошли в единственную прижизненную книгу стихов и воспоминаний (КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1987).

советских газет с публикациями её материалов, рукописных и машинописных самодельных книжек, составленных из тематических подборок («стихи моего отца», «детские стихи»², «книжка для Киры», «Человек, к которому шла», «Тебе, Латгалия» и проч.) и двух альбомов с автографами, где были уничтожены некоторые листы (возможно, из-за идеологических причин, так как высока была вероятность обыска и ареста).

Архив ТКР был распродан (за исключением личного, «домашнего», собрания) по государственным хранилищам в Латвии и за ее пределами. Внимание к документам было особой чертой в мемуарной практике ТКР. Неуверенность в возможности сохранить домашний архив побудила ее в 1970–1980-е годы сделать классификацию материалов, опись которых она тщательно прокомментировала в ниже приводимом документе.

Опись

документальных материалов

из архива поэтессы и актрисы Т.Д. Ратгауз-Клименко [так!]

Материалы творческой деятельности Т.Д. Ратгауз-Клименко

1. Фото в ролях, сыгранных в Русском театре в Праге – 20 фото.
2. Фото в ролях, сыгранных в Театре русской драмы в Риге – 90 фото.

Рукописи Т.Д. Ратгауз-Клименко

3. «Вся жизнь». Сборник стихотворений. Машинопись.
4. «Дни», «В сумраке», «Веселая песенка» и др. Стихи ранних лет. На отдельных листах. Автограф.

² «Детские стихи» представлены по-разному: во-первых, это самодельные книжки для дочери ТКР, составленные из стихов ее и Д.М. Ратгауза; во-вторых, – рукописный поэтический альбом ребенка из эмигрантской семьи. В альбоме датировки фиксируют место и время, в стихах и в незавершенных записях отражены события, переживаемые девочкой и барышней в Берлине и в Праге. Детское восприятие отражает исторические и политические события юного периода жизни автора.

5. Воспоминания об отце поэте Д.М. Ратгаузе. Машинопись с правкой и подписью автора.
6. Попытка наброска Воспоминаний. «Прага 1923–1935. Рига 1935–1946». Автограф.
7. Автобиография. Машинопись с авторской правкой.
8. Рассказы. Вырезки из журналов. На чешском языке – 2 вырезки.

Письма к Т.Д. Ратгауз-Клименко

9. Письмо А. Лесса Т.Д. Ратгауз-Клименко 1 письмо.
10. Письма Л.С. Панкратовой-Ильяшенко Т.Д. Ратгауз-Клименко – 3 письма.
11. Письмо Чехословацкой академии искусств Т.Д. Ратгауз-Клименко – 1 письмо.
12. Зрителей, любителей поэзии – 2 письма.
13. Дарственная надпись П.И. Лыжина на рукописи рассказа «В Версале с Альбером Самэном».

Материалы к биографии Т.Д. Ратгауз-Клименко

14. Членские билеты Союза артистов ЧСР [Чехословацкой республики].
15. Удостоверения театральные.
16. Характеристика на Т.Д. Ратгауз-Клименко – руководителя художественной самодеятельностью, выданная Рижским техникумом легкой промышленности.
17. Программы спектаклей с участием Т.Д. Ратгауз-Клименко (Прага, Рига).

Материалы о Т.Д. Ратгауз-Клименко

18. Статьи и заметки о спектаклях, концертах, вечерах поэзии с участием Т.Д. Ратгауз-Клименко, Прага-Рига, на русском, чешском, немецком языках – около 100.
19. Стихотворение П. Спенглера, посвященное Т.Д. Ратгауз-Клименко. Авторизованная машинопись.

20. Ноты романса А. Подашевского на стихи Т.Д. Ратгауз-Клименко. Нотный автограф. Дарственная надпись автора романса Т.Д. Ратгауз-Клименко.
21. С. Журавлев, «Вечное пламя, актриса и время». Очерк о Т.Д. Ратгауз-Клименко. Машинопись с авторской правкой.

Материалы, собранные Т.Д.Ратгауз-Клименко

22. В.А. Амфитеатров-Кадашев, «Русская муза в течение столетия (1827–1927)». Комические сценки для театра. Автограф.
23. Оттиск публикаций В. Морковина из истории русской литературы в Чехословацкой Русистике – 4 оттиска.
24. Автографы Е. Чирикова, Н. Плевацкой, И. Лапшина – листы из альбома.
25. Программы Русского зарубежного камерного театра под управлением Б.Н. Эспе в Париже – 11 программ.

Рукописи П.П. Лыжина в собрании Т.Д. Ратгауз-Клименко

26. Перепевы. Сборник переводов стихотворений Т. Готье, Ш. Бодлера, Х. де Эредиа, М. Метерлинка и др. С французского. Ксерокопия – 91 стр.
27. «Поэту», «Дятел», «Пленный ангел», «Терпение», «Закат Казановы». Стихотворения. Поэма. Автограф – 9 листов.
28. Рассказы «Зурбаран», «Последнее приключение», «Опрокида Перекувыркеевна» – вырезки из газет.

Изобразительные материалы

29. Рисунки Т.Д. Ратгауз-Клименко – 2.
30. Фото со скульптурного портрета Т.Д. Ратгауз-Клименко работы А. Головина, рисованных портретов работы С.Л. Андреева, Б.Ю. Клодта – 3.
31. Фото Т.Д. Ратгауз-Клименко в жизни, индивидуальные – 3.
32. Фото Т.Д. Ратгауз-Клименко в группах с артистами Русского драматического театра драмы в Риге, участниками литературного объединения «Скит поэтов» в Праге – 7.
33. Фото

- И.Ф. Булатова – 1.
А.Н. Вертинского с автографом – 1.
П.П. Лыжина – 1.
Е.А. Максимович-Кизеветтер – 1.
Л.Н. Мельниковой – 1.
Е.А. Полевицкой – фотография с автографом – 1.
Л.В. Собинова с автографом – 1.
К. Тимашовой с автографом – 1.
Р. Унгерна с автографом – 1.
Л.Н. Урванцова с сыном – 1.
Фото сцен из спектаклей Русского драматического театра в Праге, Русского театра драмы в Риге – 6.

3.XI.[19]85 г. Секретарь Мемуарной комиссии Президиума ВТО /подпись/³.

Ответственность за сохранность документа была чертой, присущей ТКР, сформировавшей ее стиль в работе над мемуарами и эпистолярием. Публикуемый текст представляет из себя черновик записи из рубрики «Рукописи Т.Д. Ратгауз-Клименко» (6-ой свод «Попытка наброска воспоминаний. «Прага 1923–1935». «Рига 1935–1946»), оформленной набело для отсылки в Мемуарную комиссию Президиума Всесоюзного Театрального Общества в 1980-е годы. Черновик из «домашнего» архива интересен своими поправками, приписками, знаками «!!» и «??»; он более поливалентен в содержательном смысле, т.к. восполнялся более поздними приписками и ссылками на получаемую корреспонденцию.

Текст воспоминаний собирался постепенно, между его сюжетными частями были затяжные паузы длиной в месяцы, даже годы. На отдельных листках вписывались пропущенные события,

³ Rakstniecības, teātra un mūzikas muzejs: T. Ratgauza. 508602. R6/6. Arhīva dokumentālo materiālu apraksts 5 lр. [Государственный музей литературы, театра и музыки, фонд Т. Ратгауз. 508602. Рукопись 6/6. Опись архивных документальных материалов 5 страниц]. Далее ссылки на это хранилище приводятся сокращенно – Музей.

комментарий к ним, корректировка дат и текстов. Такой «постскриптовый» стиль характерен для всей канвы мемуаров и частично объясняет их незавершенность. Если говорить об архитектонике нижеприводимого текста, то заметно, что начальная часть бегло описывает детство и отрочество в городах, где какое-то время проживала семья Ратгаузов – Москва, Киев, Берлин, Прага. Далее фрагменты озаглавливаются в скобках «О моей поэзии», «Добавления, Рига, апрель 1985 г.», «На отдельных листах». Таким образом, перед нами – попытки мемуара, первая черновая версия, которая так и не воплотилась в цельный, развернутый текст. Каждая новая тема в нем претендует на самостоятельный сюжет в канве воспоминаний; «второстепенные» события, обрамляющие центральную тему, высвечивают важные эпизоды демонстрируемой «картины» жизни, но такие факторы как самоцензура, возможность краткого формата публикации, своеобразие саморефлексии приносили свои особенности в подбор фактов и их репрезентацию. Блокнотные записи, общие тетради с наклейками из дореволюционной и эмигрантской прессы, «обрывки» писем, «тематические тетради» с подшивками газетных, журнальных и книжных абзацев, – все это стало необходимым подручным материалом⁴ в складывании единого мемуарного сюжета о собственной жизни и творчестве, об окружающих ее людях и их исканиях в театре, в культуре и в литературе своего времени. Большинство мемуарных тем были лишь затронуты ТКР. И ещё один важнейший источник, о котором автор лишь упоминает вскользь, говоря о «хобби» Д.М. Ратгауза собирать автографы⁵. На протяжении всей жизни ТКР собирала автографы, которые

⁴ В этой связи особенно интересна рукописная тетрадь, хранящаяся в Музее: № 508573 Ratg R3/16. Rokr. Burtņica ar Ratgauzas piezīm. Par Krievu rakstnieku, žurnalisti un māksl. Darbību Pragā 20.-30. Gados, 8 lp. Aprakst. Ar tinti vāki ar uzrakstu: "Praga (čto pojav[al]osj v pečati)" [Рукописная тетрадь с заметками Ратгауз. О русских писателях, журналистах и художниках. Деятельность в Праге 20–30-х гг. 8 страниц. Опись. Чернилами на обложке «Прага. Что появлялось в печати»].

⁵ Судьба коллекции автографов современников, собранной Д.М. Ратгаузом, неизвестна.

сохранились в двух альбомах. Расположенные по хронологии, эти материалы также способствуют постепенному развертыванию мемуарной хроники, и автор неоднократно упоминает о них.

Если воспоминания об отце были первым опытом, то опубликованный в середине 1990-х гг. очерк «Сцена и я» (КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1996) был «театральным» мемуаром, в центре которого была сама актриса. Поскольку очерку предшествовала книга «Вся моя жизнь», где, помимо воспоминаний, были опубликованы стихи разных лет, то театральный очерк восполнял пропущенный и, по словам ТКР, самый важный сюжет её творческих исканий. Несомненно, что подготовленные к изданию части (история литераторства отца, интерес к театру и становление артистической карьеры, канва жизни и перечень театральных ролей) должны были соединиться в единый мемуарный сюжет, более точно воплощающий смысл заголовка первой и единственной книги. Этого не случилось, но черновики свидетельствуют об этом стремлении ТКР.

Как каждое основанное на фактах повествование о жизненном отрезке стремится стать документом своего времени, так и публикуемые воспоминания актрисы и поэтессы претендуют на статус отражения эпохи, начиная с детских московских впечатлений, и до середины 80-х гг. прошлого века.

Если возможно в данном случае говорить об авторской стратегии, то предназначение ниже публикуемых мемуарных набросков – скрепить воедино то, что вспомнилось, оживить разные эпизоды жизненных воплощений при неизменно высоком сохранении индекса достоверности. В сносках и примечаниях учитываются сюжетные линии того или иного периода: мадригалы, посвящения, надписи на книгах, автографы в альбомах, рисунки и фото частично восполняют события, отмеченные лишь «конспективно». В публикации за исключением особых случаев сохранены орфография и пунктуация ТКР.

* * *

Попытка наброска Воспоминаний. Прага 1923–1935. Рига 1935–1946

Мое раннее детство прошло в Москве. Как я уже говорила в воспоминаниях об отце, родители мои были большими любителями театра, и я с ранних лет находилась в атмосфере поклонения театральному искусству.

Я очень рано научилась читать и писать. Мне было едва шесть лет, когда стала приходиться ко мне домашняя учительница обучать меня «всем предметам». Я увлекалась чтением вслух и обожала скороговорки. Тараторила их десятками. Почему-то я считала необходимым четко и точно произносить слова. Помню, как я возмущалась тем, что пятилетняя Маня, дочь нашей кухарки, бывшая немного моложе меня, говорила вместо «Шарик гуляет» – «Саик гуляет». Я энергично пыталась учить ее правильно говорить, но довольно безуспешно.

Мама как-то повела меня на утренник – выступления какой-то детской балетной школы. После этого, когда я дома оставалась одна, я заводила граммофон и танцевала. В шесть же лет меня нельзя было отогнать от пианино, и я с радостью стала брать уроки музыки. Учительницей моей была знакомая, учащаяся на последнем курсе консерватории. В общем музыкой я занималась фактически лет до четырнадцати, когда уже за границей, из-за отсутствия пианино, лишилась этой возможности. Одно время урывками пыталась упражняться у каких-то соседей (знакомых, владевших роялем или пианино, у меня в то время не было, – это были первые годы моей жизни в Праге), платя по часам за время упражнений, но денег у родителей не хватало и музыку пришлось бросить, – и когда, после довольно длительного перерыва я села за рояль и почувствовала, что начала «мазать», то поняла, что более серьезное занятие музыкой для меня потеряно.

В Москве, когда мне было семь лет, мама меня впервые повела в театр – в МХТ, на спектакль «Синяя птица» Метерлинка. Помню,

что во время спектакля я внутренне дрожала мелкой дрожью. Память об этом спектакле я каким-то светлым чудом пронесла через всю жизнь. (Через десять лет после посещения этого спектакля, будучи уже семнадцатилетней, в Праге, познакомившись с артистом МХТ Дуваном-Торцовым⁶, я сразу спросила его: «А Вы в “Синей птице” играли Хлеб? – и он ответил: «Да, конечно».) И сейчас, в свои семьдесят пять лет, я храню воспоминание об этой «Синей птице» как светлое радостное чудо в моей жизни.

Помню затем еще детский спектакль в Москве (кажется, в те-атре Корша?⁷) «Степка-растрепка» с Алексеевой-Мисхиевой в главной роли. Мои родители были с нею знакомы, и она почему-то сама принесла нам на дом билеты. Я потом никак не могла убедить себя в том, что этот мальчик Степка, которого я вижу на сцене, и есть та самая хрупкая, очень женственная взрослая женщина, которая приходила к нам. Степка мне очень понравился, но никаких новых эмоций спектакль у меня не вызвал.

В восемь лет я с родителями уехала из Москвы в Киев, где жили родственники отца. Там я познакомилась с оперой. Это были спектакли «Евгений Онегин» и «Хованщина». Мне все это очень нравилось, но ни с чем не сравнимого счастья с «Синей птицей» во МХТ-е у меня никогда больше не повторилось.

Еще одна маленькая страничка моей жизни овеяна светом сценического искусства: в Киеве, в доме, в котором мы жили, было много детей. Мы часто играли вместе во дворе. Как-то (примерно, в 1920–1921-ом годах) одна девочка (она была старше нас, ей было лет 15–16, – и все, что я о ней помню, это то, что она училась танцевать. И все ее звали Тюней – а она была Тамарой). Не знаю, откуда у нее были какие-то познания «азов» сценического искусства, но она из восьмидесяти девочек от 9–12-ти лет (мальчиков, подходящих и желающих,

⁶ Дуван-Торцов - сценический псевдоним Дувана Исаака Эзровича (1873–1939), актер и режиссер МХТ, с 1919 г. в эмиграции (Болгария, Германия, Чехословакия, Франция).

⁷ Театр Корша – московский Русский драматический театр, существовавший в 1882–1933 гг., названный по имени драматурга, переводчика, антрепренера Корша Федора Адамовича (1852–1923).

не нашлось) «организовала» драм[атическую] студию. Она обучала нас «азам»: мы читали «Ворону и лисицу», оченьгодились тут мои любимые скороговорки, она пыталась проходить с нами этюды и т. д. и т. п. В результате нашей работы состоялся спектакль по мотивам сказки Оскара Уайльда «Счастливый принц». Счастливым принцем была я, несмотря на мои длинные волосы, которые искусно подвязывала. Я неподвижно стояла на стуле, и все свои переживания выражала только словом, не двигаясь. Вокруг меня тоже в неподвижных позах сидели «статуи» – хор девочек, подхватывающих как бы эхом окончания моих с ласточкой реплик. Зрители, главным образом – родственники участников спектакля, – восторженно аплодировали. Я же особенно остро вкусила первый «яд» успеха, когда на следующий день, войдя в комнату, застала мою четырехлетнюю двоюродную сестричку, стоящую на коленях в большом кресле и с каким-то отрешенным видом глядящую в пространство и вещающую последние слова моего (принца) монолога: «Ласточка! Ты умерла? Ласточка! Мое сердце разрывается!...» Я – довольно смело – решила, что покорила ее своей игрой, и в глубине души исполнилась гордости. Таково было для меня первое «предвестие» свидания с Мельпоменой.

Скоро жизнь моя пошла кувырком. В 1921-ом году я очутилась в Берлине, где постоянно проживали родственники моей матери. В то время (в 1922-м г.) МХТ был там проездом на заграничных гастролях. Отец, будучи знакомым с К.С. Станиславским⁸, Леонидовым⁹, Качаловым¹⁰ и другими актерами, встречался с ними в Берлине. Тогда же отец «заразил» меня своим странным «хобби»: сбором автографов¹¹. Одним из первых в мой альбом сделали памятные

⁸ Станиславский Константин Сергеевич (1865–1938), актер, режиссер, теоретик сценического искусства.

⁹ Леонидов Леонид Миронович (1873–1941), актер, режиссер, педагог.

¹⁰ Качалов Василий Иванович (1875–1948), актер МХТ, педагог.

¹¹ В альбом автографов Д.М. Ратгауз вписал стихотворное послание дочери:

Моей Тасеньке.

Дорогой моей девочке

Что впишу я в альбом? –

надписи О.Л. Книппер-Чехова и В.И. Качалов¹², оставил свой автошарж Алексей Николаевич Толстой¹³. (До сих пор хранится этот уже совсем обветшалый от времени альбомчик, где есть автографы Шаляпина¹⁴ и Собинова¹⁵, актера Ст. Кузнецова¹⁶, певицы Надежды Плевицкой¹⁷ (впоследствии умершей в парижской тюрьме в связи с

Пусть все в жизни ей кажется
Светлым, радостным сном,
Пусть ей блещет до старости
Яркий солнечный свет, –
Дорогой моей девочке
Много радостных лет!

Горячо любящий тебя

Папа <подпись>

1922 г. 1/17 г. Берлин.

¹² Записи в альбом автографов сделаны в Берлине в начале 1922 г.: «“Те, которые будут жить после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу – помнят ли они нас добрым словом?” (А. Чехов). В. Качалов. Берлин. 1922 январь». Цитируется в сокращении реплика Астрова: «Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях» (ЧЕХОВ 1978: 64). Инскрипт Книппер-Чеховой Ольги Леонардовны (1868–1959), актрисы и вдовы А.П. Чехова расположен рядом с предшествующим: «Что мне написать Вам, милая Таня? Я так мало знаю Вас. Растите большая, радуйтесь на жизнь и любите все прекрасное... Ольга Книппер-Чехова. Берлин 15 янв. 1922» (частный архив).

¹³ «1922/IX 25. [рисунок, под ним надпись] Я не красив, но чертовски симпатичен. А. Толстой. Надеюсь, не забудете меня – хотя бы как Ваш контраст» (частный архив).

¹⁴ Шаляпин Федор Иванович н (1873–1938), оперный и камерный певец, исполнитель романсов на стихи Ратгауза, к 40-летию литературной деятельности прислал телеграмму и денежный чек.

¹⁵ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934), известный оперный тенор, исполнитель романсов на стихи Д.М. Ратгауза.

¹⁶ Кузнецов Степан Леонидович (1879-1932). актер с 1921 г. выступал в составе различных трупп в Берлине, Ревеле, Софии.

¹⁷ Плевицкая Надежда Васильевна (1884–1940) известная российская певица, исполнительница русских народных песен и городских романсов. С 1920 г. вместе с мужем генералом Н.В. Скоблиным в эмиграции. Жила в Париже, гастролировала по Европе и США. В сентябре 1937 г. была арестована французской полицией по обвинению в шпионаже в пользу СССР и в соучастии в похищении председателя Русского общевоинского союза генерала Е.К. Миллера. Осуждена на 20 лет каторжных работ, умерла в заключении. Об участии Н.В. Плевицкой Т. Ратгауз могла следить по материалам газет «Сегодня» (1937. № 263; 1938. № 133, 334, 337, 339, 346, 350, 351) и «Сегодня вечером» (1937. № 221, 222, 225), по журналу «Для Вас» (1937.

инкриминированным ей уголовным делом), Игоря Северянина¹⁸, А.Н. Вертинского¹⁹, баритона Г. Баклакова²⁰, Н.Н. Евреинова²¹,

№ 40–41). На странице альбома автографов осталась ее запись: ««Чем проще, тем лучше». Запомните это, милая Таня. В простоте вся прелесть. Желаю Вам быть такой же талантливой как Ваш отец, Н. Плевицкая. 3/IV 25 г. Прага» (частный архив).

¹⁸ Автограф Игоря Северянина: «Искусство с нами, – и Бог за нас! Игорь-Северянин. Прага. 1925.» (частный архив).

¹⁹ Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) эстрадный артист, композитор, поэт и певец. С 1920 г. в эмиграции, жил в Польше, Германии, в Париже, в Шанхае. В 1943 г. вернулся с семьей в СССР. Был дружен с писателем Львом Никулиным (1891–1956), который был автором стихов к песням, исполнявшимся А. Вертинским, одна из которых приводится ниже. В альбоме автографов сохранилась его запись: «Милой Танюше – в противоводие от вегетарианской морали моей милой, но слишком астральной кузины. А. Вертинский. Прага 19 мая 1926.» (частный архив).

Разве сердцу есть запрет?

Нет!

Страсть проходит навсегда?

Да!

Сердце помнит много лет?

Нет!

И забудет навсегда?

Да!

Так зачем же людям брак?

Так!!

Ныть дуэтом на луну?

Ну...

Одевать зачем-то фрак...

Так?

И когда клонит ко сну...

Ну?

Разве сердцу есть запрет?

Нет.

Так зачем же людям брак?

Так!

(Л. Никулин)

²⁰ Речь идет об оперном певце Бакланове Георгии Андреевиче (1880-1938) латышского происхождения – Alfons Georg Vāķis.

²¹ Евреинов Николай Николаевич (1879–1953), драматург, историк театра, режиссер. В 1923 г. эмигрировал в Берлин, переехал в Париж.

художника Ив. Билибина²², писателей Ив. Бунина, Евг. Чирикова, Л. Урванцова и ряда пражских русских профессоров)²³.

В Берлине неподалеку от нас жил Василий Иванович Немирович-Данченко²⁴ (брат режиссера МХТ – Владимира Ивановича). Мы встречались с ним примерно в 1922–23-ем годах, проживал он со своей племянницей графиней Еленой Самсоновной Тизенгаузен, у него мы часто встречали писателя Александра Андреевича [так!] Горного (Оцупа)²⁵, брата поэта Николая Оцупа, последнего, помнится, там не бывало. Вас. Ив. Немирович-Данченко переехал в Прагу из Берлина, помнится, году в 1923-м, вскоре туда переехали и мы. (Помню его посещение нас еще до революции, в Москве.) Будучи еще подростком, я прочла его роман «Рыцарь гор». К сожалению, в конце тома стояло: конец первой части. Когда я в более поздние годы спросила его о втором томе, он засмеялся и весело сказал: «А второго тома я так и не написал»!

Затем я с родителями переехала в Чехословакию, в Прагу, где в то время буржуазное правительство оказывало материальную помощь представителям русской интеллигенции и студентам. Субсидия отца была, конечно, довольно скудной. Как и в Берлине, мать подрабатывала шитьем и вязанием. Ни к каким политическим

²² Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), график, театральный художник. В 1920 г. эмигрировал в Египет, в 1925 г. переехал в Париж.

²³ Профессор Московского университета, историк Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) в 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Чехословацкой республике с 27 декабря 1922 г., был проректором Русского народного университета в Праге, читал лекции в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского. Был другом семьи Ратгаузов, на 40-летие литературной деятельности Д.М. Ратгауза откликнулся вступительной торжественной речью и поэтическим посланием в его честь (воспроизведено: СПРОГЕ 2000: 234), в альбоме оставил следующий автограф: «От души желаю Вам в дни счастья не поддаваться легковерной мечте, несущей с собою разочарование; а в тяжкие минуты ни на миг не утрачивать веры в свои силы, и тогда – ничто не страшно! А. Кизеветтер. 1932». В томе «Воспоминаний о Русской Праге» (БЕЛОШЕВСКАЯ 2011) приводятся материалы о семьях Ратгауза и Кизеветтера.

²⁴ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936), писатель.

²⁵ Ошибка в отчестве: Оцуп Александр Авдеевич, литературный псевдоним Сергей Горный (1882–1949), литератор, брат Н.А. Оцупа.

группировкам отец не примыкал, и я должна сказать, что и я, и все мое молодежное окружение были очень далеки от какой-либо политики. Всю жизнь я благодарна своему отцу за его приверженность к иностранным языкам, которую я полностью разделяю. Сам он знал с детства несколько языков (в Берлине, кстати, занимался переводом с французского каких-то мемуаров) и всегда говорил мне: «Если не будет у тебя в руках ничего, но ты будешь знать хоть какой-нибудь иностранный язык, – у тебя всегда будет кусок хлеба». Я с детства знала русский и немецкий, и французский, который, увы, с годами, без практики, основательно подзабыла, но зато мои родители на последние гроши довольно долго оплачивали мое домашнее обучение, и я экстерном сдавала экзамены в гимназию, а затем поступила и окончила английский колледж в Праге, где преподавателями у нас в подавляющем большинстве были англичане. В результате, кроме русского и немецкого, а также чешского я полностью владею английским языком, что очень помогает мне в материально трудные минуты жизни.

По приезде в Прагу мы (отец, мать и я) раз в неделю стали посещать еженедельные вечера-встречи Чешско-Русской «Едноты» (общество сближения чехов и русских, которое существовало в Праге, кажется, уже с начала 20-х годов). Возглавлял «Едноту» д[окто]р Курц и его жена (пианистка, всегда аккомпанировавшая в случае выступления певцов)²⁶. Я не знаю точно, кто, но было у этого общества и правление, кажется, в нем состояла и Анна Тескова²⁷, литературовед, приятельница Марины Цветаевой. Я знаю только, что начинание это было прекрасное! В небольшом (почему-то называвшемся японским) зале отеля Беранек – на одном конце стояло пианино, на другом – длинный стол с самоваром и дешевыми

²⁶ Курц Антонин (Kurz Antonin; 1855–1943), чешский врач, музыкант, педагог, член общества «Художественная беседа», многолетний заместитель председателя Чешско-русского общества, «Едноты»; Курцова Здена (Kurzová Zdena; ? – 1941), музыкант, педагог, жена А. Курца. Об «Едноте» и встрече и впечатлении от юной ТКР см. также: Лосский 1994: 23, 38, 49, 55, 61.

²⁷ Тескова Анна Антоновна (1872–1954), чешская писательница и переводчица, корреспондентка русского поэта Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941).

лакомствами. Все собравшиеся сидели отдельно за столиками, своими компаниями, пили чай с печеньем. За самоваром неизменно сидела очень приятная дама Анна Захаровна Смирнова (кажется, жена преподавателя рисования). В более поздние годы она также была «хозяйкой» чайного буфета в «Русском очаге», организованном главным образом для русских студентов. Здесь же в «очаге» была и библиотека-читальня.

Обязательно каждую неделю в «Едноте» были какие-либо выступления, доклады, музыкальные номера. Никакой враждебной противосоветской окраски, помнится, эти собрания не имели. Приезжающие в Прагу или бывшие здесь проездом русские посещали «Едноту», так как это было место встреч. Помню поэта Петра Потемкина²⁸, выступавшего со своими стихами, Игоря Северянина, исполнявшего свои стихи нараспев под одну определенную мелодию; приезжавшая в связи с выставкой в Праге картин И.Е. Репина его дочь, Вера Ильинична²⁹, помню, интересно рассказывала об отце, проживавшем тогда в Финляндии. Выступала там очень известная в те годы совсем молодая чешская певица Ярмила Новотна³⁰.

²⁸ Потемкин Петр Петрович (1886–1926). 29 марта 1924 г. выступал в гостинице «Беранек» на литературном вечере, организованном «Еднотой», и посвященном творчеству И. Махара (см. запись об этом – Хроника литературной жизни Русского Зарубежья: Чехословакия (1919-1939) // Российский литературоведческий журнал. 1999, № 12. С. 227), тогда же он записал в альбом Татьяны Ратгауз автограф своего стихотворения «Весна» без первого четверостишия и с измененным третьим стихом во втором катрене, т.е. изменениями, соответствующими «стихам по случаю»: «Уж на Неве сыпучий лед / Ручьями исковеркало. – / Вновь по асфальту потечет / Расплавленное зеркало / И ты себя увидишь там, / Ступающей по облаку, / По ярким синим небесам, / По солнечному облику... / Не раздави! Не наступай! / Иди по ним с опаскою / Не то назад умчится Май / Не озарив нас ласкою. П. Потемкин. Прага, 29/III 1924» (частный архив).

²⁹ Репина Вера Ильинична (1872-1948), старшая дочь художника, хранительница усадьбы «Пенаты» и архива отца.

³⁰ Ср. в воспоминаниях поэта-«скитника» В. Морковина (1906–1973): «В конце двадцатых годов в Праге блистала певица Ярмила Новотная [так!]. У нее было поразительное по красоте меццо-сопрано, сама она была воплощением изящества (об актрисах не говорят – “она хорошенькая”, это недостаточно серьезно, а – “у нее чрезвычайно благоприятные внешние данные”). Вернувшись с ее концерта, совсем потерявши голову, я сел и написал:

Посещали «Едноту» и чешские литераторы.

Для большинства из нас, русских, «Еднота» была местом встреч со знакомыми. Там же я познакомилась с бывшим со своей матерью в Праге проездом, младшим сыном Леонида Андреева, Саввой³¹. Шестнадцатилетний юноша «пылко» в меня влюбился, засунул тайком письмо, восхваляющее мою «красоту» в карман моего пальто в гардеробе. Но, несмотря на то что я разрешила ему себя нарисовать (у него были безусловные данные художника), я относилась к нему в высшей степени свысока, так как считала его мальчишкой (16 лет!), а мне нравились взрослые «зрелые» люди³². О судьбе Саввы знаю, что,

Утро.

Бегу сквозь мглу...

Алексей Эйсер часто заходил в “Русский Очаг” [...] В то время он уже был известен в Праге как поэт. Как-то в “Русском Доме” ставили его пьесу. Она была символическая, Татьяна Ратгауз играла в ней “роковую женщину”. Я показал “Концерт” Эйсеру. Он сделал несколько замечаний. Явно не придавая стихам большого значения. Согласившись с ним, я произвел поправки, потом начистил до блеска ботинки и отнес стихотворение в “Волю России”. Марк Львович Слоним, руководивший литературным отделом, его принял и напечатал. С книжкой журнала в руках я пошел на очередной концерт и трепеща прошел в артистическую. Новотная была одна. Заикаясь, я ей объяснил причину моего прихода. – Я очень польщена, – улынулась она. – Право, я не знаю, как вас вознаградить... – Вы меня вознаградите уже тем, что я смог написать эти стихи, – нашелся я. – О! Она отстегнула розу от корсажа и подала мне. – Как вы устроитесь с переводом? – спросил я в тайной надежде увидеть ее снова. – Не беспокойтесь, мне переведет Рудольф Медек. Позднее она вышла по расчету за крупного чешского помещика, а еще позже уехала в Америку. После войны я ее случайно встретил на улице около Национального театра, но разговора не вышло. Вскоре она опять уехала за океан» (МОРКОВИН 1993: 201). В своих воспоминаниях мемуарист представляет исключительно интересный сюжет о ТКР и «скитниках» МОРКОВИН 1993: 190–215).

³¹ Андреев Савва Леонидович (1909–1970), сын писателя Л.Н. Андреева, художник, танцовщик. Танцевал в балетных труппах И. Рубинштейн и «Казино де Пари», с 1936 г. – в антрепризе В.Г. Воскресенского «Русский балет де Базиля». Во время войны попал в США, затем в Аргентину. Некролог: Русская мысль. 1970. 17 дек. № 2821. С. 7 (благодарю за информацию Л.А. Мнухина).

³² Портрет пастелью Татьяны Ратгауз воспроизведен неоднократно (см.: СПРОГЕ 1996: 135). Письменное признание Саввы Андреева было переписано её рукой с примечанием «Письмо тайком вложенное им в карман моего пальто в 1925 г. (очевидно в конце октября?): “Я не могу смотреть спокойно на такую красоту, как Ваша. Она слишком сильно, слишком властно действует, чтобы ей сопротивляться.

увы, позднее он не стал художником, но у него открылись способности к танцу, и он танцевал в балете, в Аргентине, в опере Буэнос-Айреса. Он давно уже умер. В начале или середине 70-х годов я познакомилась с сестрой Саввы, Верой Леонидовной Андреевой-Рыжковой³³, проживавшей тогда в Москве. Я отдала ей письмо Саввы и оригинал рисунка. С тех пор, увы, потеряла с ней связь и даже не знаю, жива ли она.

Жилищный вопрос в Праге был трудным. Приходилось снимать частные комнаты. Так мы несколько лет жили с «входом через хозяйку», то есть приходилось проходить через хозяйскую жилую комнату или кухню. Очень многие русские (среди них также и Марина Цветаева) жили за городом, в дачных поселках: Горные Черношницы, Вшеноры, Мокропсы. В последующие годы строительство Праги стало все больше расти и уже, примерно, к 1927–28 году мы, например, переехали в дом, именованный «Карлтон», построенный по коридорной системе с комнатами – «гарсоньерами», комната метров 18–20, в которой находилась газовая плита, раковина, ниша с ванной и отдельной каморкой – туалетом. Тут же на нашем этаже жил профессор Флоровский (филолог)³⁴ с женой, а также одно время – В.А. Амфитеатов-

[...] Среди дымных улиц, среди тупых, бездарных и некрасивых лиц, среди остриженных голов и пошлых физиономий, Ваше лицо, Ваша нетронутая, гордая и благородная красота бьёт сразу, сильно и надолго, пока смотришь на Вас ток красоты Вашей не перестает действовать, трудно не смотреть на Вас, трудно уйти от Вас. [...] Зачем Вы в Праге, зачем Вы, прекрасная, среди некрасивых? На Вас должно светить другое солнце, Вас должны окружать другие люди и поклоняться Вам как древние поклонялись красоте и богам своим, как поклоняюсь Вам я. [...] Спасибо Вам за то, что до этого письма Вы позволили смотреть на Вас и даже рисовать Вас» (частный архив).

³³ Андреева Вера Леонидовна (в замужестве Рыжкова; 1910–1986), дочь писателя Л.Н. Андреева, сестра Саввы Андреева, оставила книги воспоминаний «Дом на Черной речке», «Эхо прошедшего». Была в переписке с ТКР.

³⁴ Речь идет об историке, слависте и педагоге Флоровском Антонии Васильевиче (1884–1968), брате философа Г.В. Флоровского (1893–1979).

Кадашев, литератор (сын А. Амфитеатрова, известного когда-то беллетриста, автора романов «Восьмидесятники» и др.)³⁵.

Возвращаюсь к Едноте. Мне там тоже бывало приходилось выступать. Знатной была веселая затея профессора Айхенвальда³⁶ и И.И. Лапшина (филолога, большого и страстного любителя и знатока музыки)³⁷ – исполнение «Детской симфонии» Гайдна. Помню, кроме «Мадам» Курц (так ее называли – ее имени и отчества не помню) и каких-то других музыкантов (кажется, скрипку и виолончель); я играла на трещотке; профессор Лапшин на «соловье» (помню, он дул в специально изогнутую глиняную трубочку с водой); жена профессора Айхенвальда играла на какой-то сложно функционирующей деревянной «кукушке»; кто-то бил в колокольчик «треугольник», а профессор Айхенвальд дирижировал почему-то большой кухонной поварешкой.

Примерно в тот же период, еще будучи школьницей, я вместе с отцом стала иногда посещать кафе «Далиборку», где собирались кое-какие русские литераторы. В Праге в «Далиборку» попала как-то случайно, примерно в 1924–25 году; вероятно, П.А. Кожевников³⁸ пригласил отца и меня³⁹.

³⁵ Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович (1888–1942), литератор, драматург. В бытность свою в Праге был завлитом руководимой Л.С. Камеровской Студии молодых артистов, был в дружеских отношениях с ТКР, неоднократно вписывал в ее альбом автографов шуточные мадригалы, некоторые из которых приводятся в настоящей публикации. Автор студийного спектакля, имевшего огромный успех «Русская муза в течении столетия (четыре скетча)», где ТКР исполняла главные роли. См. о нем: АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ 1996; СПРОГЕ 2018. Фотография Пражской театральной студии, где присутствуют Т.Д. Ратгауз, Л.С. Ильяшенко-Камеровская, Вл. Амфитеатров-Кадашев и др. воспроизведена в: СПРОГЕ 2017: 271.

³⁶ Ошибка памяти. Возможно, речь идет об Григории Исааковиче Альтшуллере (1895–1983), докторе медицины и члене музыкальной секции Пражского содружества искусств.

³⁷ Об Лапшине Иване Ивановиче (1870–1952) философе, литературоведе, музыковедом см.: БАРСОВА 1997.

³⁸ Кожевников Петр Алексеевич (1882–1947), писатель.

³⁹ Фотография Т. Ратгауз, Д.М. Ратгауза, Вас. Ив. Немировича-Данченко, П. Кожевникова в кафе «Далиборка» находится в частном архиве.

О моей поэзии

Стихи я писала всю жизнь, правда, я сохраняла немного, очень многое браковала и писала не очень часто. Писать стихи я стала с детства, «всерьез» этого сама не принимала. Помню лет в пять я, смотря на картинку какого-то детского журнала, изображающую мать, провожающую детей в школу и целующую их по очереди, причем один ребенок почему-то стоял в отдалении с грустным – как мне, видимо, показалось – лицом, и я изрекла первые рифмованные строки: «Мама деточек целует, а меня ни раз; хоть бы в щечку, хоть бы в губки, хоть бы в глаз». Я начала учиться с учительницей «по всем предметам» очень рано, а еще раньше научилась каким-то образом сама и читать, и писать. Тогда, лет в шесть начались «хрестоматийные» подражания, не столь грамотные, сколь чувствительные: «Ивушка родная, что ты не цветешь? Вон, взгляни, желтеет там в долине рожь...». Как-то более серьезно стала относиться к своему писанию уже с четырнадцати-пятнадцати лет. Отец мой, который очень меня любил, к стихам моим относился с ласковой терпимостью. Они едва ли были ему близки. Поначалу я, конечно, как большинство девочек, была под влиянием А. Ахматовой⁴⁰, упивалась ею с двенадцатилетнего возраста, но в дальнейшем я от нее отошла. Особенно в «Скиту» мы все увлекались Б. Пастернаком, Н. Асеевым, Н. Тихоновым и многими другими советскими поэтами. Мой большой друг Вл. Алекс. Амфитеатров-Кадашев в написанном им мне на память в альбом стишке ласково посмеялся надо мной: «Все казалось Вам тускло и матово: Сказки, краски и отблеск зари... Вы писали – совсем как Ахматова, что на небе зажглись фонари»... Первые мои стихи (кажется!) «В сумраке»⁴¹

⁴⁰ В середине 1950-х гг. ТКР из Риги отправила Анне Ахматовой письмо о своём глубочайшем уважении к ней и любви к её творчеству, в конце письма были от руки записаны стихотворения разных лет, ответа от Ахматовой получено не было: см.: СПРОГЕ 2020: 148-156.

⁴¹ В рукописном альбоме стихов на 6-ом листе наклеен опубликованный текст стихотворения «В сумраке» с чернильной пометкой: «нап[исано] 14.IX.25»:

Тускнеет вечер. Вяло глохнут звуки
И только бьют часы в девятый раз:

были напечатаны в журнале «Студенческие годы» (в Праге в 1924–1925 г. в № 5 (22) 1925. Нет, это совсем другое, кажется, в 1924 г.). Кажется, там же и (1924 г.) «Я пришла из царства тусклых красок» (это, видимо, и дало повод посмеяться надо мною Амфитеатрову-Кадашеву)⁴². Совершенно не помню, кому отдала для напечатания эти стихи. Позднее, уже более зрелые вещи стала посылать (вероятно, по чьему-то совету, т.к. сама едва ли решилась) в редакции сама). Кажется, для «Современных записок» в Париже послала стихотворение «Весеннее» (уже более зрелое) выдающемуся писателю

Ложится тень на стиснутые руки,
И мягче, и светлей глубины глаз.
Цветную лампу засветить нет силы,
И сумрак вьется, тусклый и немой...
Я с дрожью жду когда твой голос милый
Произнесет: «А мне пора домой...»
И ты уйдешь. Задремлет вечер синий
И я скажу: «Он был в последний раз!»
Но звезд, ласкающих жемчужный иней
Напомнит мне улыбку тихих глаз.

(Музей: № 508607 Ratg. R 1/3 Rokr. Albūms – T. Ratgauzas 1925–1930 g. dzejoli [рукописный альбом Т. Ратгауз. Стихи 1925–1930 гг.]).

⁴² Вверху чернилами датировка: «1924!». Под текстом: «нап[исано] 16.XII.»:

Я пришла из царства тусклых красок...
Я пришла из царства мертвенных снегов...
Я с собой взяла венец из сказок
И оборванных туманных слов.
Я пришла за солнечным сиянием...
Я пришла, чтоб научиться жить...
Я, открыв объятья жизненным страданиям,
Навсегда порвала сказочную нить.
Я теперь как все, – бледна и сера;
Да, быть может всех других бледней!..
Оттого, что в сердце гаснет, гаснет вера...
Оттого, что я страшусь живых лучей.
Оттого, что я из царства тусклых красок,
Оттого, что я из царства мертвенных снегов, –
Не понять тебе моих туманных сказок
И оборванных устало-скорбных слов! (Там же).

М.А. Алданову, с просьбой передать в редакцию. (Алданов по какому-то поводу обменялся письмами с моим покойным отцом)⁴³.

Вообще-то говоря, мне трудно теперь писать о себе-поэтессе. Как и многое другое в моей жизни, увы, и это сложилось как-то нескладно. Писала я немного, но всё же всё продолжала писать, чувствуя, что «крепну». Никогда – после одной неудачной попытки не делала поэтических переводов. Это мне абсолютно «не дано» (м.б., это прозвучит дерзко, но автор стихотворения мне «*мешает*», а «по заказу» стихов-«паровозиков» я писать никогда *не умела*).

В Праге на литературные встречи в «Далиборке» (назывались эти собрания по названию кафе, где мы собирались в отдельной комнате, конечно. Достаточно было заказать стакан кофе или чая). Историю возникновения «Далиборки» я не знала. Возглавлял ее при мне писатель Петр Алексеевич Кожевников. Вспоминаю, что там изредка бывали в гостях и старые писатели, напр[имер], Василий Иванович Немирович-Данченко, Дмитрий Крачковский⁴⁴, мой отец Д.М. Ратгауз, Е.Н. Чириков⁴⁵. Бывал секретарь Союза русских писателей Воеводин⁴⁶, прозаик, до него несколько лет, помнится, был секретарем В.И. Ильинский⁴⁷ (что они оба писали абсолютно не помню, помню только, что – прозу). Помню в Далиборке и поэтов: талантливейшего Вячеслава Лебедева⁴⁸, и Владимира Мансветова⁴⁹ и Алексея Эйснера⁵⁰ (ныне проживающего в Москве) и прозаика

⁴³ Письма Алданова Марка Александровича (1886–1957) к Д.М. Ратгаузу, как и ответные в архиве поэта не обнаружены. Стихотворение «Весеннее» было опубликовано в «Современных записках» 1933 г. в № 55, о чем есть пометка в самодельном альбоме, где текст наклеен из журнала. Стихотворение было републиковано в сборнике «Вся моя жизнь» (КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1987: 30) с разбивкой двадцати стихов на пять катренов.

⁴⁴ Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947), писатель.

⁴⁵ Чириков Евгений Николаевич (1864–1932), писатель, драматург.

⁴⁶ Воеводин Александр Александрович (1888–1942) писатель, журналист, редактор, издатель, член редколлегии журнала «Студенческие годы», где публиковалась ТКР.

⁴⁷ Ильинский Василий Иванович известен более как поэт и журналист.

⁴⁸ Лебедев Вячеслав Михайлович (1896–1969), «скитник», поэт и прозаик.

⁴⁹ Мансветов Владимир Федорович (1904–1989), «скитник», поэт.

⁵⁰ Эйснер Алексей Владимирович (1905–1984), «скитник», поэт и прозаик.

Василия Федорова⁵¹, очень одаренного. (Последних четырех помню больше уже по «Скиту». Долго я не решалась идти в «Скит». Как я и думала, там требования были значительно выше и дело было поставлено значительно серьезней.) Менее строго и глубоко рассматривались произведения в «Далиборке». Эти собрания носили какой-то – не знаю, как выразиться, – более «салонный» характер. Больше всего помню переводы старых французских поэтов Павла Петровича Лыжина⁵² (он уезжал из Праги на несколько лет в

⁵¹ Федоров Василий Георгиевич (1895–1959), поэт, прозаик, актер.

⁵² Лыжин Павел Петрович (1896–1969), переводчик, литератор, педагог. При жизни почти ничего не опубликовал. На протяжении десятилетий переписывался с ТКР, присылая ей свои произведения и иллюстрации к ним. В альбоме автографов оставил «Канцоньере»:

Canzoniere

Татьяне Даниловне Ратгауз

Прежде вихрем жизнь неслася
И за ней крылатый стих;
А теперь, поверьте, Тася,
Я смирился и затих...
Полный рифм, огня, задора,
Пусть в альбом другой пиит
Из «Скита» иль «Далибора»
Мадригал Вам посвятит.
Я ж теперь, поверьте, Тася,
И смирился и затих...
А когда-то жизнь неслася
И за ней крылатый стих!

<подпись>

Прага, 22 мая 1925.

В письме от 30 октября 1962 г. П.П. Лыжин прислал «Октябрьский канцоньеро» с припиской: «Первый мой «Канцоньере» «далиборковской» эпохи посвящался Вам и начинался «Прежде вихрем жизнь неслася, а за ней крылатый стих...».

Сгинь перо и сгинь бумага,
Коль терзает грудь бронхит,
Коли наша Златопрага
Чернопрагою глядит!
В мрачной сырости и саже
Утопает город наш.
Не до песен мне и даже...

провинцию (как преподаватель французского и русского языков, он в Праге закончил русский юридический факультет) и в «Скиту» не бывал. Должна честно сказать, что в моей старческой памяти уж очень мало осталось от прослушанных тогда произведений. В «Скит» я стала ходить к самому концу двадцатых годов. К этому времени хотя и печаталась в разных газетах и журналах, но лишь к началу тридцатых как-то сама почувствовала, что наконец больше окрепла и как поэт (в «Скит» я пошла по личному приглашению руководителя его, доцента Карлового университета Альфреда Людвиговича Бема⁵³).

[*добавление, Рига, апрель 1985 г.*] Увы, ничего точного и нового не могу сказать об А.Л. Беме. Его работы известны (а я многого не помню). Помню лично его как тонкого, порою строгого, но всегда доброжелательного критика, человека истинной культуры. Работа в «Скиту» (да, это была *творческая работа*) была, безусловно, много выше бесед в «Далиборке» из-за разного уровня личностей их

Даже мне не до Наташ!
За окошком Златопрага
Чернопрагою глядит.
Сгинь перо и сгинь бумага,
Коль терзает грудь бронхит!

В 1950-е гг. П.П. Лыжин прислал стихи «Дряхлые Музы», где есть такой пассаж: «О, сёстры древние, признаюсь я когда-то, / На жизненной заре несказно был пленен / Античной звучностью торжественных имен: / Полимния, Урания, Эрато! / И шесть других имен божественных сестер / В бреду я бормочу бессвязно до сих пор. / Забытых дочерей забытой Мнемозины / Кто ведает теперь? И в наши времена / Какой чудак вpletет в октавы и терцины / Давно отжившие, пустые имена? / О сгиньте! Вы смешны, горбаты и убоги! / Не надо мифов им, ни призраков, ни тайн. / Вас трактор заменил, турбины и комбайн». Ряд его шуточных произведений был проиллюстрирован: «Элефантиазис», «Придворный карлик. Баллада», «Три Вампира. Баллада», «Гиппопотамиада», «Зеброслон» (Музей. № 524662 Ratg R6/1 Rakstnieka P. Ližina dzejoļi un veltījumi, ar paša zīmējumiem, 50. gadi, 70 lp. ar tinti. zīm., akvareli. Dāvana T. Ratgauzai [фонд Ратгауз, писателя П. Лыжина стихи и посвящения с рисунками]).

⁵³ Бем Альфред Людвигович (1886–1945), историк литературы, критик, переводчик, доцент Карлова университета в Праге, организатор и руководитель литературного объединения «Скит поэтов» (1922–1940). В его пражском архиве сохранились письма к нему Т. Ратгауз 1936–1940 гг., нахождение ответных писем Бема неизвестно (см.: СПРОГЕ 2021).

«председателей». П.А. Кожевников был (как мне кажется) очень заурядным, ничем не выдающимся человеком (ему льстило его положение «руководителя» кружка, но влияния он, по-моему, не имел никакого). Уж не говорю об исключительно интересных 18 выступлениях А.Л. Бема с литературными докладами. Его я с радостью считаю своим «руководителем» и благодарна его памяти.

К величайшему сожалению, от коллег-поэтов у меня осталось больше общее впечатление. К сожалению, у меня (как это, увы, часто бывает), «зачитали» сборник Аллы Головиной «Лебединая карусель»⁵⁴, сборник талантливого парижского поэта Бориса Поплавского (названия не помню), увы, тоже. Прислал он мне сборник неожиданно, вероятно прочитав где-нибудь понравившиеся ему мои стихи – с краткой дарственной надписью: «Поэтессе – поэт» (окончил он жизнь трагически, – в приступе ностальгии поддался на уговоры какого-то наркомана и покончил с собой)⁵⁵. Вспоминаю в Праге (не в «Скиту», а в «Далиборке») писателя Иосифа Калининкова⁵⁶, – он заходил к нам домой (как, впрочем, довольно многие) – грузноватый, лысый человек, чем-то напоминавший Наполеона (так мы, грешным делом, его и прозвали). Он много рассказывал о написанном им романе «Мощи» (сколько помню, антирелигиозном). Это было в начале тридцатых годов, кажется. Потом он скоро уехал в СССР.

В полудетском возрасте я, что, вероятно, естественно, находилась под пессимистическим влиянием настроений моего отца, хотя поклонницей его стихов никогда не была. Более оптимистичной я стала с годами, хотя никогда не стала «бодрячкой» и «борцом».

[*На отдельных листах*]

В мае 1925 года в концертном зале Mozarteum состоялась творческий вечер Д.М. Ратгауза, исполнялись романсы на его слова на

⁵⁴ Об отношениях двух «скитниц», автографе и послании Аллы Головиной см.: СПРОГЕ 1998–1999.

⁵⁵ Поплавский Борис Юлианович (1903–1935), поэт «парижской ноты», подарил ТКР поэтический сборник «Флаги» (1931) с инскриптом.

⁵⁶ Калининков Иосиф Федорович (1890–1984), писатель.

музыку Чайковского, Кюи, Аренского и др. Отец выступал сам и несколько артистов читали его стихи. В программе была мелодекламация. В тот день состоялся мой дебют как чтицы. После того как я выступила в небольшой поэтической сцене сочинения отца «Поэт, муза и дух сомнения», меня – совсем еще девочку – стали приглашать для выступлений с декламацией. [...]

В 1924–1925 гг. в Праге была на гастролях труппа МХАТ. Они ездили на гастроли по Европе и Америке, и в результате одна группа актеров осталась за рубежом и стала называться Пражской группой МХАТ. Кроме артистов этой группы в Праге были и артисты других театров России, оказавшиеся за рубежом: В.П. Свободин (позднее актер Рижского театра русской драмы⁵⁷), Н.Г. Коваленская (актриса бывшего Александринского театра)⁵⁸, жена драматурга и писателя Е.Н. Чирикова, В.Н. Иолшина-Чирикова (актриса театра Комиссаржевской), актер и художник А.А. Брэй⁵⁹, бывшая ученица

⁵⁷ Свободин Владимир Павлович (1880-1935) с 1927 г. артист Рижского русского драмтеатра.

⁵⁸ Коваленская Нина Григорьевна (1888-?) в начале 1920-х гг. актриса Рижского русского драмтеатра.

⁵⁹ Брэй Александр Александрович (1884–1931), художник. Актер второй студии Московского Художественного театра. В 1920-х гг. в Праге – актер и режиссер Первого пражского русского театра. См. в воспоминаниях Ариадны Эфрон пражского периода: «В одну из памятных андреевских дат она [Анна Ильинична, вдова писателя Л.Н. Андреева. – Л.С.] устроила чтение неопубликованной, никому тогда не известной пьесы мужа – «Самсон в оковах». Читать должен был зорко ею высмотренный и ею же на слух проверенный актер А. Брэй [так!], одаренный, острого ума человек, рыжий, как лис, и хромым, как Байрон; рукопись пьесы была вручена ему заблаговременно, чтобы он успел всерьез подготовиться... Как сейчас вижу: единственное световое пятно – лампа с классическим абажуром на столе; у стола – кресло для тещи [...] В полумраке нехорошим темным огнем горят великолепные глаза (очи!) Анны Ильиничны. Брэя нет как нет. Опаздывает? Или забыл? Наконец, – [...] влетает наигранно-непринужденно, изящно раскланиваясь и извиняясь на ходу – теще. Коллективный вздох облегчения. Брэй садится в кресло, откашливается, наливает воду из графина, пьет, снова откашливается, бережно достает из потрепанного портфеля рукопись, оглаживает ее, пристраивается поудобнее – Анна Ильинична следит за ним пристальным тигриным взглядом – и – нарастающий, бархатно-громкий, актерский голос – Леонид Андреев. «Самсон в оковах» (ЭФРОН 1989: 212).

Всеволода Мейерхольда Л.С. Камеровская (по мужу), под фамилией Ильяшенко она была первой Незнакомкой в пьесе А. Блока⁶⁰. Она же стала моей руководительницей, а также еще нескольких учеников из студенческой молодежи. Нашим завлитом был В.А. Амфитеатов-Кадашев. Летом 1925 г. я вместе с группой молодежи подрабатывала в массовке в кино, и там, на съемках, оказались В.Л. Зелицкий⁶¹ и Л.С. Камеровская. Приглядевшись ко мне, они – видимо, слышали где-нибудь мое чтение – обратились ко мне с предложением попробовать свои силы в роли Наташи из горьковского «На дне». В октябре 1925 г. я сыграла свою первую роль – Наташу в «На дне» М. Горького. На премьере были актеры пражской группы МХАТ. Режиссер Шаров⁶² подошел к моему отцу в антракте с просьбой отпустить меня в качестве студийки театра с их труппой на гастроли в Америку. Но мои родители ни за что не расстались бы со мной так рано, и я еще не успела закончить английскую школу в Праге. В том же году артист Дуван-Торцов поставил комедию «Любовь – книга золотая» Ал. Толстого. Камеровская играла княгиню, мне дали роль Саньки⁶³. Тут я должна сделать отступление личного характера: в августе 1929 г. я вышла замуж за хориста Пражского национального оперного театра (Народни Дивадло) Владимира Антоновича Ассеева, – из-за этого в газетных заметках помимо моей воли стала появляться моя фамилия Ратгауз с приставкой Ассеева⁶⁴. В начале тридцатых

⁶⁰ Ильяшенко Лидия Степановна (КАМЕРОВСКАЯ; ПАНКРАТОВА; 1894–1984); подробнее о ее роли в судьбе ТКР см.: СПРОГЕ 2017.

⁶¹ Зелицкий Владимир Леонардович (?-1956) актер МХТ, основатель русского театра в Нью-Йорке («Театр Зелицкого»). С середины 1920-х гг. был актером «Пражской группы» МХТ.

⁶² Шаров Петр Федорович (1886-1969) актер и режиссер Пражской труппы МХТ.

⁶³ Пьеса А.Н. Толстого постоянно была в репертуаре Т. Ратгауз. В рижский период ее работы в русском Драмтеатре она играла роль княгини Серпуховской (ПЕРОВ 1940). Существует фотоснимок ее и В.В. Клименко из рижской инсценировки (воспроизведен в: СПРОГЕ 1996: 238). О постановках пьесы на русской зарубежной сцене см.: НИКОЛАЕВ 2014.

⁶⁴ В воскресном номере газеты «Сегодня» (1929. 18 авг. № 228. С. 12), ровно через неделю после бракосочетания в пражском храме Св. Николая Т. Ратгауз с певцом В.А. Ассеевым, был помещен фотоснимок с подписью под ним: «Литературная свадьба в Праге». [...] На нашем снимке новобрачные у входа в храм.

годов мы с мужем разошлись (а, во второй раз, я вышла замуж в Риге в 1936 г. за артиста Русского Драм. Театра в Риге Василия Васильевича Клименко). И уйдя после войны из театра и Госфилармонии (так уж сложилась жизнь), стала носить фамилию Клименко, и в жизни, и как режиссер самодеятельности и т.д.

Вернусь в Прагу. В начале 1935 г. бывший ректор Московского университета проф. М. Новиков⁶⁵, живший в Праге, обратился ко мне с очень неожиданным для меня предложением из Риги. О наших выступлениях нередко писали в газетах «Сегодня» и «Сегодня вечером» в Риге пражские корреспонденты и кто-то приезжал из Риги в Прагу и видел меня на сцене. Новиков спросил, не заинтересует ли меня приглашение о вступлении в труппу рижского русского Драмтеатра (ему поручили со мной поговорить). До сих пор единственная моя связь с Ригой была та, что старый друг моего отца и однокашник по гимназии и Киевскому университету актер И.Ф. Булатов⁶⁶ присылал мне по моей просьбе советский журнал «Театр» и вообще экземпляры идущих в Риге советских пьес, которые у нас в группе усиленно использовались. Получил приглашение в Ригу также артист Евгений Осипович Норманд. И я вскоре получила приглашение от нового правления рижского русского театра и решила вместе с попутчиком на путешествие в Ригу. До того в 1935 году (тоже в начале года) в Прагу из Парижа приезжал Николай Николаевич Евреинов, по приглашению пражского национального оперного театра⁶⁷. Он ставил оперу Римского-Корсакова «Царь Салтан». Оформлял спектакль тоже приглашенный из Парижа знаменитый художник Ив. Билибин Я имела удовольствие

Во втором ряду один из шаферов, писатель В.А. Амфитеатров-Кадашев (1), посаженный отец Вас. Ив. Немирович-Данченко (2) и отец новобрачной поэт Д.М. Ратгауз (3).

⁶⁵ Новиков Михаил Михайлович (1876–1965), профессор и ректор (1918–1920) Московского университета. В 1922 г. выслан из Советской России, жил в Берлине, в Праге, в Братиславе, в Мюнхене, в Регенсбурге. С 1949 г. – в США.

⁶⁶ Булатов Иван Федорович (1869–1947), актер рижского Театра русской драмы.

⁶⁷ Заметные события русской культурной жизни в довоенной Праге зафиксированы в: БЕЛОШЕВСКАЯ 1999; БЕЛОШЕВСКАЯ 2000–2001.

познакомиться с ними и особенно знакомство с Ник. Ник. Евреиновым (с которым я в течении нескольких недель часто общалась) меня духовно очень обогатило. Он также выступал в Праге с интереснейшими докладами об актерском мастерстве⁶⁸.

К началу сезона я выехала в Ригу. Дебютировала в спектакле «Платон Кречет» Корнейчука в роли Лиды, архитектора, второе мое выступление в Риге было в пьесе (кажется, переделке по Цвейгу) «Мария Антуанетта» в заглавной роли (имеются вырезки из газет, рецензии)⁶⁹.

Время шло. У меня все больше росло стремление к СССР, начавшееся уже давно, особенно под влиянием советской литературы и театра. (В Праге гастролировал Таиров⁷⁰ со своей труппой, не говоря уже о более ранних гастроях МХАТ'а). Я стала мечтать о возвращении на Родину (как и некоторые мои друзья и коллеги). Видимо, я как-то сумела повлиять на моего устарелого [так!] отца, и он не противился моему – пока еще теоретическому желанию возвратиться и даже поддерживал его. А когда в 1936 г., уже будучи артисткой Рижского Русского Драмтеатра я в Риге, вместе с мужем В.В. Клименко (артистом того же театра) подала заявление с просьбой о возвращении в СССР, отец во время нашего с мужем посещения Праги в том же 1936 г. дал нам письма своим старым знакомым в Москву с просьбой оказать нам содействие в трудоустройстве. Такое письмо отца к О.Л. Книппер-Чеховой (оригинал) находится в Отделе

⁶⁸ В Праге 21 июня 1935 г. в Союзе русских писателей и журналистов состоялась его лекция «Тайные пружины искусства». В альбоме автографов есть его запись: «Меньше всего я хотел бы, чтобы меня считали *серьезным человеком*, потому что перед серьезными людьми снимают “маски” или надевают только печальные, женщины не кривляются, дети играют без удовольствия, военные реже звякают шпорами и не желают рассказывать анекдотов. К тому же дураки всегда серьезны. [подпись] Прага, июнь 1935 г.» (частный архив).

⁶⁹ См.: КЛОПОТОВСКИЙ 1936.

⁷⁰ Таиров Александр Яковлевич (2885-1950) известный актер и режиссер Камерного театра. О его гастроях в 1930 г. оставила воспоминания актриса Алиса Коонен «Страницы жизни». О бурной встрече Таирова и актеров его театра в Праге есть множество воспоминаний о радушной встрече; почти во всех мемуарах сквозит сожаление о кратких гастролях: в Праге было только шесть спектаклей.

редких рукописей и книг Латв[ийской] Гос[ударственной] Библиотеки им. В[илиса] Лациса в Риге⁷¹. Там находится большая часть архива моего отца. (У меня в данную минуту имеется оригинал письма к Р.М. Глиэру⁷², но, вероятно, его у меня возьмет Московский архив науч[ной] Библ[иотеки] ВТО.) Увы, как я уже писала, в разрешении на возвращение в СССР нам было отказано.

Живя в Риге, я написала несколько пустьяковых рассказов, печатавшихся в газ[ете] «Сегодня». То тут, то там за рубежом и в Риге продолжали изредка печататься мои стихи⁷³. [...]

Литература

АБЫЗОВ 1991 – *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг. Библиографический справочник. Stanford, 1991. Часть III: М–Ри.

⁷¹ Т. Ратгауз сохранила одну из версий этого письма: «Глубокоуважаемая Ольга Леонардовна! Не уверен – помните ли Вы меня ещё. Тем не менее я позволяю себе побеспокоить Вас с очень большой просьбой: дочь моя Татьяна и муж ее Василий Клименко молодые актеры, стремящиеся работать и совершенствоваться на советской сцене под руководством наших крупных режиссеров. Не стану писать об их данных, в которых Вы сами легко убедитесь. Они молоды, жаждут работать, но не имеют никаких знакомств в Москве, поэтому я позволяю себе от всего сердца просить Вас взять на себя заботу об их покровительстве, за что заранее глубоко Вас благодарю. Ваше слово имеет бесконечно большое значение, если бы не тяжкая моя болезнь, приковавшая меня к постели (паралич!) я и сам бы стремился в С.С.С.Р. [так!]. Теперь же мне остается издали следить за расцветом нашей родины и надеяться, что дети мои при Вашем благосклонном содействии там сумеют устроиться в театре и служить любимому делу. Очень прошу Вас, Ольга Леонардовна, простить меня и убежден, что просьба больного, старого, давно умолкшего поэта (дочь которого Вы знали ещё маленькой девочкой) найдет в Вас отклик. Заранее Вам благодарный и преданный Даниил Максимович Ратгауз. 22 января 1937 г., г. Прага». Сверху на листе рукой Татьяны Ратгауз: «Собственноручное письмо написано за 4 месяца до смерти Д.М. Ратгауза» (частный архив).

⁷² Рейнгольд Морицевич Глиэр (1874–1956), композитор, дирижер, автор музыки к стихам Д.М. Ратгауза.

⁷³ Перечень опубликованных стихов см.: АБЫЗОВ 1991: 415–416. О прозе см.: СПРОГЕ 2001; СПРОГЕ 2019.

- АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ 1996 – *Амфитеатров-Кадашев В.А.* Страницы из дневника / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Т. 20. С. 435–635.
- БАРСОВА 1997 – *Барсова Л.Г.* Иван Иванович Лапшин: жизнь и труды // Звезда. 1997. № 10. С. 183–197.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 1999 – Хроника литературной жизни Русского Зарубежья: Чехословакия (1919–1939) / Сост.: Л. Белошевская, Д. Гашкова, Т. Любимова, Е. Лукина (Чехия) // Российский литературоведческий журнал. М., 1999. № 12. С. 216–285.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 2000–2001 – Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике / Под общей ред. Л. Белошевской. Прага, 2000. Т. 1. 1919–1929; Прага, 2001. Т. 2. 1930–1939.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 2006 – «Скит» Прага 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006.
- БЕЛОШЕВСКАЯ 2011 – *Vzpomínky. Deníky. Vuprávění. Ruská emigrace v Československu* / Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской; коллектив авторов. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2011.
- БУЛГАКОВ 1993 – Словарь русских зарубежных писателей / Сост. В. Булгаков, ред. Г. Ванечкова. New York. Norman Ross, 1993.
- КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1987 – *Клименко-Ратгауз Т.Д.* Вся моя жизнь / Вступ. Л. Черевичника. Рига: Лиесма, 1987.
- КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ 1996 – *Клименко-Ратгауз Т.* Сцена и я / Публ. Т. Власовой // Даугава. 1996. № 3. С.84–90.
- КЛОПОТОВСКИЙ 1936 – *Л. [Клопотовский В.В.]* Вечер Татьяны и Василия Клименко // Сегодня вечером. 1936. 19 дек. № 292. С. 6.
- КРЕЙД 1999 – Словарь поэтов Русского Зарубежья / Ред. В. Крейд. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
- ЛОССКИЙ 1994 – *Лосский Б.* В русской Праге (1922–1927) // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 16. М.; СПб., 1994. С. 7–79.

- МАЛЕВИЧ 2005 – Поэты пражского «Скита»: стихотворные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. О.М. Малевича. СПб.: Росток, 2005.
- МОРКОВИН 1993 – «Воспоминания» Вадима Морковина / Публ. Д.В. Базановой // Русская литература. 1993. № 1. С. 190–239.
- НИКОЛАЕВ 2014 – *Николаев Д.Д.* Пьеса А.Н. Толстого «Любовь – книга золотая» и русское зарубежье 1920-х гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 69–80.
- ПЕРОВ 1940 – *Перов А.* Листки из блокнота. О бенефисном спектакле Ратгауз и Клименко // Для Вас. 1940. № 11. С. 21.
- СПРОГЕ 1996 – *Спроге Л.* Беллетристика Т.Д. Клименко-Ратгауз на страницах газеты «Сегодня» // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллин: Авенариус, [1996]. С. 237–251.
- СПРОГЕ 1997 – *Спроге Л.* «Под чужим небом»: о неизданных мемуарах Д.М. Ратгауза // Русская литература. 1997. № 2. С. 132–138.
- СПРОГЕ 1998–1999 – *Спроге Л.* Алла Головина – «Письмо наизусть не пропеть...»: хронотоп послания // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 1998–1999. Т. 3–4. С. 69–75.
- СПРОГЕ 2000 – *Спроге Л.* Материалы к юбилею Даниила Максимовича Ратгауза // Русская культура на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. Вып. 1. С. 225–235.
- СПРОГЕ 2001 – *Спроге Л.* Проза Т.Д. Клименко-Ратгауз в русской периодике Латвии 1930-х гг. // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М.: Российский институт по культурологии, 2001. С. 184–189.
- СПРОГЕ 2017 – *Спроге Л.* Андрей Белый в письме «Незнакомки» (1979): к особенностям «женского» эпистолярия // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; Москва, 2017. С. 267–278.
- СПРОГЕ 2018 – *Спроге Л.* «Прозрения за грань эпохи блоковской Незнакомки» (Из архива В.А. Амфитеатрова-Кадашева и Т.Д. Клименко-Ратгауз) // Acta Slavica Estonica X. Studia Russica

- Helsingiensiа et Tartuensiа XVI. Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX– первой половины XX вв. К 90-летию со дня рождения З.Г. Минц, Tartu, 2018. С.160-173.
- СПРОҢЕ 2019 – *Спроґе Л.* Флюиды блоковской «Незнакомки» в новелле Т.Д. Клименко-Ратгауз // *Slāvu lasījumi = Славянские чтения = Slavic Reading Daugavpils XIII*, 2019. С. 239–248.
- СПРОҢЕ 2020 – *Спроґе Л.* «Жизнь – милая, глупая и злая...» (О письме Т.Д. Клименко-Ратгауз к Анне Ахматовой) // Рижский альманах. 2020, № 10/15. С.148-156.
- СПРОҢЕ 2021 – *Спроґе Л.* «Считаю своим руководителем и благодарна его памяти»: письма Татьяны Клименко-Ратгауз к Альфреду Людвиговичу Бему (1930–1940 гг.) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2021. Neue Folge. Bd. 9. С. 219–241.
- ЧЕХОВ 1986 – *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 13.
- ЭФРОН 1989 – *Эфрон А.* О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М., 1989.
- SPROҢE 2008 – *Sproģe L.* Tatjana Klimenko-Rathausa (1909–1993) aktrise un dzejniece // 100 Latvijas sievietes kultūrā un politikā / Sastādītāja Ausma Cimdiņa. Rīga: Latvijas Universitāte, 2008. Lpp. 236–239.

III
Recensioni / Reviews / Рецензии

MARCUCCI G. *Čechov in Italia. La Duchessa d'Andria e altre traduzioni (1905–1936)*. Macerata: Quodlibet, 2022. 192 pp. ISBN 978-88-229-0860-5.

Il volume offre un'analisi di come le traduzioni dei racconti čechoviani, scritti tra il 1880 e il 1904, si inseriscano nel panorama letterario e culturale italiano dei primi decenni del Novecento, con particolare attenzione all'attività traduttiva di Enrichetta Carafa Capecelatro duchessa D'Andria (1863–1941), attività che, come scrive l'Autrice nell'Introduzione, allo stato attuale non è ancora “sufficientemente riconosciuta né approfondita” (p. 14).

Nel primo capitolo viene preso in esame il repertorio čechoviano a partire dalla prima traduzione dall'originale russo di Nina Romanovskaja di *Una storia noiosa* (1905), per seguire poi le edizioni italiane che si susseguono negli anni immediatamente successivi, soprattutto ad opera di intellettuali e slavisti italiani (Giovanni Faccioli, Ettore Lo Gatto, Achille Malavasi, Leone Ginzburg, Piero Gobetti e Ada Prospero) e di intellettuali russi emigrati in Italia (Olga Resnevič-Signorelli, Olga Malavasi), oltre che di traduttori meno noti (Natalia Popa e Francesco Tancredi, Leo Gastovinski, Leonardo Kociemski). L'Autrice ricostruisce il complesso contesto delle politiche culturali sulla traduzione in Italia, attraversate dalla cesura del 1937 con l'istituzione del Ministro della cultura popolare e il conseguente controllo di Stato sulla pubblicazione di opere di narrativa straniera. È proprio in questo periodo di chiusura ideologica, dettata dalla censura nazionalista del fascismo, che vede la luce l'edizione italiana dei *Racconti* a cura della duchessa d'Andria.

L'Autrice sottolinea a più riprese l'importanza del gruppo della “Voce” per la ricezione di Čechov in Italia. Se in Russia la critica contemporanea a Čechov fatica a comprenderne l'originalità, già nel 1910 la vena innovativa dello scrittore russo viene riconosciuta da Ardengo Soffici, che insieme a

Sergej Jastrebcov traduce i *Racconti* per “I Quaderni della Voce” (sull’interesse del gruppo vociano per la cultura russa si veda D. Rizzi, *Artisti e letterati russi negli scritti di Ardengo Soffici*, in D. Rizzi, *A. Sbisbkin (a cura di), Russko-ital’janskij archiv II (Archivio russo-italiano II)*, Università di Salerno, Salerno 2002, pp. 309–322). Gli stralci riportati dello scambio epistolare tra il vociano e il pittore russo offrono una interessante ricostruzione di come si sia svolta questa collaborazione e del lavoro di traduzione sui racconti čechoviani. Altro momento fondamentale è rappresentato dall’attività di Olga Signorelli, in stretto contatto con quasi tutti i maggiori collaboratori de “La Voce”, la quale nel 1920 traduce per la Società anonima cooperativa “Libreria della Voce” la novella *La steppa*, che avrà grande risonanza e testimonia il ruolo del gruppo vociano nel destino dello scrittore russo in Italia. In seguito Signorelli tradurrà anche i racconti *Corredo* (1921, apparso su “La tribuna”) e *Volodja* (1930, su “Nuova antologia”). La fortuna dell’opera čechoviana si deve inoltre alla sua vicinanza all’umorismo di Pirandello: lo testimonia l’uscita nel 1924 delle *Novelle umoristiche* a opera di Olga Malavasi, con introduzione del filosofo e critico letterario e teatrale Adriano Tilgher, tra i primi a sottolineare l’innovatività della produzione pirandelliana.

Il secondo capitolo del volume approfondisce il contesto culturale in cui opera la duchessa d’Andria e le tappe principali della sua attività di traduttrice dal russo, sulla base delle memorie conservate alla Biblioteca Nazionale di Napoli. La biografia consente di comprendere alcune peculiarità di questa figura di scrittrice e traduttrice che si accosta alla traduzione in età ormai avanzata, a quasi sessant’anni. Enrichetta Capecelatro, proveniente da antica e illustre famiglia napoletana, nasce a Torino, ma già in tenera età si trasferisce con la famiglia a Firenze, dove completa gli studi con Giambattista Giuliani, uno dei più grandi dantisti dell’Ottocento, e intrattiene i primi rapporti con il mondo russo attraverso Angelo De Gubernatis e sua moglie Sof’ja Bezobrazova, per poi successivamente spostarsi a Roma. Il precoce esordio come abile verseggiatrice e scrittrice la porta all’attenzione di Croce, anche se la maggiore fama si consoliderà con le sue traduzioni dall’originale russo che firmerà con lo pseudonimo duchessa D’Andria. Dal 1885 vive a Napoli

con il marito Riccardo Carafa, conte di Ruvo e duca d'Andria, presso il cui salotto letterario si riuniscono importanti scrittori e filosofi del tempo, e solo dopo la morte del marito avvenuta nel 1920 intraprende lo studio del russo sotto la guida di Federico Verdinois, per dedicarsi poi negli anni successivi e fino alla morte alla traduzione di grandi autori quali Tolstoj, Dostoevskij, Gogol', Puškin.

Di particolare interesse all'interno della monografia è il terzo capitolo, dedicato allo studio contrastivo delle traduzioni dei tredici racconti čechoviani (tutti risalenti al primo periodo di produzione dell'autore) presenti nell'edizione della raccolta di novelle tradotte nel 1936 dalla duchessa d'Andria per la casa editrice Utet. Questa sezione, grazie anche all'ausilio di tabelle per la presentazione delle diverse varianti traduttive, consente allo slavista interessato al tema di farsi un'idea delle diverse soluzioni proposte dalla duchessa d'Andria e da altri traduttori rispetto ad alcune scelte, in particolar modo lessicali e stilistiche per la resa di titolo (come nel caso del racconto *Perekati-pole*, reso con *Semi vaganti*, p. 135), parole chiave, mimica del personaggio, musicalità del testo, onomastica russa. Per queste riflessioni l'Autrice si è avvalsa di diversi dizionari italiani e russi del tempo che aiutassero meglio a comprendere le scelte della traduttrice e di Čechov (p. 104), soffermandosi in particolare sull'analisi della presenza linguistica del traduttore e sulla resa dei registri linguistici, come il ricorso a varianti regionali (toscanismi) per riprodurre forme del parlato semplice in *Van'ka* (p. 116). Colpisce la sensibilità della duchessa per il testo čechoviano e l'abilità della sua resa in italiano letterario – soprattutto per quanto riguarda la vivacità del dialogo e del parlato popolare russo, di cui la traduttrice riesce a riprodurre la marcatezza –, facendo così rivivere l'originale russo nella lingua d'arrivo “con un nuovo e vitale respiro” (p. 151).

Nell'Epilogo vengono poi riassunti i punti principali che hanno contribuito alla definizione di un “canone letterario čechoviano” (p. 154): i rapporti, diretti o indiretti, con il circolo vociano, ma soprattutto la vicinanza della poetica di Čechov alle tematiche del modernismo italiano – la crisi della comunicazione, il rivolgersi alla quotidianità dei piccoli eventi e al mondo interiore del personaggio, l'esperienza del trauma. Tutto ciò è presente nel “modernismo realista” čechoviano (p. 157) non solo a livello

di trama, ma anche e soprattutto nell'attenzione alla componente linguistica che lo veicola, in modo più o meno diretto, tramite sfumature, salti di registro, dettagli e didascalie, che rappresentano una sfida per il traduttore.

L'Appendice raccoglie infine le traduzioni italiane dei racconti di Čechov (1905–1936), con indicazione dei racconti inclusi in ogni edizione, per i quali è riportato anche il titolo originale. Conclude il volume un utile indice dei nomi (pp. 183–187).

Il libro di Giulia Marcucci, corredato di un ricco apparato bibliografico e di note, rappresenta un significativo contributo scientifico, per molti aspetti originale ed innovativo, alla ricezione del mondo russo in Italia, di cui Čechov rappresenta un caso emblematico.

Giorgia Rimondi

Transnational Russian Studies / Ed. by Andy Byford, Connor Doak, Stephen Hutchings. Liverpool: Liverpool University Press, 2020. 358 pp. ISBN 978-1-78962-087-0.

La monografia, parte della serie *Transnational Modern Languages* e sviluppata nel contesto accademico anglofono, ha come finalità l'applicazione dell'approccio transnazionale agli studi di russistica. L'opera raccoglie saggi di diversi studiosi russi, britannici e americani.

La tipologia metodologica scelta dagli autori, e conforme a tutta la serie, evita sostanzialmente due estremi della questione: la riduzione a termini essenziali (*essentialization*) e la globalizzazione dell'approccio transnazionale alla russistica. Vengono perciò utilizzate diverse varianti metodologiche del paradigma transnazionale.

Se si considerano la Russia e la cultura russa *cornici epistemiche*¹, si propone di mostrare in che modo la transnazionalizzazione (*transnationalization*) degli studi di russistica costituisca un progetto di indagine, che interroga ed opera sui confini epistemici della conoscenza per la determinazione delle *cornici* indicate.

La prima parte del volume, "Nation, Empire and Beyond", affronta questioni geopolitiche e geoculturali relative allo spazio multietnico russo. Si apre con "Transnational, Multinational, or Imperial? The Paradoxes of Russia's (Post)coloniality", in cui Vera Tolz analizza l'identità imperiale e coloniale dei territori russi partendo dalla prospettiva transnazionale. L'autrice illustra e confronta le teorie basate sulla posizione della Russia in quanto paese colonizzato e colonizzatore, per mostrare in che misura

¹ Definizione introdotta da Jean Piaget e Rolando Garcia in *Psicogenesi e storia delle scienze* (1983) per indicare il peculiare contesto sociale e storico in cui si sviluppa la conoscenza; *cornici epistemiche* denota, quindi, i principi che regolano le modalità di acquisizione della conoscenza stessa.

abbiano influenzato le narrazioni propagandistiche fino alla Russia post-sovietica.

In “Gogol’s Other Coat: Transnationalism in Russia’s Literary Borderlands”, Amelia Glaser approfondisce un ulteriore aspetto del paradigma transnazionale rispetto all’Unione Sovietica: i fenomeni transnazionali legati ai luoghi, teatro di scambi interculturali di vario genere, e che accomunano l’immaginario letterario russo, ucraino e yiddish.

Olga Maiorova in “The Empire Strikes East: Cross-cultural Dynamics in Russian Central Asia”, studia, invece, l’attività di un gruppo di studiosi tolstoiani, stabilitisi nel XX secolo tra le comunità locali dell’Asia centrale. Si dimostra quanto sia importante considerare il rapporto tra “colonizzatori” e “colonizzati” nell’analisi delle dinamiche interculturali in Asia centrale per individuarne le varie sfaccettature.

“Where the Nation Ends: Transnationalism and Affective Space in Post-Soviet Cinema”, di Dušan Radunović, attraverso lo studio delle pellicole *The Wild Field* di Mikhail Kalatozišvili e *The Other Bank* di Giorgi Ovašvili, ambientate rispettivamente in Kazakistan e Georgia, individua una tendenza alla decostruzione del legame politico tra nazione e impero, e la delegittimazione dei discorsi post-sovietici sull’identità nazionale. Ciò ha luogo attraverso la disarticolazione dello spazio, ovvero l’assenza di qualsivoglia riferimento geopolitico, a favore di una concezione di spazio basata sulle relazioni e sugli affetti individuali, sul legame del singolo con i luoghi.

“Vladimir Sorokin’s *Telluria*: Post-imperial Eurasia, Fragmented Europe” di Tatiana Filimonova, è dedicato al romanzo di Vladimir Sorokin. L’autrice lo inserisce in un contesto geopolitico ben definito, paragonandone l’ironia (e la fonte dell’ironia) a quella di *La giornata di un Opričnik* (2006). Considerando gli elementi transnazionali e di critica politica, il romanzo segue la discussione iniziata nel 2006 sulla Russia neoimperialista e allo stesso tempo si pone la questione dell’integrità dell’Unione Europea. L’universo narrativo creato da Sorokin possiede le caratteristiche della transnazionalità, è decentralizzato e ospita un crogiuolo di civiltà, che interagiscono tra loro.

La seconda parte, “Beyond and Between Languages”, è dedicata invece alla questione della lingua nel contesto russo transnazionale. Si apre con

“World Literature, War, Revolution: The Significance of Viktor Shklovskii’s *A Sentimental Journey*” di Galin Tichanov; lo studioso esplora il concetto di “letteratura mondiale” attraverso l’interpretazione che ne offre Viktor Šklovskij nel suo *Viaggio sentimentale*. L’importanza del contributo del noto formalista alla discussione sulla “letteratura mondiale” consiste nel concetto di *literaturnost’*, basato sulla “portabilità” (*portability*) di un’opera, ovvero la sua capacità di essere tradotta in più lingue.

“The Transnational Vladimir Nabokov, or the Perils of Teaching Literature” si collega al precedente, poiché si dedica alla discussione del canone letterario. L’autrice, Marijeta Bozovic, si concentra sul modello educativo fallimentare rappresentato da Vladimir Nabokov in *Lolita*, confrontandolo con i contemporanei *Reading Lolita in Tebran* di Azar Nafisi e *Disgrace* di J.M. Coetzee.

“Bringing Books across Borders: Behind the Scenes in Penguin Books” di Cathy McAteer osserva il canone letterario attraverso l’evoluzione e l’idea alla base del progetto Penguin Classics, avviato negli anni Cinquanta in Gran Bretagna. Il progetto editoriale fornisce i dati necessari per comprendere in che modo la traduzione dei classici russi durante la Guerra Fredda abbia contribuito ad una conoscenza più profonda della cultura sovietica.

Sergey Tyulenev e Vitaly Nuriev si occupano di traduzione in “Sewing up’ the Soviet Politico-cultural System: Translation in the Multilingual USSR”. Le politiche adottate dai bolscevichi in ambito traduttivo hanno portato alla formazione di due sentimenti opposti: il nazionalismo e l’internazionalismo linguistico. Una loro diretta conseguenza è stata la necessità di scegliere tra sostenere e promuovere una sola lingua comunista (il russo), o preservare le singole identità etniche dei popoli dell’URSS. Per arginare, in parte, tale problematica il russo è diventato “lingua franca” e ha mantenuto la sua posizione ambigua; la traduzione di classici stranieri in lingua russa permetteva di controllarne i contenuti ideologici e, al tempo stesso, alle opere scritte nelle lingue dei paesi dell’URSS di entrare a far parte del canone letterario sovietico.

Lo status della lingua russa nei paesi dell’ex Unione Sovietica viene discusso e analizzato in “The Politics of Theatre: ‘New Drama’ in Russian, across Post-Soviet Borders and Beyond”. L’autrice, Julie Curtis, lo affronta nel contesto

del movimento teatrale transnazionale del “New Drama”, nato in Russia, Bielorussia e Ucraina agli inizi degli anni Novanta. Curtis fa emergere la transnazionalità del fenomeno nello scambio tra gli artisti del movimento, nell’utilizzo comune del russo e nella sua accezione geopolitica.

La terza parte, “Cultures Crossing Borders”, è incentrata sulle trasposizioni dell’universo russo sulla scena globale. In “*A la russe, mais à l’étranger: Russian Opera Abroad*”, sottolineando la peculiare capacità recettiva dell’opera lirica russa alle influenze straniere, Philip Bullock focalizza l’attenzione sulle influenze transnazionali, che agiscono in questo specifico ambito della cultura russa, tradizionalmente considerato espressione del suo spirito nazionale.

Stephen Norris in “On Russian Cinema Going West (and East): Fedor Bondarchuk’s *Stalingrad* and Blockbuster History”, basandosi sulla ricezione del successo cinematografico del 2013, afferma che “[...] contemporary Russian patriotic culture itself is a product of [...] transnational forces” (198). La pellicola mostra, infatti, come le idee di nazione e patriottismo costituiscano un elemento fondante degli studi transnazionali, sebbene siano in continua evoluzione con conseguenze non sempre positive. L’opera cinematografica era stata concepita in competizione e in dialogo con il mondo di Hollywood ed è diventata veicolo di affermazione del patriottismo come idea nazionale.

“Queer Transnational Encounters in Russian Literature: Gender, Sexuality, and National Identity” di Connor Doak esamina due testi della letteratura queer russa contemporanea: *Lilovij kostjum* (1999) di Viktorija Tokareva e *Mister Esposito* (2008) di Margarita Meklina. L’analisi dei romanzi presenta in chiave innovativa i rapporti tra la Russia e l’Occidente rispetto alle questioni del gender e della sessualità. Secondo Doak, le dinamiche di tali rapporti appaiono più chiare, se osservate in un ambito circoscritto, in opere che affrontano l’intersezione tra sessualità e identità nazionale tramite la descrizione delle comunità queer in Occidente. Per la letteratura LGBTQ+, sia russa sia occidentale, la scoperta della propria sessualità ed il *coming out* sono associati all’attraversamento di confini nazionali, in senso letterale e metaforico. Il metodo su cui si fonda il volume collettaneo qui recensito sembra essere particolarmente adatto a questo genere letterario, in cui spesso si narra della difficoltà di conciliare l’identità nazionale e quella sessuale; oppure,

come nella letteratura russa contemporanea l'omosessualità sia stata gradualmente associata all'occidentalizzazione, e l'Occidente ad una via di fuga dall'omofobia dominante.

Interessante e originale è il saggio di Jeanne-Marie Jackson "The Russian Novel of Ideas in Southern Africa", in cui la letteratura russa del XIX secolo sembra abbia costituito un modello per la letteratura post-coloniale africana attraverso il genere del romanzo filosofico di Tolstoj e Dostoevskij. L'autrice esamina i romanzi degli autori sudafricani Imraan Coovadia *Tales of the Metric System* (2014) e Tendai Huchu *The Maestro, The Magistrate, and The Mathematician* (2014). Focalizzandosi sull'Africa Settentrionale, Jackson mette in evidenza le affinità tra la disputa tra Slavofili e Occidentalisti dell'800 russo, e i dibattiti degli scrittori africani prima e dopo la fine del periodo coloniale. L'Africa, infatti, continua oggi l'opera di negazione degli universalismi occidentali, che in Russia era iniziata nel XIX secolo. Tolstoj e Dostoevskij affrontano la questione di Dio, mentre Coovadia e Huchu si scontrano con la questione etica tipica del XXI secolo: la globalità come ambito generale in cui viene esplorata la libertà individuale. Come sottolinea sapientemente l'autrice, entrambi gli scrittori africani, offrono un suggestivo esempio di romanzo filosofico adattato alla contemporaneità.

"Russian' Imperfections? A Plea for Transcultural Readings of Aesthetic Trends" di Ellen Rutten è incentrato sull'utilizzo dell'approccio transculturale nell'ambito delle pratiche estetiche su esempi russofoni. L'autrice si avvale del concetto di *transcultural thickenings*², particolarmente adatto e produttivo dal punto di vista metodologico, per indagare tendenze estetiche, che non solo si presentano in diversi ambiti sociali e storici, ma anche in varie parti del mondo.

Infine, "Russia Going Global" indaga la posizione della Russia nel mondo globalizzato e le loro interrelazioni. Il focus dei saggi di questa terza parte è l'analisi dell'idea per cui il ruolo della Russia nella comunità globale sia quello di creare un mondo "multipolare". Per Vladimir Putin, solo la

² Ovvero, l'idea che la piena comprensione degli sviluppi culturali avvenga solo con lo studio dei differenti "addensamenti" che li alimentano, sovrapponendosi e interagendo tra di loro (247).

multipolarità potrà contrastare l'egemonia occidentale, o meglio americana, sugli strumenti chiave della globalizzazione. Questa sezione si concentra, in particolare, sull'uso del web e su quanto influenzi la Russia in una prospettiva internazionale.

“Beyond a World with One Master: The Rhetorical Dimensions of Putin’s ‘Sovereign Internet’” di Michael Gorham è una panoramica sulla retorica di Putin della “democrazia sovrana” in rete, in rapporto alle tecnologie dell’informazione e della comunicazione (ICTs). L’autore dimostra che le strategie messe in atto per assicurare il dominio di Internet sul fronte interno ne accolgono l’essenza intrinsecamente transnazionale a livello globale.

In “RT and the Digital Revolution: Reframing Russia for a Mediatized World”, Stephen Hutchings indaga l’operato di RT, la principale emittente russa internazionale. La contraddizione tra la sua sfera d’azione puramente nazionale e il suo coinvolgimento in uno spazio mediatico sempre più transnazionale e multimediale è al centro dell’analisi.

“Meduza: A Russo-centric Digital Media Outlet in a Transnational Setting” di Vlad Strukov definisce il media digitale fondato nel 2014 e con sede a Riga, un “mezzo di comunicazione transnazionale”. Il transnazionalismo di Meduza è, per l’autore, “russo-centrico”, in virtù della sua posizione allo stesso tempo “russa” e “globale”.

“Transnational Self and Community in the Talk of Russophone Cultural Leaders in the UK” di Lara Ryazanova-Clarke si occupa della vasta comunità russofona residente nel Regno Unito. Gli studi contemporanei hanno coniato il concetto di “transnazionalismo” per definire i moderni flussi migratori e la creazione di conseguenti relazioni transnazionali. Queste ultime, sottolinea l’autrice, generano nuove reti e collegamenti e, soprattutto, nuovi modi di immaginare la comunità diasporica, la costruzione dell’identità e la comunicazione.

La ricca e interessante miscellanea, usufruendo dei diversi approcci dei russisti di area anglofona, mostra le molteplici rappresentazioni del concetto di “transnazionale”. I numerosi contributi ne approfondiscono l’applicazione in vari campi di indagine e forniscono indubbiamente ricchi spunti per ulteriori ricerche.

Sabrina Gallo, Laura Buono

MATTHIAS VETTER. *“Wir bringen den Tyrannen den Tod”: Die russische Exilorganisation NTS im Kampf mit der Sowjetunion.* Berlin: Metropol Verlag, 2023. 328 S. ISBN 978-3-86331-659-4.

Существует немало книг, посвященных истории, деятельности и идеологии Народно-трудового (иногда: Национально-трудового) союза русских солидаристов (НТС). Большой частью это воспоминания¹ и исторические очерки² самих новопоколенцев, их политическая публицистика³, сборники документов, свидетельств и очерков участников или симпатизантов движения⁴. Однако критических работ и собственно исследований, посвященных этой организации сравнительно немного; НТС, правда, регулярно описывается в круге научных трудов на такие темы, как борьба с коммунизмом, диссидентство и русская эмиграция во время

¹ НЕЙМИРОК А. *Дороги и встречи.* Франкфурт, 1984; РОМАНОВ Е.Р. *В борьбе за Россию. Воспоминания.* М., 1999; БАЙДАЛАКОВ В. *Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг.* М., 2002; РАР Г. *«...И будет наше поколение давать истории отчет».* Воспоминания. М., 2011.

² ПРЯНИШНИКОВ Б. *Новопоколенцы.* Silver Spring, 1986; СТОЛЫПИН А.П. *На службе России. Очерки по истории НТС.* Франкфурт, 1986; РАР Л.А., ОБОЛЕНСКИЙ В.А. *Ранние годы (1924–1948). Очерк истории Народно-Трудового Союза.* М., 2003.

³ Среди прочего: ПОРЕМСКИЙ В. *Проблемы национальной революции.* Франкфурт, 1952; РЕДЛИХ Р. *Солидарность и свобода.* Франкфурт, 1984; ПОРЕМСКИЙ В. *Стратегия антибольшевизской эмиграции. Избранные статьи. 1934–1997.* М., 1998.

⁴ ИВАНОВА Т. *Российские солидаристы: Люди и книги.* [М., 1993]; *НТС. Мысль и дело. 1930–2000.* М., 2000; *Портрет солидаризма /* Сост. В. СЕНДЕРОВ. М., 2007; *От зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014.* М., 2014; АРРО С. *Точка опоры. «Дети» русской эмиграции. Судьбы и трагедии. Фрагменты истории Народно-Трудового Союза (НТС) и его издательства «Посев».* Франкфурт, 2020.

«холодной войны»⁵. Книга немецкого историка, специализирующегося на Восточной Европе Маттиаса Феттера «*Несем тиранам смерть*»: *Русская эмигрантская организация НТС в борьбе с Советским Союзом* является, в сущности, первой научной монографией, полностью посвященной изучению солидаристского движения. Опираясь на разнообразные печатные и архивные источники, автор предпринимает попытку критически реконструировать его почти столетнюю историю.

Включенная в название книги цитата — один из лозунгов организации, где предлагается альтернативная официальному названию расшифровка сокращения НТС: «Несем Тиранам Смерть – Несем Трудящимся Свободу».

Книга построена по хронологическому принципу и разделена на пять частей, соответствующих выделенным автором пяти этапам истории движения. В первой части, «*Rebellische Jugend*» («Мятежная молодежь»; с. 10–46) излагается история довоенного периода НТС, восходящего к организациям-предшественникам, появившимся около 1924 г. «Пра-НТС» (с. 19) родился в июле 1930 г. под названием «Национальный союз русской молодежи» (НСРМ). Организация в первые годы существования неоднократно меняла название, став к концу 1931 г. Национальным союзом нового поколения (НСНП), а с 1934 г. — Национально-трудовым союзом нового поколения (НТСНП). Появление компонента «трудовой» в названии союза было, как отмечает Феттер, сигналом некоторого полевения (с. 21); значимым был и выбор понятия «труд», толкуемого как свободная, творческая деятельность, в противопоставление понятию «работа» (несвободному, механическому производственному процессу), а вместе с ним советскому идеалу рабочего.

Много внимания уделено разбору программы Союза, принятой на учредительной конференции 1930 г. и опубликованной в

⁵ STÖVER B. *Die Befreiung vom Kommunismus. Amerikanische "Liberation Policy" im Kalten Krieg 1947–1991*. Köln [u.a.], 2002; АНГОШИН А. *Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)*. Екатеринбург, 2008; TROMLY B. *Cold war exiles and the CIA. Plotting to free Russia*. Oxford, 2019.

открывающем номере первого печатного органа НТС «За Россию» (София, 1932–1935). Автор анализирует основные понятия, легшие в основу мировоззрения новопоколенцев: идеализм (в противоположность советскому материализму), национализм («здоровый национальный эгоизм») и активизм (вплоть до вооруженной борьбы с большевиками). С 1934 г. в программных документах движения появляется ключевая концепция «солидаризма» как третьего пути между социализмом и капитализмом, между коммунистическим коллективизмом и западным индивидуализмом.

Вторая часть книги, озаглавленная «In der Mordzone» («В зоне убийств»; с. 47–94), посвящена деятельности НТС в нацистской Германии, особенно в период Второй мировой войны. Опираясь на материалы немецких архивов, Феттер проливает свет на неизвестные детали этого, пожалуй, самого неприглядного эпизода истории движения. В годы войны солидаристы сознательно пошли на сотрудничество с нацистами во имя борьбы с большевизмом; следуя принципу активизма, значительное число членов НТС проникло на занятые гитлеровской армией территории СССР, чтобы вести агитацию среди местного населения; многие работали в административных органах оккупированных местностей. Детально описаны и отношения новопоколенцев с власовцами; некоторые из членов НТС подвизались в качестве преподавателей основанной в 1943 г. школы пропагандистов РОА в Дабендорфе под Берлином.

Много места отведено анализу «Схемы», проекта новой программы организации, принятой в ноябре 1941 г. и помеченной, как пишет автор, «глубоко коричневым пятном» (с. 59), поскольку в ней имеется пассаж, где евреи исключаются из состава «русской нации». Антисемитские нотки программы НТС военных лет вместе с коллаборационизмом не единственная «дань времени», хотя Феттер после изучения доступных ему источников приходит к выводу, что о сколько-нибудь систематическом участии солидаристов в преступлениях нацистов говорить не приходится. Впрочем, военные преступники среди членов организации имелись; подробно изложен случай Николая Алферчика (с. 73–75). В целом же исследователь

видит в коллаборационизме НТС не столько идейную близость, сколько наивный «сумасбродный (aberwitzig) план задействия немцев с целью реализации собственных намерений осуществить падение коммунизма» (с. 82).

Основная часть книги посвящена послевоенному периоду истории НТС, которому отведены два больших раздела. В первом из них, «Heißer Kalter Krieg» («Горячая холодная война»; с. 95–169), излагается деятельность союза во второй половине 1940-х и 1950-х гг. После 1945 г. солидаристы оказались в большинстве своем в лагере для дигпийцев (перемещенных лиц) Менхегоф / Мёнхехоф (Mönchehof) в немецкой провинции Гессен, в американской зоне оккупации. Именно там в эти годы происходит реорганизация НТС и адаптация программы к новым условиям послевоенного мира, стремительно разделяющегося на два враждебных блока. В этих условиях представления солидаристов о собственном движении как о «третьей силе» теряют значение; НТС полностью ориентируется на либерально-демократический капиталистический Запад, хотя и не до конца разделяет все его ценности.

В послевоенные годы НТС развивает широкомасштабную деятельность. При ретроспективном взгляде наиболее успешными за всю историю организации оказываются ее издательские начинания. Еще в лагере Мёнхехоф основано существующее поныне издательство «Посев»; в ноябре 1945 г. вышел первый номер одноименного журнала; в июле 1946 г. появился первый номер известного журнала «Грани».

В 1947 г. издательство переехало в Лимбург, а с 1952 г. оно вместе со всей организацией обосновалось во Франкфурте-на-Майне. В 1950-е гг. НТС организовывал нашумевшие пропагандистские акции, распространяя (в первую очередь среди советских солдат на территории ГДР) миллионными тиражами антисоветские листовки, газеты и брошюры, используя с этой целью воздушные шары и другие средства. Попытки инфильтрации в СССР агентов-парашютистов в 1953 г. завершились провалом – активисты были арестованы, некоторые из них расстреляны. Действия такого рода финансировались западными спецслужбами, которые в условиях

холодной войны видели в со-лидаристах еще одно оружие для борьбы с коммунизмом. Советские спецслужбы, в свою очередь, боролись с НТС, прибегая к похищениям отдельных членов, попыткам политических убийств, вплоть до покушения на здание организации во Франкфурте в 1958 г. с применением взрывчатки.

Следующий раздел книги, «Unfriedliche Koexistenz» («Немирное сосуществование»; с. 170–260), продолжает рассказ об истории НТС в 1960-е – 1980-е гг. Феттер сосредотачивается на таких аспектах, как отношения солидаристов с советскими диссидентами и с эмигрантами третьей волны, тамиздате как новой отрасли издательской деятельности «Посева», борьбе КГБ с солидаристами, программных дискуссиях, распрях и расколах внутри НТС.

В последнем разделе «Nach der Diktatur» («После диктатуры»; с. 261–283) проанализировано, в частности, отношение НТС к начатому перестройкой процессу самоликвидации СССР. Падение коммунистического режима произошло совсем не так, как это себе представляли солидаристы. Они наблюдали за распадом советской империи со смешанными чувствами, выступая против нарушения целостности страны, особенно против создания независимой Украины в 1991 г. После краха Советского Союза издательство «Посев», а вместе с ним и органы правления НТС переехали в течение 1990-х гг. в Москву. Оставшаяся в Германии организация превратилась в 1999 г. в «Общество “Посев” для взаимопонимания между русским и немецким народами».

Феттер подчеркивает, что «в “путинизме” имелись элементы, которые шли навстречу историческим программным заявлениям НТС: поддержка сильного государства, скепсис по отношению к либерализму и к Западу вообще, коллективизм, готовность к жертвам во имя общности, приверженность империи» (с. 275). Между тем, — развивает далее автор свою мысль, — существуют по меньшей мере два идейных момента, которые должны были бы превратить солидаристов в злейших противников путинизма. Традициям НТС противоречит не только «некритическое отношение к сталинистскому наследию», вразрез с идеями солидаризма идет также господствующая в России «экономическая политика,

направленная на беспрепятственное обогащение лояльной к власти элиты». В заключение Феттер касается также отношения НТС к войне в Украине, отмечая отсутствие официальной реакции правления организации на полномасштабное вторжение России в Украину, при наличии поддерживающих путинскую агрессию комментариев на ее интернет-страницах.

Книга содержит богатую библиографию и внушительный список (исключительно немецких) архивов, из которых почерпнуты использованные в исследовании материалы: от Федерального архива Германии до городских архивов Франкфурта. Следует отметить, что исследователю был доступен также франкфуртский архив НТС и издательства «Посев», хотя и не в полном объеме (без материалов так называемого «Закрытого сектора»).

Книга рассчитана не только на историков, но и на рядового заинтересованного читателя, что заметно не только по бойким, «захватывающим» заглавиям разделов и подразделов, но и по употреблению ненаучной транслитерации русских имен и понятий в основном тексте (Alfjortschik, Prjanischnikow), в то время как в примечаниях строго выдержана научная транслитерация (Alferčik, Prjanišnikov). Подобная двойственность написаний не представляется идеальным решением. Любой, кто готов прочесть такой серьезный научный труд как рецензируемое издание, без труда освоит и произношение горстки диакритических знаков и прочих особенностей научной транслитерации.

Manfred Schrubba

AUTORI / AUTHORS / АВТОРЫ

Владимир Хазан (Vladimir Khazan) – Prof. Vladimir Khazan (1952), The Hebrew University of Jerusalem (Israel). Author of more than 30 books and several hundred articles, essays, and archive publications on various issues in the history of Russian literature, Russian émigrés, Russian-Jewish cultural dialogue.

Максим Д. Шраер (Maxim D. Shroyer) – профессор Бостонского колледжа. Шраер опубликовал более двадцати книг на английском и русском языках, а также в переводах на другие языки. Удостоен Национальной еврейской премии США в 2008 году и стипендии Фонда Гугенхайм в 2012 году. Список литературоведческих книг включает *The World of Nabokov's Stories, Russian Poet / Soviet Jew: The Legacy of Eduard Bagritskii, Набоков: Темы и вариации, Бунин и Набоков. История соперничества, Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы* и др.

Catherine Depretto – professeur émérite de littérature russe à Sorbonne université et directrice de la *Revue des études slaves*. Son domaine de recherches est l'étude de la théorie littéraire en terrain russe, du formalisme et de l'œuvre de Iouri Tynianov. Elle a publié en 2009 *Le Formalisme en Russie* (traduit en russe, en 2015, aux éditions NLO). Elle a également consacré des recherches à l'histoire culturelle de la période soviétique et aux formes non-fictionnelles de récits de soi. Elle a récemment dirigé le numéro « Lectures de Dostoïevski », *Revue des études slaves*, 92, 2021, 3-4.

Федор Поляков (Fedor V. Poljakov) – профессор, заведующий кафедрой восточнославянских литератур Института славистики

Венского университета (Австрия). Автор более 120 публикаций, в том числе 10 монографий и изданий под редакцией об истории русской литературы XX века, культуре русской диаспоры, литературе славянского барокко, рецепции античной культуры в России.

Людмила Спроге (Ludmila Sproģe) – Dr. Philol., профессор отделения Русистики и славистики факультета гуманитарных наук Латвийского университета (Рига). Основные области научных интересов: Серебряный век русской литературы, литература русского зарубежья, русская культура в довоенной Латвии, латышско-русские литературные связи.

Giorgia Rimondi è ricercatrice in Slavistica e Research Scholar del progetto per lo studio del pensiero filosofico russo (NU RPRT Research Initiative) della Northwestern University. Membro della commissione loseviana del consiglio scientifico “Istorija mirovoj kul'tury” dell'Accademia russa delle scienze, dal 2018 collabora con il Centro di lingua e cultura russa “A.F. Losev” di Mosca. I suoi interessi di ricerca comprendono la filosofia russa degli anni Venti e i rapporti tra filosofia e letteratura, oggetto di diverse pubblicazioni in Italia e all'estero.

Sabrina Gallo è dottoranda di Letteratura russa presso l'Università di Roma La Sapienza. Si occupa di letteratura russa contemporanea; ha partecipato a diversi convegni; scrive una tesi sulla presenza del testo giapponese nella letteratura russa contemporanea.

Laura Buono si è specializzata in Filologia russa presso l'Università di Riga (Lettonia). Si occupa di letteratura russa contemporanea; attualmente frequenta il Master di I livello “SEMA: i mestieri dell'editoria, dall'artigianato al digitale”. È tirocinante presso la casa editrice Voland (Roma).

Манфред Шрубба (Manfred Schruba) – профессор Миланского университета (Università degli Studi di Milano). Автор работ о русской литературе XVIII века, о Серебряном веке, о русской эмиграции и

др., в том числе, книг *Studien zu den burlesken Dichtungen V.I. Majkows*,
Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов,
Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945).

IL TORCOLIERE • Officine Grafico-Editoriali d'Ateneo
UNIVERSITÀ DI NAPOLI L'ORIENTALE
finito di stampare nel mese di dicembre 2023

